

ISSN 2542-1514 (Print)

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2025

Том 9 № 2

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2025

Vol. 9 no. 2

ISSN 2658-4050 (Online)

ПРАВOPPРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 9, № 2 • 2025

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габов – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

С.Э. Несмелюва – профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор института дополнительного образования, д-р юрид. наук, проф. (г. Екатеринбург, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикова – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества кримиологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

Славомир Преснарлович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронис Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сяньвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор кафедры факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644099, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, каб. 704. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК.

Объединенный подписной каталог «Пресса России». Индекс 41286. Свободная цена.

Сайт журнала: <https://enforcement.omsu.ru>. Включает полнотекстовые версии статей на русском и английском языках.

Правила для авторов, этика публикации, информация об индексации журнала в международных базах цитирования и иные сведения представлены на сайте журнала.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 20.06.2025. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 175. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 9, no. 2 • 2025

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Svetlana E. Nesmeyanova – Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Director of the Institute of Further Education, Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlati – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowskyi – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 704, 6, Frunze ul., Omsk, Omsk Oblast, 644099, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list.

United subscription catalog "The Russian Press". Index 41286. Free price.

The journal's website: <https://enforcement.omsu.ru>. It includes full-text versions of articles in Russian and English.

The authors' guidelines, publication ethics, information about the journal's indexing in international citation databases and other information are available on the journal's website.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: June 20, 2025. Risograph printing. Format 60x84 1/8. Order 175. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 9, № 2 • 2025

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Бирюков С.В., Евстратов А.Э.</i> Теоретико-исторические науки в современном юридическом образовании, правотворческой и правоприменительной практике	5
<i>Малева Э.М.</i> Генезис законодательства об абортax в древности и античности: у истоков судебной медицины	14

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Матненко А.С., Маслов К.В., Костюков А.Н.</i> Правовая концепция социальной (личной) конкуренции	22
<i>Комкова Г.Н., Тогузаева Е.Н.</i> Запрет пропаганды смены пола в российском законодательстве: содержание и проблемы правоприменения	29
<i>Глазунова И.В., Башуров В.Б.</i> Финансово-правовой механизм обеспечения отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления	40
<i>Симонов В.А.</i> Суверенитет и территория государства в аспекте проблем конституционализма: прошлое и настоящее	48
<i>Драчук М.А., Обухова Г.Н.</i> Межотраслевые проблемы квалификации правонарушений при привлечении к административной ответственности по части 1 статьи 5.27 КоАП РФ	57

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

<i>Клейменов М.П., Клейменов И.М.</i> Социальные последствия и цена преступности	67
<i>Кисленко С.Л., Смушкин А.Б.</i> Особенности тактики осмотра мест происшествий при расследовании незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетики с использованием беспилотных аппаратов	77
<i>Королева Л.П.</i> Совершенствование взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов при проведении расследований	87

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

<i>Никитина А.В.</i> Сроки давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности: законодательные и правоприменительные проблемы	97
<i>Степашин В.М.</i> Уголовный кодекс Монголии. Общая часть. Наказание	108

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Болдырев В.А., Максимов В.А.</i> Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации	118
<i>Белова Ю.Н.</i> Правовые механизмы осуществления закупки у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц: основания, особенности признания и заключения договора	130
<i>Кондюрина Ю.А.</i> Влияние цифровизации процессуальной формы на цивилистический процесс	140
<i>Щербакова О.В.</i> Актуальность внедрения цифрового профиля работника как элемента кадровой политики работодателя	148

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

<i>Пименова С.Д.</i> Особенности применения международных обычаев в практике инвестиционного арбитража	159
--	-----

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 9, no. 2 • 2025

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

<i>Biryukov S.V., Evstratov A.E.</i> Theoretical and historical sciences in modern legal education, law-making and law enforcement practice	5
<i>Maleva E.M.</i> The genesis of abortion legislation in ancient times and antiquity: at the origins of forensic medicine	14

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

<i>Matnenko A.S., Maslov K.V., Kostyukov A.N.</i> The legal concept of social (personal) competition	22
<i>Komkova G.N., Toguzaeva E.N.</i> Prohibition of gender transition propaganda in Russian legislation: core provisions and problems of law enforcement	29
<i>Glazunova I.V., Bashurov V.B.</i> Financial and legal mechanism for ensuring certain state powers delegated to local governments	40
<i>Simonov V.A.</i> Sovereignty and territory of the state in the aspect of the problems of constitutionalism: past and present	48
<i>Drachuk M.A., Obukhova G.N.</i> Intersectoral problems of qualification of labor law violations as administrative offences in Russia	57

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

<i>Kleymentov M.P., Kleymentov I.M.</i> Social consequences and the cost of crime	67
<i>Kislenko S.L., Smushkin A.B.</i> Features of tactics of inspection of accident sites in the investigation of illegal interference in the activities of energy facilities using unmanned vehicles	77
<i>Koroleva L.P.</i> Improvement of interaction between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies in conducting investigations	87

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

<i>Nikitina A.V.</i> Limitation periods for bringing a judge to disciplinary responsibility: legislative and law enforcement problems	97
<i>Stepashin V.M.</i> The Criminal Code of Mongolia. The General part. Punishment	108

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

<i>Boldyrev V.A., Maksimov V.A.</i> Freedom of contract: the evolution of a legal principle in the era of information	118
<i>Belova Ju.N.</i> Legal mechanisms for purchasing from a sole supplier by certain types of legal entities: grounds, features of recognition and conclusion of a contract	130
<i>Kondyurina Yu.A.</i> The impact of the digitalization of the procedural form on the civil process	140
<i>Shcherbakova O.V.</i> The relevance of implementing the employee digital profile as an element of the employer's HR policy	148

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

<i>Pimenova S.D.</i> Application of the rules of customary international law in the practice of investor–state arbitral tribunals	159
---	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(2).5-13

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ, ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

С.В. Бирюков, А.Э. Евстратов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

23 ноября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Теоретико-исторические юридические науки, функция науки, юридическое мышление, правовая идеология, правовые ценности, догма права, социальное государство, правовое государство, правовой монизм, правовой плюрализм

Рассматривается вопрос о современном значении теоретико-исторических наук. Доказывается, что данные науки продолжают оставаться незаменимыми для развития правовых идей, правовых ценностей, общеправовой догматики, выполняют определенную роль в качестве основания правотворческой и правоприменительной практики, а реализуемый в высшем образовании компетентный подход не должен приводить к редукции теоретико-исторического знания. В то же время оценка современных исследований в области данных наук на предмет их актуальности и научной новизны зависит от того, насколько эти исследования действительно способствуют практическому развитию правовых идей (правовых ценностей) и общеправовой догматики.

THEORETICAL AND HISTORICAL SCIENCES IN MODERN LEGAL EDUCATION, LAW-MAKING AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Sergey V. Biryukov, Alexander E. Evstratov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 November 23

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Theoretical and historical legal sciences, function of science, legal thinking, legal ideology, legal values, dogma of law, welfare state, rule of law state, legal monism, legal pluralism

The subject. The issue of the modern value of theoretical and historical sciences is considered. It is proved that these sciences continue to be irreplaceable for the development of legal ideas, legal values, general legal dogma, fulfil a certain role as the basis of law-making and law-enforcement practice. The competence approach implemented in higher education should not lead to the reduction of theoretical and historical knowledge. At the same time, the assessment of modern research in the field of these sciences for their relevance and scientific novelty depends on the extent to which these studies actually contribute to the development of legal ideas (legal values) and general legal dogma applied in practice.

The purpose of the article is to substantiate the importance of theoretical and historical sciences in the field of legal science as a whole at the current stage of its development.

Methodology. The following methods were used: combination of dialectical method with the methods of formal logic, formal legal and comparative legal analysis.

Main results. It seems that the question about the expediency of studying theoretical-historical sciences in the educational programmes for legal specialties should be answered affirmatively, as they remain relevant and practically applicable and will continue to be in the future. Despite the fact that today there is a controversial but widespread view stating that theoretical and historical sciences are no longer able to respond to the relevant challenges and have a significant disconnection with practical jurisprudence, lawyers nowadays still should be taught to think, to analyse legal acts and other legal information,

be able to identify the ideas, values, and interests that lie at its core. This will not only develop their skills and overall intelligence but also prevent the formation of moral cynicism in them. This is especially important since theoretical and historical knowledge is widely used in law making and law enforcement practice, for instance, in form of terms, concepts and classifications.

Conclusions. In current conditions, the role of theoretical and historical sciences in the field of legal education is still significant. This also can be applied to so-called “competence-based” approach, which implies the preparation of professionals in compliance with the demands of employers, since theoretical and historical sciences allow the future professionals to develop such skills as systematic and critical thinking, the ability to analyse information and to argue their point of view. Therefore, all major theoretical and historical sciences should be included in educational programmes and considered in the state final examination.

1. Введение

1.1. Постановка проблемы

В 2024 г. кафедре теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (далее – ОмГУ) вслед за всем университетом исполнилось 50 лет.

В настоящее время теоретико-исторические юридические науки (их преподавание и изучение) продолжают оставаться значимой частью юриспруденции. Формально это подтверждается, прежде всего, наличием отдельной научной специальности (5.1.1), по которой осуществляется защита диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Кроме того, как известно, в ряде федеральных государственных образовательных стандартов по соответствующему направлению подготовки бакалавров и магистров такие дисциплины, как «Теория государства и права», «История государства и права России», «История государства и права зарубежных стран», «Философия права», были императивно отнесены к базовой (обязательной) части образовательной программы.

Сохраняются и формальные признаки практической значимости этого научного направления. Скажем, в примерные перечни вопросов для подготовки и сдачи квалификационного экзамена на должность судьи суда общей юрисдикции¹, судьи арбитражного суда², наряду с вопросами по основным отраслевым дисциплинам, включены более

20 вопросов по теории права. В перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена для получения статуса адвоката включен один вопрос по истории государства и права России («Российская адвокатура по Судебным Уставам 1864 г.»)³.

Вместе с тем оценка значимости теоретико-исторического знания в системе юридических наук, по сравнению с советским и даже переходным постсоветским периодом, явно претерпевает определенные изменения не в лучшую сторону. Так, в настоящее время в большинстве юридических вузов (на юридических факультетах) в рамках государственной итоговой аттестации обучающихся отдельный экзамен по теории государства и права не проводится. Часто на этом этапе познания студентов по общеотраслевым вопросам не оцениваются вовсе. Сегодня федеральные государственные образовательные стандарты не предусматривают и обязательного изучения такой науки, как «История политических и правовых учений». В результате, например, в ОмГУ изучение этой когда-то общепризнанной теоретико-исторической дисциплины предусмотрено только учебными планами магистратуры в достаточно сжатом объеме. Подобные примеры можно продолжать.

На протяжении последних лет в профессиональном сообществе поднимаются вопросы о будущем теоретико-исторических наук, их месте в юри-

¹ Вопросы для подготовки к сдаче квалификационного экзамена на должность судьи суда общей юрисдикции: утв. Высш. экзаменац. комис. по приему квалификац. экзамена на должность судьи. URL: <https://vekrf.ru/publication/1714/> (дата обращения: 22.11.2024).

² Вопросы для подготовки к сдаче квалификационного экзамена на должность судьи арбитражного суда: утв. Высш. экзаменац. комис. по приему квалификац. экзамена на

должность судьи. URL: <https://vekrf.ru/publication/1715/> (дата обращения: 22.11.2024).

³ Перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты при приеме квалификационного экзамена: утв. Советом Федер. палаты адвокатов Рос. Федерации. URL: <https://fparf.ru/upload/medialibrary/2b8/fcs7llbn4m2i2b9n4ttozqj91n5jjynk/Voprosy-s-01.02.2023.pdf> (дата обращения: 22.11.2024).

дическом образовании, практическом значении. Данные вопросы будут являться предметом и настоящей работы, в которой мы выразим по ним свою позицию.

1.2. Методологическая основа изучения проблемы

По нашему мнению, для целей исследования необходимо сочетание диалектического метода с методами формальной логики, формально-юридическим и сравнительно-правовым анализом.

1.3. Степень научной разработанности проблемы

К концу дореволюционного периода развития отечественной юриспруденции стремление правоведения к обобщенному знанию посредством философии, теории, социологии, истории права, истории философии права, необходимость объяснить сущность права, вывести и развить основные юридические понятия, изучать право с помощью исторического и критического метода в целом не подвергались сомнению. Соответствующие положения можно было найти во многих работах [1, с. 47–78; 2, с. 152–159; 3, с. 15–62].

В начале советского времени издание работ сложившихся к 1917 г. ученых, в которых подчеркивалось фундаментальное значение теоретико-исторических наук о праве [4, с. 17], сочеталось с нарастающим отчуждением от этих наук как «буржуазных» и слишком абстрактных, состояние правовой науки в этом смысле описывалось призывом: «Долой общую теорию!» [5, с. 4].

Постепенно это отчуждение, однако, сменилось, как известно, отдельными попытками создания «классовой» теории и истории права, а затем и формированием полноценных советских версий теоретико-исторических наук, отличавшихся классовым (марксистским) подходом к предмету изучения и, одновременно, фактической констатацией полной зависимости права от государственной власти (господствующего в политике класса). С самого их формирования и вплоть до распада СССР в научных и учебных публикациях неизменно подчеркивалось центральное, направляющее значение этих наук и для изучения государства и права как таковых, и для выработки умения мыслить по-марксистски (по-ленински) в соответствующих вопросах [6, с. 13; 7, с. 3, 8; 8, с. 3–6; 9, с. 11].

В рамках современных учебных курсов по теории государства и права вопросам науковедения традиционно уделяется большое внимание. Через выделение основных черт теории государства и

права как науки, ее функций, специфики взаимодействия с другими науками, как правило, отмечается фундаментальный характер этой дисциплины, ее методологическое и практическое значение, иногда – исходный по сравнению с другими юридическими науками характер [10, с. 17, 18; 11, с. 18, 22, 36; 12, с. 33–36]. В несколько меньшей степени это же можно констатировать и в отношении учебной литературы по другим теоретико-историческим юридическим дисциплинам [13, с. 17, 18; 14, с. 13–19]. Теоретики и историки права продолжают подчеркивать роль соответствующих наук и в специальных публикациях [15; 16; 17, с. 41–53].

Вместе с тем одновременно встречаются многочисленные работы, в которых с общеправовой или отраслевой точки зрения констатируется кризис теоретико-исторического знания о праве, его неспособность ответить на вызовы времени (в том числе, глобализацию), вопросы отраслевой юриспруденции, разрыв между теорией права и юридической практикой [18; 19; 20, с. 92; 21]. Кроме того, высказываются предложения о трансформации и даже редукции, упрощении соответствующих наук (в частности, теории государства и права) [22].

2. Значение идей для познания, оценки государственно-правовых явлений, формирования личности юриста

«Исторически отношения между философско-теоретическим правоведением и юридической практикой носили “дуально-дуэльный” характер (Ж. Бодрийяр). В этом контексте университетское образование культивировало убеждение в преобразующем воздействии науки права на предмет своего познания. Однако такие наставления неизбежно теряли актуальность по мере временного и пространственного удаления закончивших обучение студентов от *alma mater*. Сосредоточенные на карьере юристы “архивировали” пиетет по отношению к “высокой” теории права, склоняясь к прагматике инструментально-прикладного толка» [23, с. 19].

Юриспруденция, с одной стороны, является прикладной по происхождению дисциплиной, обобщающей практическую деятельность юристов. С другой стороны, через посредство теоретико-исторических наук в нее проникают более общие идеи, характерные для философии и других общегуманитарных дисциплин. Эти идеи, вопреки неокантианцам, делившим все науки на нормативные и описательные, не являются самоценными, они в том или ином смысле есть порождение исторического процесса, единство исторического и логического. Однако по

отношению к отраслевому юридическому знанию они неизбежно выступают внешним, преобразующим фактором.

Отчасти, именно в этой связи с самого начала существования советской теории государства и права она характеризовалась не просто как техническая дисциплина, обобщающая типичные для отдельных правовых дисциплин понятия, а как дисциплина руководящая и направляющая. Подобное же значение в целом приписывалось и другим теоретико-историческим наукам.

В условиях борьбы социализма и капитализма учебные издания по теоретико-историческим юридическим наукам формировались на основе своеобразной, но четкой методологической позиции. Основу «подлинно научного» подхода к проблемам права и государства, власти, экономики составлял историко-материалистический подход. Позволим себе напомнить современному читателю некоторые его положения.

В соответствии с ним история государственно организованного общества рассматривалась как последовательная смена общественно-экономических формаций: первобытное общество, рабовладельческое государство и право, феодальное государство и право, буржуазное государство и право, социалистическое государство и право. Материалистическое понимание истории в трактовке классиков марксизма-ленинизма было основой для оценки роли тех или иных исторических событий, правовых актов, а также политических и правовых учений в развитии общества.

Считалось, в частности, что и в политико-правовых учениях, и в законодательстве (праве) находят свое концентрированное выражение экономические и политические интересы того или иного класса или социальной группы. Эти интересы нуждаются в охране политической властью и, следовательно, побуждают классы и группы разрабатывать свои политические идеи и правовые нормы. Поскольку интересы различны, то на почве различия возникает и ведется ожесточенная борьба. Отражая эту борьбу и выражая в обобщенной форме главные экономические и политические интересы того или иного класса или социальной группы, политико-правовые учения и законодательство оказывают обратное воздействие на экономику и политику, играют серьезную роль в развитии общества. Их значение может быть различно. Они могут играть положительную, революционную, или отрицательную, реакционную, роль.

Идеи и правовые нормы, служащие отжившим силам общества, защищающие гибнущий общественно-экономический строй и его политическую надстройку, препятствуют развитию общества и потому являются реакционными. На базе назревших задач развития материальной и духовной жизни общества возникают новые идеи, взгляды, нормы, служащие интересам передовых сил общества, отражающие интересы прогрессивных слоев и всего общества. Они содействуют разрушению старого, рождению и укреплению нового политического строя общества. При этом они возникают и развиваются в борьбе со старыми, реакционными элементами политико-правовой надстройки.

Этот подход, во многом вопреки своему изначальному научному и критическому потенциалу, часто использовался для однозначной квалификации прежнего (буржуазного) государства и права в качестве инструмента классового господства, а современных советского государства и права как всегда и во всем прогрессивных, полностью отвечающих интересам сложившейся общности «советский народ». Именно это после возникновения необъяснимых при таком подходе кризиса и дальнейшего распада советского государства и привело к серьезной потере им научной репутации.

В то же время потребность в направляющей государственно-правовой идеологии, отражающей преобладающие в обществе интересы, не исчезла. Об этом свидетельствует продолжающаяся в научной литературе полемика о самой цели теоретико-исторических дисциплин, которая связывается различными учеными, в частности, с обеспечением государством и правом обязательных условий функционирования и прогрессивного развития общества (С.А. Дробышевский) [14, с. 19], реализации модели устойчивого развития общества (А.И. Экимов) [17, с. 51–53], осуществлением правом своей функциональной роли инструмента разрешения в обществе фундаментальных конфликтов (Л.В. Головкин) [20, с. 92] и др.

Характерно и то, что мысль о том, что политика и (позитивное) право обуславливаются какой-то большой и сложной идеей или, точнее, их системой (самоценной или же вытекающей из исторических условий), была характерна и для более ранних типов правопонимания (естественного права, теологии, исторической школы права), она проявилась в доктрине принципов (и аксиом) права. Даже современное «неклассическое» коммуникативное правопонимание во многом следует этой же линии.

На наш взгляд, она более типична для юриспруденции, чем постмодернистское утверждение полной относительности права и, тем самым, провозглашения права и справедливости не более чем мифом.

По нашему мнению, в современных российских условиях эта конструирующая юридическое мышление идеология должна включать в себя идеи социального правового государства, сочетания общественных и частных интересов, монизма и плюрализма [24; 25]. Это вполне соответствует и логике развития права, и национальным традициям, и Конституции РФ. В то же время, если подобного рода идеология не достаточно проработана или не отвечает специфике, многомерности общества на конкретном этапе его развития, именно теоретико-исторические юридические науки (в частности, история государства и права, история политических и правовых учений, социология права, исследующие различные модификации государства, права, политико-правовых идей), наряду с другими гуманитарными науками, а не разного рода популисты могут предложить обществу обоснованные варианты его трансформации.

Современные правоведы, как их предшественники до революции и в советское время, должны учиться мыслить, анализировать нормативные и индивидуальные правовые акты, иную правовую информацию, уметь выявлять те идеи, ценности, интересы, которые лежат в их основе. Это выступает и своеобразной прививкой от нравственного цинизма. Даже если потом юристы в ходе правотворческой или правоприменительной деятельности будут «склоняться к прагматике инструментально-прикладного толка», роли «идеальных исполнителей», они должны отдавать себе отчет в идейных основаниях такой прагматики. Например, отличать «левые» и «правые» политические идеи; социальное правовое государство, основанное на ценностях трудовой деятельности и компромисса интересов, и неолиберальное государство экономической свободы и рентного дохода для «своих»; национальные интересы и интересы транснационального капитала; подлинные правовые ценности и их имитацию («оптимизацию»).

Тем более, что идеология и ценности, которые присущи юристам, неизбежно отражаются в их практической деятельности всегда, когда их активность не задана однозначно догмой права, в том числе в рамках известной меры свободы правотворчества и ограниченного, но неизбежно существующего правоприменительного усмотрения.

3. «Техническая» роль общей теории государства и права и правовое регулирование

Кроме того, как известно, общая теория государства и права, опираясь на другие теоретико-исторические науки, отраслевые науки, формулирует «общие юридические начала», «всеобщие конкретные элементы права» [4, с. 17].

Для целей обоснования значимости теоретико-исторического знания важно подчеркнуть, что подобного рода обобщения (понятия, конструкции, классификации и пр.) используются не только в процессе дальнейшей учебной деятельности в рамках юридического образования. Они непосредственно отражаются в правотворческой и правоприменительной практике. Здесь можно говорить о том, что правовая доктрина, пусть и не выступая формальным источником права, в четком или «латентном» виде постоянно *проявляется* в правовом регулировании, служит его систематизации и развитию.

Для отечественной традиции не характерны ссылки на конкретные научные труды и исследования в судебных решениях или административных актах, хотя, если постараться, можно найти и подобные примеры (благо, такая практика не запрещена для правоприменителя). В частности, как уже отмечалось, ссылки на позиции известных ученых иногда приводятся отдельными судьями Конституционного Суда РФ для придания веса собственным аргументам при формулировании особого мнения [26, с. 174].

Куда чаще в законодательстве и актах высших судебных инстанций юридические термины, их дефиниции, признаки соответствующих правовых явлений, юридические конструкции отражаются без указания авторства, что, конечно, не обесценивает роль доктринальных заимствований для практики.

Скажем, давние разработки профессоров А.В. Мицкевича и И.С. Самощенко в области изучения актов правотворчества привели к уточнению признаков нормативности, введению категории «нормативное правовое предписание» [27, с. 34, 43; 28, с. 80; 29, с. 43–45]. В настоящее время эти выводы широко используются при употреблении соответствующей терминологии в конституционном судопроизводстве, для различения нормативных и индивидуальных правовых актов в рамках административного судопроизводства, для формулирования дефиниции нормативного правового акта в соответствующих законах субъектов Российской Федерации и т. д.

Не меньшее значение для практики имеют многие выводы доктрины в части принципов права,

действия норм права во времени и пространстве, дефектов правового регулирования вроде коллизий правовых норм и пробелов в праве. Обратим внимание и на то, что, по преимуществу, законодатели и судьи используют теоретические положения отечественной правовой доктрины. Вместе с тем при ее недостаточности те же судьи Конституционного Суда РФ пользуются и выводами зарубежных ученых.

4. Выводы

Сказанного достаточно, чтобы обосновать сохраняющееся значение теоретико-исторических наук в системе юридического знания.

На наш взгляд, даже так называемый компетентный подход, предполагающий индивидуальную подготовку специалиста в соответствии с запросами работодателей [30], при правильном его понимании вовсе не предполагает редукцию, выхолащивание юридической науки и образования. Такие компетен-

ции, в которых явно заинтересованы работодатели, как «системное и критическое мышление», «юридический анализ», «юридическая экспертиза», «юридическая аргументация», регулярно упоминаемые в действующих федеральных государственных образовательных стандартах в области права⁴, не могут быть в полной мере сформированы без освоения теоретико-исторических наук. Поэтому все основные теоретико-исторические науки должны быть представлены и в рамках учебных дисциплин, и в ходе государственной итоговой аттестации.

В то же время оценка современных исследований в области данных наук на предмет их актуальности и научной новизны, безусловно, зависит от того, насколько эти исследования действительно способствуют развитию правовых идей (правовых ценностей) и общеправовой догматики, применяемой на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – М. : РОССПЭН, 2010. – 520 с.
2. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1908. – 159 с.
3. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 805 с.
4. Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права / Я. М. Магазинер. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 352 с.
5. Стучка П. Классовое государство и гражданское право / П. Стучка. – М. : Социалистическая академия, 1924. – 78 с.
6. Голунский С. А. Теория государства и права / С. А. Голунский, М. С. Строгович. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – 304 с.
7. Юшков С. В. История государства и права СССР / С. В. Юшков. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. – Ч. 1. – 596 с.
8. Теория государства и права : учеб. / под ред. А. М. Васильева. – М. : Юридическая литература, 1977. – 472 с.
9. Проблемы теории государства и права : учеб. / под ред. С. С. Алексеева. – М. : Юридическая литература, 1987. – 448 с.
10. Морозова Л. А. Теория государства и права : учеб. / Л. А. Морозова. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2020. – 463 с.
11. Теория государства и права : учеб. / под ред. А. А. Клишаса. – М. : Статут, 2019. – 512 с.
12. Теория государства и права : учеб. для вузов / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юрайт, 2024. – 620 с.
13. Исаев М. А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир : учеб. для вузов / М. А. Исаев. – М. : Юрайт, 2024. – 423 с.

⁴ Приказы Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 13 августа 2020 г. № 1011 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция», от 18 августа 2020 г. № 1058 «Об утверждении федерального государ-

ственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность», от 25 ноября 2020 г. № 1451 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция».

14. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи : учеб. пособие / С. А. Дробышевский. – М. : Норма, 2007. – 592 с.
15. Теоретико-исторические правовые науки в системе современного юридического знания / отв. ред. Т. Ф. Ящук. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 192 с.
16. Корнев А. В. Изучение истории политических и правовых учений в российском правоведении в XX – начале XXI в.: условия, направления, результаты / А. В. Корнев // *Lex russica*. – 2020. – № 4. – С. 130–142. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.130-142.
17. Экимов А. И. Методологические проблемы понимания права : работы разных лет : сб. науч. тр. / А. И. Экимов. – М. : Проспект, 2022. – 304 с.
18. Антонов М. В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации / М. В. Антонов // Труды Института государства и права РАН. – 2017. – № 4. – С. 35–57.
19. Александров А. С. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права / А. С. Александров, С. В. Власова // *Российский журнал правовых исследований*. – 2019. – № 1. – С. 53–63.
20. Головкин Л. В. Постсоветская теория права: трудности позиционирования в историческом и сравнительно-правовом контексте / Л. В. Головкин // *Проблемы постсоветской теории и философии права* : сб. ст. – М. : Юрлитинформ, 2016. – С. 92–126.
21. Сальников Е. В. Парадигмальный кризис российской юридической науки: утрата нормативного единства / Е. В. Сальников, В. А. Кузьменков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2022. – Т. 13, вып. 2. – С. 530–546. – DOI: 10.21638/spbu14.2022.215.
22. Баранов В. М. Энциклопедия юриспруденции: сущность, структура, ценность / В. М. Баранов // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2016. – № 2. – С. 13–35.
23. Крусс В. И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» / В. И. Крусс // *Журнал российского права*. – 2021. – № 11. – С. 19–35. – DOI: 10.12737/jrl.2021.133.
24. Бирюков С. В. Идея социального государства в аспекте государственно-правового монизма и плюрализма / С. В. Бирюков, А. Э. Евстратов // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).15-24.
25. Бирюков С. В. Правовое и (или) социальное государство: монизм или плюрализм / С. В. Бирюков, А. Э. Евстратов // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 25–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).25-32.
26. Карпенко К. В. Особое мнение в конституционном правосудии и развитие юридической науки / К. В. Карпенко // *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. – 2021. – № 4. – С. 167–182. – DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-167-182.
27. Мицкевич А. В. Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР / А. В. Мицкевич. – М. : Юридическая литература, 1967. – 175 с.
28. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С. Н. Братусь, И. С. Самощенко. – М. : Госюриздат, 1962. – 575 с.
29. Илларионов А. В. Акты правотворчества в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Илларионов. – Омск, 2008. – 184 с.
30. Бондарь Н. С. Современные ориентиры российского юридического образования: национальные традиции или космополитические иллюзии? / Н. С. Бондарь // *Юридическое образование и наука*. – 2013. – № 1. – С. 7–15.

REFERENCES

1. Korkunov N.M. *Lectures on the general theory of law*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 520 p. (In Russ.).
2. Shershenevich G.F. *General theory of law and state*. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1908. 159 p. (In Russ.).
3. Shershenevich G.F. *General theory of law*. Moscow, Brothers Bashmakov Publ., 1910. 805 p. (In Russ.).
4. Magaziner Ya.M. *Selected works on general theory of law*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2006. 352 p. (In Russ.).
5. Stuchka P. *Class state and civil law*. Moscow, Sotsialisticheskaya akademiya Publ., 1924. 78 p. (In Russ.).

6. Golunsky S.A., Strogovich M.S. *Theory of state and law*. Moscow, Legal Publishing House of the Peoples' Commissariat of Justice of the USSR Publ., 1940. 304 p. (In Russ.).
7. Yushkov S.V. *History of state and law of the USSR*, Pt. 1. Moscow, Legal Publishing House of the Peoples' Commissariat of Justice of the USSR, 1940. 596 p. (In Russ.).
8. Vasil'ev A.M. (ed.). *Theory of state and law*, Textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1977. 472 p. (In Russ.).
9. Alekseev S.S. (ed.). *The problems of state and law theory*, Textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987. 448 p. (In Russ.).
10. Morozova L.A. *Theory of state and law*, Textbook. Moscow, NORMA Publ., INFRA-M Publ., 2020. 463 p. (In Russ.).
11. Klishas A.A. (ed.). *Theory of state and law*, Textbook. Moscow, Statut Publ., 2019. 512 p. (In Russ.).
12. Babaev V.K. (ed.). *Theory of state and law*, Textbook for universities. Moscow, Yurait Publ., 2024. 620 p. (In Russ.).
13. Isaev M.A. *History of state and law of foreign states. Ancient world*, Textbook for universities. Moscow, Yurait Publ., 2024. 423 p. (In Russ.).
14. Drobyshevsky S.A. *History of political and legal doctrines: main classical ideas*, Teaching aid. Moscow, Norma Publ., 2007. 592 p. (In Russ.).
15. Yashchuk T.F. (ed.). *Theoretical-historical legal sciences in the system of modern legal knowledge*. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 192 p. (In Russ.).
16. Kornev A.V. Studying the history of political and legal doctrines in Russian jurisprudence in the 20th – early 21st century: conditions, directions, results. *Lex Russica*, 2020, no. 4, pp. 130–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.130-142. (In Russ.).
17. Ekimov A.I. *Methodological problems of understanding the law*, Works of different years, Collection of scientific papers. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 304 p. (In Russ.).
18. Antonov M.V. Methods of legal theory in the context of globalization. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2017, no. 4, pp. 35–57. (In Russ.).
19. Aleksandrov A.S., Vlasova S.V. Anti-dogmatic: a new understanding of the criminal process and law. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian journal of legal studies*, 2019, no. 1, pp. 53–63. (In Russ.).
20. Golovko L.V. Post-Soviet theory of law: difficulties of positioning in historical and comparative context, in: *Problemy postsovetsoi teorii i filosofii prava*, collection of articles, Moscow, Yurlitinform Publ., 2016, pp. 92–126. (In Russ.).
21. Salnikov E.V., Kuzmenkov V.A. Paradigm crisis of modern Russian juridical science: Loss of normative unity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2022, vol. 13, iss. 2, pp. 530–546. DOI: 10.21638/spbu14.2022.215. (In Russ.).
22. Baranov V.M. Encyclopedia of jurisprudence: essence, structure, values. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii Ministerstva vnutrennikh del Rossii = Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2, pp. 13–35. (In Russ.).
23. Kruss V.I. Constitutional legal understanding vs “legal epistemology”: Bjarne Melkevik and “others”. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, no. 11, pp. 19–35. DOI: 10.12737/jrl.2021.133. (In Russ.).
24. Biryukov S.V., Evstratov A.E. The idea of a welfare state in the aspect of state-legal monism and pluralism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 3, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(3).15-24.
25. Biryukov S.V., Evstratov A.E. Legal and (or) welfare state: monism or pluralism?. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 25–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).25-32.
26. Karpenko K.V. Dissenting opinion in the constitutional justice and the evolution of legal science. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 2021, no. 4, pp. 167–182. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-4-167-182. (In Russ.).
27. Mitskevich A.V. *Acts of the highest bodies of the Soviet state. Legal nature of normative acts of the supreme bodies of state power and administration of the USSR*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1967. 175 p. (In Russ.).

28. Bratus' S.N., Samoshchenko I.S. (eds.). *Theoretical issues of systematisation of the Soviet legislation*. Moscow, State Legal Publishing House, 1962. 575 p. (In Russ.).

29. Illarionov A.V. *Lawmaking acts in the Russian Federation*, Cand. Diss. Omsk, 2008. 184 p. (In Russ.).

30. Bondar' N.S. Contemporary milestones of the Russian juridical education: national traditions or cosmopolite illusions?. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka = Legal education and science*, 2013, no. 1, pp. 7–15. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бирюков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: svbir@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 2496-9382; AuthorID: 195718

Евстратов Александр Эдуардович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: EvstratovAE@omsu.ru

SPIN-код РИНЦ: 1295-0330; AuthorID: 317077

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков С.В. Теоретико-исторические науки в современном юридическом образовании, право-творческой и правоприменительной практике / С.В. Бирюков, А.Э. Евстратов // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).5-13.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey V. Biryukov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law *Dostoevsky Omsk State University*

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: svbir@mail.ru

RSCI SPIN-code: 2496-9382; AuthorID: 195718

Alexander E. Evstratov – PhD in Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law

Dostoevsky Omsk State University

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: EvstratovAE@omsu.ru

RSCI SPIN-code: 1295-0330, AuthorID: 317077

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov S.V., Evstratov A.E. Theoretical and historical sciences in modern legal education, law-making and law enforcement practice. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 5–13. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).5-13. (In Russ.).

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АБОРТАХ В ДРЕВНОСТИ И АНТИЧНОСТИ: У ИСТОКОВ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНЫ

Э.М. Малева^{1,2}

¹ Университет «Кластер», г. Омск, Россия

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

17 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать –

25 июня 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Законодательство об абортах,
судебно-медицинские знания,
правовые системы Евразии,
социально-правовое явление,
римское право, патрилинейная
система наследования

Исследуется развитие законодательства об абортах в соотношении с эволюцией представлений человека о мироустройстве, усложнением структуры общества и изменением системы наследования в обществе. Представлено, как эти факторы влияют на развитие предпосылок формирования судебно-медицинских знаний, так как вопрос о живо- или мертворождении прямо связан с наследованием монархической власти, ее легитимизацией. Статья иллюстрирована примерами, которые подкрепляются ссылками на законодательство соответствующего периода. Автор обосновывает важность исследования генезиса законодательства об абортах с целью представления полной исторической картины, в рамках которой начала формироваться судебная медицина и закрепляться на законодательном уровне.

THE GENESIS OF ABORTION LEGISLATION IN ANCIENT TIMES AND ANTIQUITY: AT THE ORIGINS OF FORENSIC MEDICINE

Ellina M. Maleva^{1,2}

¹ Cluster University, Omsk, Russia

² Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 April 17

Accepted –

2024 June 25

Available online –

2025 June 20

Keywords

Abortion legislation, forensic
knowledge, legal systems of
Eurasia, social and legal
phenomenon, Roman law,
patrilineal inheritance system

The subject. The relevance of the topic chosen by the author of the article lies in its understudied nature in Russian historical and legal scholarship. While contemporaries may study the issue more broadly from a medical or forensic perspective, or delve deeper into legislation from the nineteenth century and Soviet periods, the author's article focuses on a specific aspect of this topic that has not been extensively explored.

The purpose of this article is to examine the development of abortion legislation in relation to changes in human ideas about the world and social order, the complex structure of society, and changes in the system of inheritance in society.

The research methodology is based on the fundamental principles of historical and legal knowledge: historicism and objectivity. While working with historical legal documents, the specific characteristics of law and legal thinking in the studied time period and the national legal traditions of the country were taken into consideration. Comparative legal analysis, system analysis, and interdisciplinary research methods were also employed.

Main results. The article provides examples of changing attitudes towards abortion through links to articles of legislation in antiquity and antiquity. The author illustrates this process by quoting the works of great thinkers and poets of the corresponding times. After conducting a systematic analysis, it was revealed how the interaction of civilizations and legal systems of Eurasia creates a complex chronotopic (time-spatial) picture of the development of ideas about abortion and infanticide from the syncretic mononormal concept – to the ownership rights of the head of the family – “the seed does not retain any qualities of the womb” to the idea that the head of the family has ownership rights over the fetus, and then to Roman law, “mothers of unworthy stealing citizens from the state” and the rights of fetuses in institutions such as “postumus” and “oeuvre postum”.

Conclusions. The author substantiates the importance of studying the genesis of abortion legislation in order to provide a complete historical context, within which the prerequisites appeared, and then forensic medicine began to form and become established at the legislative level. This is because the issue of live birth or stillbirth is closely linked to the question of succession to monarchical power and its legitimization.

1. Введение

Актуальность избранной автором статьи темы определяется ее слабой изученностью в российской исторической и историко-правовой науке. Современниками вопрос изучается в большей степени в аспекте медицинского и криминалистического подходов, либо же исследователи более глубоко погружаются в законодательство XIX в. и советского периода.

Судебно-медицинские знания являются важнейшим элементом для установления истины по делам о криминальных абортах и детоубийстве, без них невозможно установить факт мертво- и живорождения, умышленный или неумышленный характер действий, связанных с прерыванием беременности или выхаживанием младенца, и т. д.

Методология исследования основана на базовых принципах исторического и теоретико-правового познания: историзм и объективность. При работе с юридическими документами прошлого учитывались особенности права и правопонимания в изучаемый период и национальных правовых традиций государства.

2. Защита материнства и детства в системах правовых воззрений первобытного общества

Аборт в качестве социально-правового явления, несомненно, является продуктом цивилизации достаточно развитого уровня, связанного с зарождением и появлением мировых религий. Древнее (архаичное) общество не особо утруждает себя вопросом аборта и практически повсеместно использует детоубийство как способ регулирования численности популяции при недостатке ресурсов. В данном случае не имеется особой разницы в том, что жизнь будет прервана до или после родов, значение имеет только жизнь взрослого полноценного члена общины.

С другой стороны, концепция заботы о потомстве заложена в *Homo sapiens* даже на биологическом уровне, данный вид – сравнительно малородящая биопопуляция, к тому же ее рост ограничен длительным воспитанием ребенка после рождения. Древние монономы создают некий механизм

охраны материнства и детства. В эпическом сознании всех народов древности защита ребенка (потомства) связана с культом плодородия:

А также те Маруты, радостно настроенные,
Пусть поддержат нашу молитву и потомство, (они,)
приносящие награду!

Да не проглядит нас пасущаяся корова!
Они увеличили предназначенное нам богатство.

<...>

К вам, о Маруты, пусть направится этот звук,
К Вишну, охраняющему излитое (семя своими)
поддержками!

И пусть дадут они силу потомству (и) певцу!
Защищайте вы нас всегда (своими) милостями!¹

Ригведа. Мандала VII. Гимн 36. Строфы 7,9.

Божество защищает зародыша не как самостоятельную ценность, а как элемент плодородия. Аналогично древнетюркский дух (божество) Йер-Су ведает зародышами детей, скота, таежных животных и т. д. [1]. Аналогичны функции римской богини Юноны Осиганы (дающей скелет зародышу) или Луцины (выводящей на свет, родовспомогательницы) [2]. Данный архетип универсален в мифологии народов мира и исходит из того, что аборт и детоубийство не осуждаются, данные действия не преступны, не аморальны – мононормическое сознание синкретично и в принципе не разделяет нормы по социальным регуляторам [3, с. 226–227]. Однако, зародыш – это часть природы, и его убийство без веской причины признаётся нежелательным, поскольку может разгневать духов и тем самым поставить под угрозу существование всего рода / племени.

3. Патрилинейная система прав на нерожденного ребенка

С развитием общества начинает развиваться идея отцовства и защиты его прав, а также права общины в отношении будущего ее члена. Идея мужских прав на плод, в данном случае, – это не забота собственно о будущем ребенке, а элемент формирования наследственных правоотношений. Сейчас это

¹ Ригведа: Мандалы V–VIII / изд. подгот. Т.Я. Елизаренкова; отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1995. С. 217.

трудно представить, но древнее общество иначе относится к собственности и ее наследованию. Антропологи фиксируют множество обрядовых форм, когда имущество не передается, а захоранивается вместе с покойными, зачастую намеренно уничтожается при захоронении или же расходуется на тризну (похоронный пир). У всех индоевропейских народов фиксируется обряд наследования в виде похоронных игр [4, с. 25; 5, с. 203]. Например, прекрасно описаны Гомером в «Илиаде» похоронные игры в память о Патрокле², когда наследство делится на части, которые достаются победителям спортивных соревнований, кровные родственники не получают ничего.

Всё меняется, когда имущество и особенно власть начинают наследоваться, и принципиально важным становится вопрос о происхождении ребенка от конкретного мужчины. Как следствие, появляются юридизированные формы запрета абортов, совершённого женщиной без ведома и/или разрешения мужа. Так, в индуизме вводится запрет искусственного плодоизгнания при зачатии от представителя высших каст. По законам Ману вся полнота прав на зародыша и ребенка принадлежит мужчине, поскольку «муж, проникнув в жену и став зародышем, возрождается в этом мире, ибо женская сущность жены в том, что он возрождается в ней» (гл. 9, ст. 8), потому что «семя не сохраняет никаких качеств уробы» (гл. 9, ст. 37)³.

Из фрагментов шумерских законов известно, что причинивший выкидыш «дочери человека» платит, неумышленно толкнув – 10 сиклей серебра, а ударив – 1/3 мины, что примерно в два раза больше (§ 1–2) [6, с. 211]. В законах Хаммурапи ударивший дочь человека и вызвавший выкидыш платит 10 сиклей (§ 209), ударивший дочь мушкенума – 5 (§ 211), ударивший рабыню – 2 (§ 213). Если кроме выкидыша произошла еще и смерть женщины, то за смерть свободной – убить дочь виновного (§ 210), за дочь мушкенума – 1/2 мины серебра (§ 212), за рабыню – 1/3 мины серебра (§ 214) [6, с. 232].

Хеттские законы ограничивались крупным штрафом причинившему выкидыш: в первом варианте, в зависимости от срока беременности – 1 полусикль за месяц беременности до 10 включительно и за рабыню вдвое меньше (§ 17–18, табл. I) [7, с. 260], во втором варианте – выкидыш у свободной – 20 по-

лусиклей и выкидыш у рабыни – 10 (§ 16–17, табл. III) [7, с. 282].

По среднеассирийским законам особенно четко прослеживается примат отцовских прав: «Если женщина выкинула плод, и ее уличили клятвенным показанием и доказали против нее, то ее должны вздеть на колья и не должны погребать. Если она умерла, производя выкидыш, ее должны вздеть на колья и не должны погребать» (§ 53, табл. III A) [7, с. 223]. Там же предусматривалась ответственность ударившему беременную и вызвавшему изгнание плода (§ 50–52), причем особо оговорено, что «если у мужа той женщины нет сына... и она выкинула свой плод [и плод не девочка], то за ее плод должно убить ударившего» (§ 50) [7, с. 223]. В то же время за выкидыш у дочери человека (т. е., видимо, находящейся не под властью мужа) виновный платил 2 таланта свинца, наказывался 50 ударами палками и 1 месяцем работ на царя (§ 21) [7, с. 215].

Подобную же логику приписывают Петру I, который приговорил к смертной казни фрейлину англичанку Марию Гамильтон: «жила блудно и была от того брюхата трижды; и двух ребенков лекарством из себя вытравила, а третьего родила и удавила» [8, с. 253]. Современники предполагали, что фрейлине, несмотря на множество заступников, включая императрицу, было отказано в снисхождении по той причине, что ее дети могли быть «монарших кровей» и убиты были без ведома императора.

4. Классическая античная цивилизация по вопросу регулирования абортов

Формирование античной медицины выразилось в возникновении ряда медицинских школ – кротонской (Алкмеон), книдской (Эврифон), сицилийской (Эмпедокл) и косской (Гиппократ). Античная цивилизация, вопреки многим бытующим домыслам, принципиально новых идей в вопрос регулирования абортов не внесла. Действительно, в начальном тексте клятвы Гиппократа есть запрет «не вручу никакой женщине абортивного пессария»⁴. Однако дальше Гиппократ запрещает «сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом»⁵, т. е. речь не о запрете самих абортов, а лишь о том, что врач не должен опускаться до данных манипуляций, это делают другие, менее квалифицированные люди (хи-

² Гомер. Илиада / пер. с др.-греч. Н.И. Гнедича. М., 1960. С. 369–371.

³ Законы Ману / пер. с санскрита С.Д. Эльмановича. М., 1992. С. 110–111.

⁴ Гиппократ. Избр. кн. / пер. с греч. В.И. Руднева. М., 1932. С. 87.

⁵ Там же.

рурги). Как отмечает Е.Е. Бергер, «разделение хирургии и медицины наблюдается... в Античности и проходит через всё Средневековье. Исследователи видят для этого несколько причин. Прежде всего, хирургия находилась в зачаточном состоянии, ее возможности были чрезвычайно ограничены, а смертность при оперативных вмешательствах очень велика. Смерть могла наступить не только вследствие самой операции, но от болевого шока или послеоперационных осложнений» [9, с. 218]. Врач, по мнению Гиппократ, просто не должен был рисковать высоким статусом профессии.

Например, данный тезис подтверждается тем, что в трактате «О семени и природе ребенка» (раздел 12) есть описание аборта на ранней стадии беременности, который Гиппократ сам вызвал физическими упражнениями у рабыни-артистки, так как беременность снижала ее цену⁶, и никакой моральной дилеммы у врача нет. В целом в трудах Гиппократ вопрос об этике, допустимости аборта вообще не ставится.

Аналогично и в трудах Аристотеля осуждения абортов нет. Показательно, что в труде Аристотеля «История животных» книги 7 и 10 посвящены биологии человека, процессам полового созревания, зачатия, беременности и родов, причинам бесплодия. Автор демонстрирует высокий уровень медицинской осведомленности, но говорит только о случаях естественного прерывания беременности или смерти младенца. Вопросы аборта или детоубийства не обсуждаются в принципе, не одобряются, но и не осуждаются⁷.

Характер полноценной юридической нормы осуждение абортов обретает уже в римский период. Данное законодательство дает также толчок для развития судебно-медицинских знаний [10; 11]. Ранее данные вопросы просто не возникали, развитие права сформулировало проблематику для античной науки.

Классическое римское право исходило из формулы *filius in utero matris est pars viscerum matris*, рассматривая плод как часть организма женщины, и не видело в аборте признаков правонарушения. Наобо-

рот, в Риме были популярны различные варианты платонизма, а идеальное государство Платона исключало семью как социальный институт, «всё рождающееся потомство сразу поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц»⁸ (кн. V, 460 b). Великий русский философ А.Ф. Лосев пишет: «Платонизм как язычество есть в основе культ тела... Любить надо Бога, а не родителей и детей... Аборт и детоубийство – диалектическая необходимость для платонически мыслящей женщины... в конце концов, не так и важно, кто кому родственник по крови или нет» [12, с. 847, 850, 852]. Из современных авторов на проблему рационального проекта воспитания детей в идеальном государстве Платона указывает культуролог Е.Н. Суворкина «с целью продуктивного анализа видения проблемы положения ребенка в обществе» [13].

Показательно, что в 1906 г. М. Бенеманский отмечает, что большинство законодательств Европы запрещает аборты, но правоведы того времени считают данный подход не прогрессивным⁹. Современная дехристианизация и дегуманизация идеологии Запада под лозунгом политкорректности ввергла правовые системы мира в эпоху ювенальных юстиций, ужасающе напоминающих утопии Платона.

5. Римское право периодов принципата и домината

Иную идеологему выдвинула Поздняя Стоя «с культом “римской доблести”... *pietas* (благочестия), *fides* (верности)...» [14, с. 33]. Марк Туллий Цицерон видит в абортах недостойное поведение, нарушение общественных и частных интересов: «Помнится, в бытность мою в Азии, одна уроженка Милета была присуждена к смертной казни за то, что она... сама разными снадобьями вытравила у себя плод. Она вполне заслужила это...» (титул 32)¹⁰. Задолго до визита Цицерона, в 129 г. до н. э., г. Милет был подчинен Риму, но там действовали местные законы и обычаи (*mos regionis*).

На рубеже новой эры аборты как социальное явление активно критиковал «властитель дум» поэт Овидий:

⁶ Гиппократ. Указ. соч. С. 233.

⁷ Аристотель. История животных / пер. с др.-греч. В.П. Карпова. М., 1996. С. 281–298, 397–412.

⁸ Платон. Государство / пер. с др.-греч. А.Н. Егунова // Платон. Соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 1. С. 278.

⁹ Бенеманский М. Авторский комментарий № 2 // О *Procheiros Nomos* императора Василия Македонянина. Его происхождение, характеристика и значение в церковном праве. Сергиев Посад, 1906. Вып. 1. С. 394.

¹⁰ Цицерон М.Т. Речь в защиту Авла Клуенция Габита [В суде, 66 г. до н. э.] // Цицерон М.Т. Речи: в 2 т. / пер. В.О. Горенштейна. М., 1962. Т. 1 : (81–63 гг. до н. э.). С. 196.

Та, что пример подала
выбрасывать нежный зародыш, –
Лучше погибла б она в битве с самою собой! <...>
Можно ль незрелую гроздь срывать
с лозы виноградной?
Можно ль жестокой рукой
плод недоспелый снимать? <...>
Как нерожденных детей ядом смертельным травить?
Все колхидянку [Медею] винят,
облагренную кровью младенцев... <...>
Матери-звери они... <...>
Пусть предсказанья мои станут лишь звуком пустым!
Боги благие, лишь раз без вреда
согрешить ей дозволейте...
Но и довольно: потом пусть наказание несет.¹¹
Овидий. *Любовные элегии. Книга II.*
XIV. *Строфы 5–6, 21–22, 26–27, 29, 40–42.*

В римском праве наказание за аборт вводится законом Корнелия Суллы «Об убийцах и отравителях» (*de sicariis et veneficis*) в промежутке с 80 по 88 гг. н. э. Комментарий к этому закону был написан римским юристом III в. Юлием Павлом: «Если кто-нибудь даст напиток, вызывающий выкидыш, или любовный, то хотя бы он сделал это без злого умысла, всё же, поскольку такая вещь служит дурным примером, если он из простонародья, то приговаривается к рудникам, если из благородных – к временной высылке на острова с конфискацией части имущества; если же из-за этого погибнет женщина или мужчина, то карается смертной казнью»¹² (С. 14, титул 23, кн. 5). В VI в. ряд норм против аборт в текст Дигестов Юстиниана: «Если станет известно, что женщина употребила насилие против своего чрева, чтобы вытравить плод, то наместник провинции удалит ее в изгнание»¹³ (D. 8, титул 8, кн. 48). Норма продублирована в титуле «О наказаниях»¹⁴ (D. 38.5, титул 19, кн. 48). Кроме того, дается разъяснение причин введения нормы права: «Божественный Север и Антонин постановили своим рескриптом, что ту, которая умышленно вытравила (плод), наместник провинции должен отправить во времен-

ное изгнание; ведь можно счесть недостойным, что она безнаказанно лишает (своего) мужа детей»¹⁵ (D. 4, титул 11, кн. 47).

Не лишне вспомнить великого римского врача Галена (129 – ок. 200 гг. н. э.), изучавшего эмбриологию, в честь которого названа проба Галена, до настоящего времени применяемая для определения факта мертворождения. Он и его покровитель император Марк Аврелий (121–180 гг. н. э.) были стоиками, с идеалами, отличными от христианства [15; 16]. Интерес Галена к «особенностям строения, отличающим плод от уже родившегося живого существа»¹⁶ (кн. XV, гл. VI, 241), социально обусловлен и криминалистически обоснован.

В то же время гуманизм стоиков не стоит преувеличивать, юридическая значимость факта живорождения основывалась на признании за плодом ограниченного права наследования. Отражено в Дигестах мнение Павла, что наследство не может быть поделено полностью до рождения потенциального наследника или наследников (D. 3, титул 4, кн. 5)¹⁷, а Ульпиан уточняет о праве наследования только родившимся в течение 3 месяцев со дня смерти наследодателя (D. 1/9, титул 9, кн. 37)¹⁸. Таким образом появился институт *postumus* (последний), что трактовалось как «посмертно рожденный», данный институт широко представлен в Дигестах (см.: D. 6, титул 2, кн. 26¹⁹; D. 28 и 29/pr.1–16, титул 2, кн. 28; D. 3/pr.1 и 3, титул 3, кн. 28; D. 127, кн. 30²⁰; D. 3, титул 1, кн. 37²¹) и явился предшественником для института французского средневекового права *oeuvre postume* (посмертное произведение), на котором была основана коронация короля Франции Иоанна I Посмертного, коронованного с момента рождения и скончавшегося на шестой день правления (15–20 ноября 1316 г.).

Институт *postumus* своим существованием указывает на правоспособность плода и в конкретных случаях, значительно увеличивая социальную значимость еще не рожденного ребенка, исключает саму возможность аборта. Например, казус «Петр I –

¹¹ Овидий Н.П. Элегии и малые поэмы / пер. с лат. М. Гаспарова, С. Ошерова. М., 1973. С. 58–59.

¹² Павел Ю. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / пер. с лат. Е.М. Штаермана, отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 1998. С. 141.

¹³ Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani*: пер. с лат.: в 9 т. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002–2006. Т. 7, полутом 2: Кн. 48–50. 2005.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Т. 7, полутом 1: Кн. 45–47. 2005.

¹⁶ Гален К. О назначении частей человеческого тела: в 2 т. / пер. с др.-греч. С.П. Кондратьева; под ред. В.Н. Терновского. М., 1971. Т. 1. С. 498.

¹⁷ Дигесты Юстиниана. Т. 2: Кн. 5–11. 2002.

¹⁸ Там же. Т. 6, полутом 1: Кн. 37–40. 2005.

¹⁹ Там же. Т. 4: Кн. 20–27. 2004.

²⁰ Там же. Т. 5, полутом 1: Кн. 28–32. 2004.

²¹ Там же. Т. 6, полутом 1.

фрейлина Гамильтон» прямо не прописан в законодательстве, но в правосознании современников воспринимался как явное несомненное противоправное деяние по отношению к монархическому строю: нельзя убивать потенциальных наследников – не важно, зародыш или младенец, – без ведома и воли императора, долг перед государством выше в системе ценностей личных прав и свобод. Помилование, формально допустимое по закону, по сути невозможно, поскольку в совершении «основного преступления» виновная формально не обвиняется, но и безнаказанность недопустима в силу угрозы авторитету власти. Особенно важно, что данные институты объективно указывают на усиление предпосылок к формированию судебно-медицинских знаний, так как вопрос о живом или мертворождении прямо связан с наследованием монархической власти, ее легитимизацией [17].

6. Заключение

Проведенный системный анализ иллюстрирует, как взаимодействие цивилизаций и правовых систем Евразии создает сложную хронотопическую (время-пространственную) картину развития представлений об абортах и детоубийстве: от синкретичной мононормической концепции («плод – часть

женщины») – к владельческим правам главы семейства («семя не сохраняет никаких качеств утробы») и далее к римскому праву («матерях недостойных, крадущих граждан у государства») и правах плода в институтах *postumus* и *oeuvre postume*.

В современном мире, где под влиянием идей абстрактного гуманизма (политкорректности, феминизма и прочих гедонистических концепций гностического толка) происходит утрата традиционных ценностей и ориентиров, идет процесс децивилизации человечества, когда под видом прогрессивных взглядов провозглашаются ценности глубоко архаичные и противные человеческой природе, жизненно необходимо отличать прогресс от регресса и деградации.

С данных позиций оглянуться в прошлое и рассмотреть генезис процесса представляется абсолютно необходимым. Как отмечает Д.А. Пашенцев, указывая на поиски путей правового развития «в рамках постнеклассической парадигмы... антропоцентризм, который подразумевает “очеловечивание” правовой системы» [18, с. 36]. Именно «очеловечивание» является единственным мерилем «традиционных ценностей», провозглашенных Российской Федерацией в качестве политических ориентиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басилов В. Н. Йер-Су / В. Н. Басилов // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – С. 265.
2. Штаерман Е. М. Юнона / Е. М. Штаерман // Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Советская энциклопедия, 1991. – С. 646.
3. Сапунков А. А. Генезис кулачного боя как элемента правовой культуры древнего, античного и средневекового общества: историко-правовое исследование / А. А. Сапунков // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 226–233. – DOI: 10.24412/1999-6241-2021-2-226-233.
4. Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (Погребальный обряд). – М. : Наука, 1990. – С. 12–47.
5. Сахилтарова Н. Г. Понятие «современность» и ритуал в традиционной культуре / Н. Г. Сахилтарова // Вестник Башкирского университета. – 2013. – Т. 18, № 1. – С. 203–206.
6. Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / И. М. Дьяконов // Вестник древней истории. – 1952. – № 3. – С. 199–303.
7. Дьяконов И. М. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / И. М. Дьяконов // Вестник древней истории. – 1952. – № 4. – С. 202–320.
8. Семевский М. И. Камер-фрейлина Мария Даниловна Гамильтон. † 14-го марта 1719 г.: исторический очерк / М. И. Семевский // Очерки и рассказы из русской истории XVIII века. – СПб. : Изд. ред. журн. «Русская старина», 1884. – С. 185–268.
9. Бергер Е. Е. Хирургия между двух миров: корпорация св. Косьмы и проблемы хирургического образования во Франции XV–XVI вв. / Е. Е. Бергер // Европейские традиции в истории высшей школы в России: от доуниверситетской модели к университетам : сб. ст. / отв. ред. Н.В. Салоников. – Великий Новгород : НГУ им. Я. Мудрого, 2018. – С. 218–225.

10. Малева Э. М. История создания судебно-медицинской экспертизы в России / Э. М. Малева // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. – Иркутск : ИГУ, 2021. – С. 341–344.
11. Maleva E. M. The origins of forensic medicine in Russia: historical and legal aspect / E. M. Maleva // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. XLVII регион. студенч. науч.-практ. конф. : в 2 ч. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2023. – Ч. 1. – С. 175–177.
12. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев ; общ. ред.: А. А. Тахо-Годи и И.И. Маханьков. – М. : Мысль, 1993. – 962 с.
13. Суворкина Е. Н. Видение Платоном проблемы рождения и воспитания детей / Е. Н. Суворкина // Философская мысль. – 2016. – № 11. – С. 124–129. – DOI: 10.7256/2409-8728.2016.11.20858.
14. Кочеров С. Н. Римский стоицизм как соединение этической теории и моральной практики / С. Н. Кочеров // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16, № 1. – С. 31–45.
15. Гюйо Ж. М. Стоицизм и христианство. Эпиктет, Марк Аврелий и Паскаль / Ж. М. Гюйо ; пер. с фр. И. Нахамкиса и М. Энгельгардта. – М. : ЛКИ, 2007. – 112 с.
16. Brennan T. The Stoic Life: Emotions, Duties, and Fate / T. Brennan. – Oxford : Clarendon press, 2005. – 528 p.
17. Малева Э. М. Создание судебно-медицинской экспертизы в России: Устав воинский (1716 г.) / Э. М. Малева // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 2 (97). – С. 3–8. – DOI: 10.26516/2071-8136.2022.2.3.
18. Пашенцев Д. А. Антропология государства: очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану / Д. А. Пашенцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 34–39. – DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-34-39.

REFERENCES

1. Basilov V.N. Yer-Su, in: Meletinsky E.M. (ed.). *Mythological dictionary*, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, p. 265. (In Russ.).
2. Shtaerman E.M. Juno, in: Meletinsky E.M. (ed.). *Mythological dictionary*, Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, p. 646. (In Russ.).
3. Sapunkov A.A. History of fistfighting as an Element of Legal Culture of Ancient, Antique and Medieval Society: Historical and Legal Research. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2021, vol. 26, no. 2, pp. 226–233. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-2-226-233. (In Russ.).
4. Toporov V.N. Equestrian competitions at funerals, in: *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury: (Pogrebal'nyi obryad)*, Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 12–47. (In Russ.).
5. Sakhiltarova N.G. The concept of “modernity” and ritual in traditional culture. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir University*, 2013, vol. 18, no. 1, pp. 203–206. (In Russ.).
6. D'yakonov I.M. The Laws of Babylonia, Assyria and the Hittite Kingdom. *Vestnik drevnei istorii = Bulletin of Ancient History*, 1952, no. 3, pp. 199–303. (In Russ.).
7. D'yakonov I.M. The Laws of Babylonia, Assyria and the Hittite Kingdom. *Vestnik drevnei istorii = Bulletin of Ancient History*, 1952, no. 4, pp. 202–320. (In Russ.).
8. Semevsky M.I. Chamber maid of honor Maria Danilovna Hamilton. † March 14, 1719 : Historical essay, in: *Ocherki i rasskazy iz russkoi istorii XVIII veka*, St. Petersburg, Journal “Russkaya starina” Publ., 1884, pp. 185–268. (In Russ.).
9. Berger E.E. Surgery between two worlds: St. Kosmas Corporation and problems of surgical education in France of the XV-XVI centuries, in: Salonikov N.V. (ed.). *Evropeiskie traditsii v istorii vysshei shkoly v Rossii: ot douniversitetskoi modeli k universitetam*, Collection of articles, Veliky Novgorod, Yaroslavl the Wise Novgorod State University Publ., 2018, pp. 218–225. (In Russ.).
10. Maleva E.M. The history of the creation of forensic medical examination in Russia, in: Polyushkevich O.A., Druzhinina G.V. (eds.). *Sotsial'nye instituty v pravovom izmerenii: teoriya i praktika*, Proceeding of the III All-Russian scientific and Practical conference with the International participation, Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2021, pp. 341–344. (In Russ.).

11. Maleva E.M. The origins of forensic medicine in Russia: historical and legal aspect, in: *Youth of the Third Millennium*, Collection of scientific articles of the XLVIII region student scientific and practical conference, in 2 parts, Omsk, Omsk State University Publ., 2023, pt. 1. pp. 175–177.
12. Losev A.F. *Essays on ancient symbolism and mythology*, under the general editorship of A.A. Takho-Godi and I.I. Makhankov. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 962 p. (In Russ.).
13. Suvorkina E.N. Plato's vision of the problem of the birth and upbringing of children. *Filosofskaya mysl' = Philosophical thought*, 2016, no. 11, pp. 124–129. DOI: 10.7256/2409-8728.2016.11.20858. (In Russ.).
14. Kocherov S.N. Roman Stoicism as a combination of ethical theory and moral practice. *Eticheskaya mysl' = Ethical thought*, 2016, vol. 16, no. 1, pp. 31–45. (In Russ.).
15. Guyot J.M. *Stoicism and Christianity. Epictetus, Marcus Aurelius and Pascal*, trans. from the French by I. Nakhankis and M. Engelhardt. Moscow, LKI Publ., 2007. 112 p. (In Russ.).
16. Brennan T. *The Stoic Life: Emotions, Duties, and Fate*. Oxford, Clarendon press, 2005. 528 p.
17. Maleva E.M. The creation of a forensic medical examination in Russia: The Military Charter (1716). *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2022, no. 2 (97), pp. 3–8. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.2.3. (In Russ.).
18. Pashentsev D. A. Anthropology of the state: Humanization of legal reality as a challenge to Leviathan. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya = Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*, 2020, no. 3, pp. 34–39. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-3-34-39. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малева Эллина Михайловна – ¹старший преподаватель кафедры частного права; ²аспирант
¹ Университет «Кластер»
² Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского
¹ 644119, Россия, г. Омск, Зеленый бул., 4, кв. 32
² 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: linucija@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9977-7618
SPIN-код РИНЦ: 3637-1404; AuthorID: 1090571

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Малева Э. М. Генезис законодательства об абортax в древности и античности: у истоков судебной медицины / Э. М. Малева // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 14–21. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).14-21.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Ellina Mikhailovna Maleva – ¹Senior Lecturer, Department of Private Law; ²Postgraduate Student
¹ Cluster University
² Dostoevsky Omsk State University
¹ app. 32, 4, Zelenyi bul., Omsk, 644119, Russia
² 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: linucija@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9977-7618
RSCI SPIN-code: 3637-1404; AuthorID: 1090571

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Maleva E.M. The genesis of abortion legislation in ancient times and antiquity: at the origins of forensic medicine. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 14–21. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).14-21. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY PUBLIC AUTHORITIES

УДК 34.03

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(2).22-28

ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ (ЛИЧНОЙ) КОНКУРЕНЦИИ

А.С. Матненко, К.В. Маслов, А.Н. Костюков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

20 октября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Личная конкуренция,
социальная позиция,
социальный отбор, конкурс,
правовое регулирование

Ставится цель сформировать подходы к изучению правовой концепции социальной (личной) конкуренции. Отмечается, что социальная конкуренция – сложное явление, свойство социальных процессов, обеспечивающее устойчивое развитие общества, легитимность, безопасность и конкурентоспособность государства. Его важнейшей составляющей является личная конкуренция, направленная на справедливое и эффективное распределение социальных позиций в процессе социального отбора. Отношения, формирующиеся в рамках данного процесса, образуют особый предмет правового регулирования. Делается вывод о том, что в основе правовой концепции социальной (личной) конкуренции лежит типология социальных позиций, а также ряд ключевых факторов: оптимальный баланс селективных и неселективных социальных позиций; справедливая система личных предпочтений и ограничений при занятии социальных позиций; соотношение объективных и субъективных критериев конкурсного отбора; возможность и порядок защиты прав субъектов – участников конкурсных отборов.

THE LEGAL CONCEPT OF SOCIAL (PERSONAL) COMPETITION

Alexander S. Matnenko, Kirill V. Maslov, Alexander N. Kostyukov

Dostoevsky State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 October 20

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Personal competition, social
position, social selection,
competition, legal regulation

The subject. Social competition is a complex phenomenon, a property of social processes that ensures the sustainable development of society, legitimacy, security and competitiveness of the state. Its most important component is personal competition aimed at a fair and effective distribution of social positions in the process of social selection.

The purpose of the article is to form approaches to the study of the legal concept of social (personal) competition.

The methodological basis of the research consists of the principles and categories of materialistic dialectics, systematic, formal-logical and formal-legal methods.

Main results. The main theoretical provisions of the legal concept of social (personal) competition are described. The key element of the system of relations of social selection are social positions as the object, what these relations arise about. Having received legal consolidation in legislation, a social position acquires the form and content of a legal status. The qualitative and quantitative diversity of social positions determines the entire structure of the system of social selection relations. Depending on the legal conditions of access to a social position, selective and non-selective ones should be distinguished. A legal procedure of competitive (competitive) selection has been established for the occupation of selective social positions, no such procedure has been established for non-selective social positions. Certain conditions may be provided for the occupation of non-selective social positions (reaching a certain age, having a certain education, professional training, etc.).

Conclusions. The legal concept of social (personal) competition is based on a typology of social positions, as well as a number of key factors, including the optimal balance of selective and non-selective social positions. Such factors are an optimal balance of selective and non-selective social positions; a fair system of personal preferences and restrictions when taking up social positions; the ratio of objective and subjective criteria for competitive selection; the possibility and procedure for protecting the rights of subjects participating in competitive selections.

1. Введение

В 1899 г. в журнале *Economic Studies* было опубликовано 95-страничное эссе профессора Чарльза Хортон Кули «Личная конкуренция. Ее место в социальном порядке и влияние на человека: с некоторым расчетом на успех» [1], в котором было впервые введено и комплексно раскрыто понятие «личная конкуренция». Сущность рассматриваемого явления автор определил следующим образом: «Функция личной конкуренции, рассматриваемой как часть социальной системы, заключается в определении места каждого индивидуума в этой системе. Если “весь мир – это сцена”, то это тот процесс, который распределяет роли между актерами» [1, р. 81]. Несколько позже в работах П.А. Сорокина было изложено учение о социальной мобильности и стратификации, в котором аналогичный процесс заполнения социальных позиций обозначен более сложным термином «социальное тестирование, отбор и распределение» [2].

2. Социально-правовая ценность личной конкуренции

Независимо от терминологии, используемой в социальной науке, следует признать, что по поводу распределения социальных позиций в обществе формируется система отношений, представляющих собой особый предмет правового регулирования. Как правило (с определенными исключениями), данные отношения действительно основаны на конкуренции, на определенных принципах отбора, и от качества их нормативно-правового регулирования зависят, по крайней мере, два важнейших, ключевых условия жизнеспособности, устойчивости и безопасности любого государства: его легитимность и эффективность. В первом случае для общества очень большое значение имеет представление о справедливости социального устройства, при котором успех, благополучие, возможность самореализации личности в решающей мере зависят не от происхождения, не от «связей», не от имущественного положения, а от нравственных качеств, трудолюбия, способностей и достижений человека. Во втором случае привлечение на социальные позиции наиболее достойных, сильных личностей обеспечивает высокое качество исполнения отведенной им роли и, в конечном итоге, силу, конкурентоспособность общества и государства в целом. Легитимная в глазах общества власть посредством установления правовых норм и их применения создает и поддерживает именно такое состояние социального устройства. По точному определению А.В. Бутакова, «чем выше социальная конкуренция, тем выше легитимность права, призна-

ваемого обществом в качестве социально справедливого; в то же время чем ниже социальная конкуренция, тем ниже легитимность права, а значит, и ниже уровень признания обществом его в качестве социально справедливого» [3, с. 9].

3. Социальная (личная) конкуренция как предмет правового регулирования

Такое положение дел, кажущееся очевидным, тем не менее требует продуманной, последовательной и системной государственно-правовой политики, поскольку в социальной сфере, так же как и в экономической, всегда будет существовать стремление законсервировать существующий *status quo*, монополизировать положение, ограничить конкуренцию. Кроме того, личная конкуренция – структурно очень сложное многоаспектное явление, управление им требует глубоких познаний в области социологии и социальной психологии, анализа и учета множества обстоятельств, включая конкретно-исторические условия, культурные и духовно-нравственные традиции общества.

Для того чтобы попытаться выстроить более или менее стройную концепцию правового регулирования в рассматриваемой сфере, в первую очередь необходимо определить ключевые понятия и соотнести их с существующими правовыми категориями. Начать, безусловно, следует с понятия конкуренции.

В доктрине и законодательстве абсолютного большинства стран конкуренция упоминается и определяется преимущественно в экономическом контексте [4–8], что, по большому счету, свидетельствует о глобальной недооценке конкуренции как свойства любых социальных процессов. Более того, как в общественном сознании, так и в науке конкуренция нередко воспринимается как деструктивная, разъединяющая общество сила, основанная на индивидуализме, эгоизме, насилии, подавлении слабых сильными, и противопоставляется коллективизму, сотрудничеству, взаимопомощи. Предпосылки такой интерпретации заключаются в акценте на соперничество, борьбу, противостояние [9; 10] как сущности конкурентного поведения в большинстве как академических, так и легальных определений. Насколько такой акцент обоснован? Позитивная, здоровая конкуренция – действительно борьба, но борьба не против, а за: не против конкурента, а за собственные лучшие достижения. Цель – не в подавлении или уничтожении соперника (такое поведение следует рассматривать как направленное на ограничение конкуренции и неправомерное), а в по-

вышении собственной результативности [11; 12]. В этом качестве социальная конкуренция не порождает социальные противоречия, а служит естественным механизмом их разрешения [13]. Один из существенных признаков конкуренции заключается в ее обезличенном характере. Индивидуально определенные, персонифицированные отношения между конкурентами, как правило, не возникают и не должны возникать. Содержание и ценность конкуренции заключается не в соперничестве нескольких субъектов, а в их множественности, в равном правовом положении и самостоятельном характере их действий, что исключает монополизацию доступа к социальным благам. Такая множественность служит основанием для сравнения разных субъектов, дает возможность выбора между ними. Монополизация, напротив, выбор исключает и в конечном итоге лишает монопольного субъекта собственных стимулов к развитию, самосовершенствованию, улучшению результатов своей деятельности.

Важно еще раз подчеркнуть, что конкуренция – это не общественное отношение, не социальный процесс (как совокупность общественных отношений) [14], а свойство социального процесса. Именно таково соотношение понятий «социальный отбор» и «личная конкуренция»: первое – процесс, второе – его свойство.

4. Правовая типология социальных позиций

Ключевым элементом системы отношений социального отбора являются социальные позиции, т. е. их объект, то, по поводу чего возникают эти отношения. Получая юридическое закрепление в законодательстве, социальная позиция приобретает форму и содержание правового статуса – определенной совокупности прав и обязанностей, непосредственно связанных с формированием и реализацией активной социальной роли личности. Качественное и количественное многообразие социальных позиций определяет всю структуру системы отношений социального отбора, поэтому важна их классификация.

Существенное значение имеют следующие основания классификации:

– *Степень индивидуализации*: уникальные, индивидуально определенные и индивидуально не определенные (видовые) социальные позиции. Уникальные социальные позиции существуют в единственном числе: например, руководитель конкретного медицинского учреждения. Индивидуально определенные социальные позиции существуют в некотором множестве, но ограничены рамками определенного юридически оформленного соци-

ального коллектива, как правило – юридического лица: например, врачи конкретного медицинского учреждения. Индивидуально не определенные (видовые) социальные позиции не связаны с каким-то конкретным организованным коллективом: например, частнопрактикующие врачи.

– *Количественная ограниченность*: лимитированные и нелимитированные. Количество лимитированных социальных позиций юридически ограничено: например, нормативным правовым актом, устанавливающим предельную численность государственных служащих. Для нелимитированных позиций такое формальное ограничение не устанавливается.

– *Характер реализуемых социальных интересов*: частные и публичные. Частные социальные позиции в первую очередь обеспечивают интересы либо лиц, их занимающих (в случае с индивидуально не определенными позициями), либо организаций частной формы собственности, в структуре которых созданы соответствующие позиции. Публичные социальные позиции функционально направлены на обеспечение интересов всего общества и создаются в структуре организаций государственной (муниципальной) собственности и в системе публичной власти. Проводя данную классификацию, необходимо сделать оговорку, что даже частные позиции имеют общесоциальное значение, так как служат интересам развития общества в целом.

– *Юридическое оформление*: формализованные и неформализованные.

– *Правовые условия доступа к социальной позиции*: селективные и неселективные. Для занятия селективных социальных позиций установлена юридическая процедура конкурентного (конкурсного) отбора, для неселективных социальных позиций такой процедуры не установлено, хотя могут быть предусмотрены определенные условия, которым должно соответствовать претендующее на них лицо (достижение определенного возраста, наличие определенного образования, профессиональной подготовки и т. п.).

Именно последняя классификация служит отправной точкой для дальнейшего исследования правового регулирования механизма социального отбора.

5. Конкурс как правовой механизм социального отбора

Процессуальной правовой формой социального отбора в сфере личной конкуренции, как правило, являются конкурсы.

В Конституции РФ содержится лишь одно упоминание о конкурсе – в ч. 3 ст. 43, которая предоставляет право каждому на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении или на предприятии. В текущем законодательстве конкурсный механизм предусмотрен для замещения целого ряда социальных позиций. В зависимости от того, каким образом законодательство связывает занятие той или иной социальной позиции с прохождением конкурсной процедуры, указанные позиции можно разделить на императивно-конкурсные и диспозитивно-конкурсные: в первом случае занятие социальной позиции на основе конкурсного отбора является императивным требованием законодательства, во втором проведение конкурса является правом, а не обязанностью «держателя» социальной позиции (организации, в которой создана социальная позиция, или ее собственника).

Принципиальными ключевыми вопросами правового регулирования социальной (личной) конкуренции, требующими научного изучения и последующего воплощения в законодательстве и правоприменительной практике, являются:

- оптимальный баланс селективных и неселективных социальных позиций;
- справедливая система личных предпочтений (льгот, преимуществ), а также ограничений при занятии социальных позиций;
- соотношение объективных и субъективных критериев конкурсного отбора;
- возможность и порядок защиты (в том числе судебной) прав субъектов – участников конкурсных отборов.

Остановимся подробно на двух последних. Определяющим моментом правовой конструкции конкурса как механизма социального отбора является соотношение в нем объективных и субъективных критериев при определении победителя, с чем неразрывно связана возможность. Под объективными критериями понимаются такие параметры, показатели, которые представляют собой фактическую данность и исключают различное (субъективное) толкование. Субъективные критерии зависят от мнения оценивающего. Сама по себе идея конкурса направлена на исключение или минимизацию того, что называется распределением социальных позиций «по благу» или «за деньги». Данная практика губительна не только как генератор некомпетентности, но и как средство, подрывающее веру людей в справедливость всего общественно-государственного

устройства. Поэтому очень важно определить, в какой мере конкурс способен противодействовать этой практике, не создавать видимость, иллюзию справедливости, а на самом деле решать задачу выбора наиболее достойного. Сложность данной задачи обусловлена тем, что на основании только объективных критериев невозможно в полной мере, всесторонне оценить личные качества кандидата. С их помощью, например, можно измерить знания, но способности творчески, нестандартно мыслить можно оценить и сравнить только на основании субъективного мнения. В свою очередь, субъективный критерий всегда несет в себе риск предвзятой, необоснованной интерпретации и оценки.

Рассмотрим соотношение указанных критериев в методиках проведения конкурсов на отдельные социальные позиции. Так, при конкурсном отборе на вакантные должности государственной гражданской службы в обязательном порядке используется как объективный (тестирование), так и субъективный (индивидуальное собеседование) методы оценки. Данное требование установлено Единой методикой проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов (утв. Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2018 г. № 397). Удельный вес результатов (сумма баллов) как тестирования, так и собеседования определяется непосредственно государственным органом – организатором конкурса. При этом, как правило, значительный приоритет отдается результатам именно собеседования. Например, Методикой проведения конкурса на замещение вакантной должности федеральной государственной гражданской службы в Министерстве природных ресурсов и экологии Российской Федерации (утв. приказом Минприроды России от 30 сентября 2019 г. № 656) установлено следующее соотношение: сумма баллов, выставляемых по результатам тестирования, варьируется в диапазоне от 1 до 5, по результатам собеседования – до 10. При этом могут проводиться и другие испытания, также основанные на субъективной оценке, – групповые дискуссии, написание реферата и анкетирование.

Юридическим следствием использования при проведении конкурса субъективных критериев оценки является отсутствие у проигравшего конкурсанта возможности доказать, что именно он на самом деле был лучшим и решение организатора конкурса о признании победителем другого лица не-

обоснованно и неправомерно. Формальное право оспорить результаты конкурса есть у любого его участника, но, по сути, оно сводится к возможности обжаловать только процедурные нарушения и не затрагивает сущность проведенной оценки. Судебная практика по делам, где заявители пытались оспорить результаты конкурса на должность государственной или муниципальной службы по существу, а не по процедурным моментам, сводится к одной, вполне понятной и объяснимой, позиции суда: решение кадрового вопроса – исключительная прерогатива работодателя [15].

Вопрос о соотношении объективного и субъективного начал конкурсного отбора на социальные позиции – вопрос для серьезных размышлений и дискуссий. С одной стороны, полный отказ от субъективной оценки и основанных на ней методик очень сильно сужает спектр качеств и достоинств человека, принимаемых во внимание и значимых при определении наиболее достойного. С другой стороны, субъективная оценка также не должна возводиться в абсолют, лишая конкурс его подлинного социального смысла – как средства справедливого отбора. Речь должна идти об оптимальном балансе этих начал.

6. Заключение

Социальная конкуренция – сложное явление, свойство социальных процессов, обеспечивающее устойчивое развитие общества, легитимность, безопасность и конкурентоспособность государства. Его важнейшей составляющей является личная конкуренция, направленная на справедливое и эффективное распределение социальных позиций в процессе социального отбора. Отношения, формирующиеся в рамках данного процесса, образуют особый предмет правового регулирования. Формирование правовой доктрины социальной (личной) конкуренции должно основываться на типологии социальных позиций, отражающей их основные юридические признаки, а также на исследовании таких ключевых факторов, как оптимальный баланс селективных и неселективных социальных позиций; справедливая система личных предпочтений (льгот, преимуществ) и ограничений при занятии социальных позиций; соотношение объективных и субъективных критериев конкурсного отбора; возможность и порядок защиты (в том числе судебной) прав субъектов – участников конкурсных отборов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cooley C. H. Personal competition. Its place in the social order and effect upon individuals: with some considerations on success / C. H. Cooley // *Economic studies*. – 1899. – Vol. 4, no. 2. – P. 79–173.
2. Сорокин П. А. Социальная мобильность / П. А. Сорокин ; пер. с англ. М. В. Соколовой ; под общ. ред. В. В. Сапова. – М. : Academia : LVS, 2005. – 588 с.
3. Бутаков А. В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть II) / А. В. Бутаков // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).5-14.
4. Истомин В. Г. Конкуренция как явление общественной жизни, объект правового обеспечения и защиты / В. Г. Истомин // *Актуальные проблемы российского права*. – 2023. – Т. 18, № 11. – С. 97–110. – DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.097-110.
5. Сбоева И. М. Понятие и содержание конституционно-правовой категории «конкуренция» / И. М. Сбоева // *Право и практика*. – 2022. – № 4. – С. 59–66. – DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-59-66.
6. Ткаченко А. Ф. Конкуренция как двигатель прогресса / А. Ф. Ткаченко // *Актуальные вопросы экономики* : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 25 февр. 2020 г. – Пенза : Наука и Просвещение, 2020. – С. 92–94.
7. Хайек Ф. фон. Смысл конкуренции / Ф. фон Хайек // *Современная конкуренция*. – 2009. – № 3 (15). – С. 18–27.
8. Цкаева Л. В. Юридическая природа конституционного права на конкуренцию / Л. В. Цкаева // *Теория права и международных отношений*. – 2021. – Т. 1, № 1 (13). – С. 181–186.
9. Лебедев М. С. Сущность феномена социальной конкуренции / М. С. Лебедев // *Дискуссия*. – 2015. – № 10 (62). – С. 109–113.
10. Сокуренок К. Г. Конкуренция как социально-экономическое и правовое явление / К. Г. Сокуренок // *Новый юридический вестник*. – 2018. – № 3 (5). – С. 15–18.

11. Kumar M. S. Humanitarian Competition: An Intellectual History in Perspective / M. S. Kumar // *The Bulletin of The Institute of Oriental Philosophy*. – 2011. – Vol. 27. – P. 172–190.
12. Makiguchi T. *A Geography of Human Life* / T. Makiguchi ; ed. by D. M. Bethel. – Caddo Gap Press, 2002. – 527 p.
13. Бутаков А. В. От социального противоречия к социальной конкуренции – базовому правовому режиму (способу) жизнедеятельности государства (Часть I) / А. В. Бутаков // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 2. – С. 5–15. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).5-15.
14. Емельянова Л. А. Конкуренция как социальное явление / Л. А. Емельянова // *Социально-гуманитарные знания*. – 2017. – № 6. – С. 248–255.
15. Усольцева К. И. Оспаривание результатов конкурса на замещение вакантной должности государственной гражданской службы / К. И. Усольцева // *Отечественная юриспруденция*. – 2017. – № 6 (20). – С. 71–72.

REFERENCES

1. Cooley C.H. Personal competition. Its place in the social order and effect upon individuals: with some considerations on success. *Economic studies*, 1899, vol. 4, no. 2, pp. 79–173.
2. Sorokin P.A. *Social mobility*, transl. from English by M.V. Sokolova, under the general editorship of V.V. Sapov, Moscow, Academia Publ., LVS Publ., 2005. 588 p. (In Russ.).
3. Butakov A.V. From social contradiction to social competition as the basic legal regime (mode) of statehood (Part II). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).5-14.
4. Istomin V.G. Competition as a Phenomenon of Public Life, an Object of Legal Support and Protection. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, vol. 18, no. 11, pp. 97–110. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.156.11.097-110. (In Russ.).
5. Sboeva I.M. The concept and content of the constitutional category "competitition". *Pravo i praktika = Law and practice*, 2022, no. 4, pp. 59–66. DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-59-66. (In Russ.).
6. Tkachenko A.F. Competition as an engine of progress, in: *Aktual'nye voprosy ekonomiki*, collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, February 25, 2020, Penza, Nauka i Prosveshchenie Publ., 2020, pp. 92–94. (In Russ.).
7. Hayek F.A. The Meaning of Competition. *Econ Journal Watch*, 2016, vol. 13, no. 2, pp. 359–372.
8. Tskaeva L.V. Legal nature of the constitutional right to competition. *Teoriya prava i mezhdunarodnikh otnosheniy*, 2021, vol. 1, no. 1 (13), pp. 181–186. (In Russ.).
9. Lebedev M.S. The essence of social competitiveness phenomenon. *Diskussiya = Discussion*, 2015, no. 10 (62), pp. 109–113. (In Russ.).
10. Sokurenko K.G. Competition as a socio-economic and legal phenomenon. *Novyi yuridicheskii vestnik*, 2018, no. 3 (5), pp. 15–18. (In Russ.).
11. Kumar M.S. Humanitarian Competition: An Intellectual History in Perspective. *The Bulletin of The Institute of Oriental Philosophy*, 2011, vol. 27, pp. 172–190.
12. Makiguchi T. *A Geography of Human Life*, ed. by D.M. Bethel. Caddo Gap Press, 2002. 527 p.
13. Butakov A.V. From social contradiction to social competition as the basic legal regime (mode) of statehood (Part I). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 2, pp. 5–15. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(2).5-15.
14. Emelyanova L.A. Competition as a social phenomenon. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2017, no. 6, pp. 248–255. (In Russ.).
15. Usol'tseva K.I. Challenging the results of a competition to fill a vacant position in the state civil service. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*, 2017, no. 6 (20), pp. 71–72. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Матненко Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: MatnenkoAS@omsu.ru
SPIN-код РИНЦ: 4023-3647; AuthorID: 380006

Маслов Кирилл Владиславович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: mas_law@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8384-277X
ResearcherID: M-6609-2016
SPIN-код РИНЦ: 5325-9716; AuthorID: 678481

Костюков Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой государственного и муниципального права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: omsk.post@gmail.com
SPIN-код РИНЦ: 1428-1209; AuthorID: 353695

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матненко А.С. Правовая концепция социальной (личной) конкуренции / А.С. Матненко, К.В. Маслов, А.Н. Костюков // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 22–28. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).22-28.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alexander S. Matnenko – Doctor of Law, Professor, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: MatnenkoAS@omsu.ru
RSCI SPIN-code: 4023-3647; AuthorID: 380006

Kirill V. Maslov – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: mas_law@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8384-277X
ResearcherID: M-6609-2016
RSCI SPIN-code: 5325-9716; AuthorID: 678481

Alexander N. Kostyukov – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: omsk.post@gmail.com
RSCI SPIN-code: 1428-1209; AuthorID: 353695

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matnenko A.S., Maslov K.V., Kostyukov A.N. The legal concept of social (personal) competition. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 22–28. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).22-28. (In Russ.).

**ЗАПРЕТ ПРОПАГАНДЫ СМЕНЫ ПОЛА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ:
СОДЕРЖАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ*****Г.Н. Комкова, Е.Н. Тогузаева***Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

10 января 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые словаЗапрет, пропаганда смены пола,
критерии запрещенной
информации, правонарушение,
правовая квалификация

Выявляются проблемы правового регулирования запрета пропаганды смены пола по российскому законодательству. Посредством общенаучных и частнонаучных методов авторами рассмотрены проблемы, связанные с правовым оформлением такого запрета. Отмечается, что образ жизни россиян стал объектом правового регулирования, учитывая выбранный государством путь защиты традиционных ценностей. Неопределенность формулировки понятия «смена пола» влечет отсутствие единообразного понимания и применения норм о запрете пропаганды смены пола в действующем российском законодательстве. Авторы считают необходимым установить критерии смены пола, от чего будет зависеть и квалификация правонарушения, связанного с пропагандой смены пола, предлагается внести изменения в действующую норму и закрепить условия отнесения информации к таковой.

Вклад авторов: Комкова Г.Н. – концепция и дизайн исследования, анализ специфики правового регулирования запрета пропаганды смены пола, выполнение окончательной редакции статьи; Тогузаева Е.Н. – сбор и обработка материалов по вопросам правового регулирования запрета пропаганды смены пола, анализ правоприменительной практики.

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

**PROHIBITION OF GENDER TRANSITION PROPAGANDA IN RUSSIAN LEGISLATION:
CORE PROVISIONS AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT******Galina N. Komkova, Ekaterina N. Toguzaeva***Saratov State University, Saratov, Russia***Article info**

Received –

2025 January 10

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

KeywordsProhibition, gender transition
propaganda, criteria of prohibited
information, legal offense, legal
qualification

The subject. Russian state regulation now extends to citizens' lifestyles as a means of safeguarding traditional values.

The purpose of the article is to analyze the legal framework surrounding the ban on gender transition propaganda in Russia and identifies shortcomings in this legal regulation.

The study is based on normative legal acts of the Russian Federation and research papers on this topic by both Russian and foreign scholars. The research methodology includes general and field-specific methods. The authors explored the issues associated with legal formalization of the ban on gender transition propaganda by applying general research methods (comparative legal research), field-specific methods (descriptive analysis, methods of comparative law), and general theoretical analysis methods (comparison, synthesis).

Main results. The research highlights that the concept of "gender transition" is vaguely defined in current Russian legislation, resulting in a lack of uniform interpretation and arbitrary enforcement of the norms prohibiting gender transition propaganda.

Conclusions. The study emphasizes the need to establish criteria for gender transition to regulate the qualification of offenses related to gender transition propaganda. It also

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00386 «Пропаганда в российском праве: трансформационные и институциональные изменения», <https://rscf.ru/project/24-28-00386/>.

** The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00386 "Propaganda in Russian Law: Transformational and Institutional Changes", <https://rscf.ru/project/24-28-00386/>.

recommends amending the current norm in order to define criteria for classifying information as gender transition propaganda. To ensure uniformity in law enforcement practices, it is necessary to establish criteria for classifying information that “could prompt children to desire gender transition”. Currently, any information could potentially be perceived as belonging to this category (even kindergarten matinees where male educators dress up in female images, and vice versa, etc.). Information that encourages gender transition could include information about the benefits and painlessness of hormone therapy for gender transition, the advantages of surgical interventions for gender transition, the positive effects following gender transition, explicit calls for gender transition, etc. In the absence of clear criteria, there are concerns that decisions by law enforcement agencies to impose fines or restrict information on particular resources could be based solely based on the subjective views of individual officials regarding the legal category “gender transition.” This could lead to potential violations of citizens’ rights.

Authors' contribution: Komkova G.N. – concept and design of the study, analysis of the specifics of the legal regulation of the prohibition of propaganda of gender transitioning, implementation of the final version of the article; Toguzaeva E.N. – collection and processing of materials on the legal regulation of the prohibition of propaganda of gender transitioning, analysis of law enforcement practice

Conflict of interest: The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

1. Введение

После принятия поправок к Конституции РФ 2020 г. вопросы, связанные с духовно-нравственным состоянием российского общества, вышли на приоритетный уровень. Принятый курс государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, поддержанный Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809, обращает внимание на образ жизни россиян как на объект правовой защиты. Распространение аморального образа жизни в упомянутом документе обозначено как риск, возможный при деструктивной идеологии, наряду с ослаблением семейных, дружеских и иных социальных связей, обесцениванием идей созидательного труда и взаимопомощи, внедрением вседозволенности, насилия и др.¹

Образ жизни и ранее становился объектом научных изысканий в области права, чаще как объект криминологических [1] и теоретико-правовых исследований [2], но после 2022 г. образ жизни россиян стал объектом новых конституционно-правовых осмыслений, появились научные исследования, в которых образ жизни личности рассматривается как конституционно-правовая ценность, отмечается, что сам образ жизни конкретного человека влияет на социальные и культурные ценности общества и госу-

дарства [3, с. 53; 4], а конституционно значимые аспекты образа жизни включают в себя, в частности, характерные для народа духовно-нравственные ценности, идентичность и достоинство личности [4, с. 14].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) формулирует задачи государства по сохранению традиционного для нашего общества образа жизни, в том числе задачи по сохранению традиционно понимаемого института семьи, укреплению семейных отношений и популяризации многодетности.

Образ жизни – понятие комплексное, социологи и политологи считают, что образ жизни включает в себя различные сферы жизни и деятельности человека, содержание образа жизни определяется тем, как живут люди, чем заняты, какие виды деятельности и взаимодействия друг с другом заполняют их жизнь [5, с. 77]. В контексте защиты традиционных ценностей в образе жизни человека обращает на себя внимание и возможность идентификации человека с точки зрения гендерного маркера [6–8]. Важным концептуальным шагом в сфере защиты национальных интересов стал запрет смены пола и последовавший за ним запрет пропаганды смены пола в российском законодательстве, что снова об-

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нрав-

ственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

ратило внимание исследователей в сфере права и на категорию «общественная нравственность» [9–11].

В данном научном исследовании мы не ставим цель проанализировать конструкцию самого запрета смены пола, данный вопрос продолжает возбуждать научные дискуссии, поскольку точка зрения медицинских работников не всегда прямо совпадает с той, что в настоящее время отображает правовая норма, а вот по поводу запрета пропаганды смены пола мнения юристов и медицинских работников однозначны. Такой вид пропаганды носит безусловно деструктивный характер, несет риск посягательства на традиционные ценности, среди которых особое место занимают институт брака, семьи, которые разрушаются под воздействием навязанных трансформаций и вседозволенности [12–14]. Появился вполне обоснованный запрос российского общества на детализацию правового регулирования в данной сфере. Однако для того, чтобы запрет пропаганды смены пола был эффективен, и во избежание ошибок в квалификации необходимо тщательно продумать его правовую конструкцию.

2. Риски правового регулирования

Федеральным законом от 5 декабря 2022 г. № 479-ФЗ установлена административная ответственность за пропаганду смены пола, кроме того, дополнительной мерой становится введенный внесудебный порядок включения информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола, в единый реестр запрещенной информации в целях ее блокировки.

Однако законодатель не пошел по пути выделения пропаганды смены пола в самостоятельный состав, как, например, это было сделано с запретом пропаганды педофилии в специальной ст. 6.21.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Относительно пропаганды смены пола законодательным решением было поместить данный запрет в норму вместе с запретом пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, а в 2024 г. к нему был добавлен еще и запрет пропаганды отказа от деторождения. Безусловно, логические связи данных действий, образующих объективную сторону правонарушения, зачастую взаимообусловлены, но тем не менее позволим выразить мнение, что такой выбор нельзя считать удачным, так как совмещение данных видов пропаганды не будет способствовать точной квалификации, а иногда и вовсе будет вводить в заблуж-

дение правоприменителя относительно объективной стороны правонарушения и вносить некую размытость и неоднозначность, не способствуя формированию единообразия правоприменительной практики. К примеру, считаем, что нельзя подвергать смешению или вовсе отождествлять выражение лицом привлекательности нетрадиционных сексуальных отношений и указание на привлекательность смены пола. Очевидно, что смешение данных категорий в ст. 6.21 КоАП РФ не будет стимулировать правоприменителя к уточнению объективной стороны правонарушения, не способствует дифференциации ответственности лиц, причастных к пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений и пропаганде смены пола.

Справедливость критических замечаний демонстрируется имеющейся за этот небольшой период практикой. Ориентируясь, например, на состав ч. 3 ст. 6.21. КоАП РФ (пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и смены пола, совершенная с применением сети «Интернет»), чаще всего неясно, в каких именно действиях лица была выражена пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, а в каких – пропаганда смены пола, сложно отследить (бьюти-блогер мужского пола в женской одежде и с макияжем проводит демонстрацию косметики в одной из социальных сетей, мужчина в женском образе выложил в социальных сетях свою обнаженную фотографию, житель Новокузнецка вел контент, направленный на освещение жизни однополых пар с фотографиями, слоганами и графическими изображениями, пропагандирующими нетрадиционные сексуальные отношения) или не связанные с интернет-сетью действия – описание в тиражируемом издательстве однополых отношений с положительной точки зрения, прогулка жителя Приморья по улице в парике и платье и др. Однозначность наличия состава о нарушении запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений в вышеуказанных примерах очевидна, однако неочевидным остается наличие состава в нарушении запрета пропаганды смены пола.

3. Вариативность технико-юридической конструкции запрета пропаганды смены пола

Пропаганда смены пола, из смысла ст. 6.21 КоАП РФ, может быть выражена в распространении информации или совершении публичных действий, направленных:

– на формирование привлекательности смены пола;

– навязывание информации о смене пола, вызывающей интерес к смене пола.

Кроме того, формирование представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, также с учетом специфики состава правонарушения, может быть неотъемлемым признаком распространения информации, пропагандирующей смену пола.

Как видим, пропагандистские действия всегда должны иметь цель – навязать, сформировать, а не просто донести информацию до адресата. Этим состав ст. 6.21 КоАП РФ отличен от состава ст. 6.21.2 КоАП РФ, предусматривающего административную ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, в том числе описание, изображение нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, либо способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол.

В той же ст. 6.21 КоАП РФ предусмотрена повышенная административная ответственность за совершение тех же действий среди несовершеннолетних, а также за действия с применением СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе Интернета), а также за совершение тех же действий, но иностранными гражданами или лицами без гражданства, в отношении которых возможно применение административного выдворения за пределы Российской Федерации, по данному составу правонарушения. Полномочиями по составлению протоколов об административных правонарушениях по данной категории дел закон наделил полицию и должностных лиц Роскомнадзора.

Соответствующие изменения внесены в Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»², в котором к информации, запрещенной для распространения среди детей, отнесена информация, способная вызвать у детей желание сменить пол, в Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»³ в ст. 5, ука-

зывающую, что реклама не должна содержать информацию, пропагандирующую либо демонстрирующую нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола, в Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁴ и другие акты.

Представляется, что, если законодатель в одну норму помещает запрет пропаганды смены пола и нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, тем самым допускается и возможная взаимообусловленность этих действий. Однако если запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних уже несколько лет был закреплен в российском законодательстве и даже становился предметом исследования Конституционного Суда РФ, который признавал данное нормативное положение не противоречащим Конституции РФ, поскольку оно направлено на защиту таких конституционно значимых ценностей, как семья и детство, а также на предотвращение причинения вреда здоровью несовершеннолетних⁵, то запрет пропаганды смены пола можно пока еще считать новеллой современного российского законодательства.

Несмотря на такую обширную законотворческую деятельность по заданной тематике, всё же возникают вполне логичные вопросы, однозначные ответы на которые дать сложно в виду имеющейся правовой неопределенности и отсутствия пока устойчивой правоприменительной практики:

1. Можно ли считать пропагандой информацию, обосновывающую допустимость смены пола человека, например рассуждения о прогрессе в медицине и возможностях современной хирургии?
2. Чем пропаганда, выразившаяся в распространении, отличается от распространения?
3. Будет ли считаться пропагандой смены пола изображения в журналах, содержащие изображения мужчин-моделей, на которых имеется макияж, или выступление мужчин-певцов со сцены со сценическим макияжем?

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 48.

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3802.

⁵ Решение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2015 г. «Об утверждении обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2014 года» // Социальный мир. 2015. № 9.

4. Можно ли считать пропагандой размещение поста в соцсетях с картинкой лица и подписью о том, что он сменил пол, не давая при этом никаких оценок?

5. Публичное выступление на тему возможности смены пола в зарубежных странах с оговоркой, что в России это запрещено?

6. Можно ли считать распространение печатных изданий, содержащих описание в положительном ключе отношений между персонажами, придерживающимися нетрадиционных сексуальных отношений, пропагандой смены пола?

Это лишь малый перечень вопросов, на которые, вероятнее всего, в настоящее время согласно российскому законодательству представляется возможным дать положительные ответы.

Обращаясь к статистике МВД, приведенной в пояснительной записке к проекту Федерального закона № 369814-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об актах гражданского состояния” и Федеральный закон “Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации”», в период с 2016 по 2022 г. за заменой паспортов гражданина Российской Федерации по основанию «изменение пола» обратилось 2 990 чел., из них: в 2016 г. – 142, в 2017 г. – 131, в 2018 г. – 370, в 2019 г. – 429, в 2020 г. – 428, в 2021 г. – 554, в 2022 г. – 996⁶. Имеются также мнения о том, что такой рост связан с желанием людей злоупотребить своими правами или уклониться от выполнения какой-либо обязанности, например уклониться от уголовной ответственности или избежать воинской обязанности⁷. Однако при смене гендерного маркера не всегда исключается возможность исполнения воинской обязанности ввиду того, что лицо, имеющее военную специальность, даже при смене документов с мужского пола на женский обязанность сохраняет, поскольку в рамках мобилизационных действий такая женщина с военно-учетной специальностью всё равно может быть призвана исполнять свой воинский долг.

Не все технико-юридические конструкции запрета пропаганды смены пола представляются нам верными. К примеру, эффективность избранных технико-юридических средств сомнительна в ч. 1 ст. 14

Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», предусматривающей обязанность органов государственной власти Российской Федерации принимать меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или устройств для потребления никотинсодержащей продукции, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации порнографического характера, от информации, пропагандирующей либо демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, от информации, пропагандирующей педофилию, от информации, пропагандирующей отказ от деторождения, от информации, способной вызвать у детей желание сменить пол, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопроductии, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение. Очевидно, что требуют уточнения в указанном контексте конструкции следующие:

- информация, пропагандирующая либо демонстрирующая нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения;
- информация, пропагандирующая педофилию;
- информация, способная вызвать у детей желание сменить пол.

В тех правовых конструкциях, где речь идет о пропаганде, считаем важным акцентировать внимание на таких ее признаках, как целенаправленность, признак публичности действий, «работа на аудиторию», возможность тиражирования аморального образа жизни, умышленное осознание противоправности пропагандистских действий и др. В противном случае стираются различия между информированием и пропагандой, на которые еще в 2014 г. указывал Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность ч. 1 ст. 6.21 КоАП РФ в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и

⁶ Законопроект № 369814-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части запрета смены пола человека)» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/369814-8>. Текст документа приведен по состоянию на 30 мая 2023 г.

⁷ Куликов В. Бастрыкин назвал мошенниками трансгендеров «на бумаге» // Российская газета. 2023. 11 мая. URL: <https://rg.ru/2023/05/11/bastrykin-nazval-moshennikami-transgenderov-na-bumage.html>.

Д.А. Исакова⁸. Конституционный Суд РФ по указанной жалобе разъяснил, что информирование несовершеннолетних может осуществляться с привлечением специалистов – педагогов, медиков, психологов, если информирование лишено признаков пропаганды, т. е. не направлено на формирование предпочтений, связанных с выбором нетрадиционных форм сексуальной идентичности, и обеспечивает индивидуализированный подход, учитывающий особенности психического и физиологического развития детей в той или иной возрастной группе, характер конкретного освещаемого вопроса. То есть подача информации в нейтральном (просветительском, художественном, историческом) контексте – не запрещена. Значимым для осознания противоправного деяния является цель противоправного действия, направленность на пропаганду, умышленное осознание противоправности таких действий.

4. Этапы смены пола и их значение для правовой квалификации по ст. 6.21 КоАП РФ

Нельзя игнорировать и медицинскую сторону затронутого вопроса о запрете пропаганды смены пола, поскольку для правовой квалификации этот факт следует уяснить с точки зрения медицины. Не будем останавливаться на причинах, им посвящено немало медицинских исследований как российских [15; 16], так и зарубежных авторов. К примеру, зарубежными авторами в многочисленных научных исследованиях акцентировалось внимание на связи врожденной гиперплазии надпочечников и целого спектра заболеваний, характеризующихся ферментативной активностью, с медицинскими показаниями к операции по смене пола [17], на нарушениях полового развития в эмбриональном периоде, когда мужские характеристики эмбриона неактивны и могут задержаться на индифферентной стадии развития и стать фенотипически женскими [18], на особенностях медицинской помощи людям с тяжелыми формами гендерной дисфории и доступности

и открытости информации, с этим связанной [19], о врожденных гендерных дефектах [20].

Для правовой квалификации важно определить, имеют ли значение этапы смены пола:

- юридический переход (смена необходимых документов, идентифицирующих личность);
- медицинский переход (прохождение медицинской комиссии, изменение тела: гендерная операция, гормональная терапия без операционного вмешательства либо непосредственно операция – создание физических признаков принадлежности к тому или иному полу);
- социальный переход (общественное давление, социализация в новом гендере и то, в каком гендере указанное лицо воспринимается общественностью).

Некоторую ясность в вопросе запрета пропаганды смены пола попытался внести Роскомнадзор. С 1 сентября 2023 г. вступил в силу приказ Роскомнадзора, в котором ведомство предприняло попытку более точно сформулировать критерии оценки информации, распространение которой в России запрещено. Нашли в нем отражение и критерии оценки информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола. Однако если в отношении определения нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений сформулировано достаточно критериев, то относительно смены пола п. 3.7 и 3.8 сформулированы следующим образом:

«3.7. Наличие информации, направленной на формирование положительного отношения к смене пола человека, в том числе содержащей обоснование или оправдание допустимости смены пола человека, отказа от своей природной половой принадлежности.

3.8. Наличие информации о преимуществе смены пола»⁹.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

⁹ Приказ Роскомнадзора от 27 февраля 2023 г. № 25 «Об утверждении Критериев оценки материалов и (или) информации, необходимых для принятия Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций решений, являющихся основаниями для включения доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», со-

зателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», со-

Считаем, что, если за основу брать изменения в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰, который в ст. 45.1 «Запрет смены пола человека» указывает, что «запрещается осуществление медицинских вмешательств, включая применение лекарственных препаратов, направленных на смену пола, в том числе формирование у человека первичных и (или) вторичных половых признаков другого пола», то, подвергая буквальному толкованию приведенную норму, следует считать возможным говорить о пропаганде смены пола только в медицинском контексте (в виде приема специальной гормональной терапии либо операционных вмешательств). Данная норма исключает понимание социального аспекта перехода, что позволяет сделать вывод об отсутствии в действиях мужчины, переодевшегося в женское платье и прошедшего по улице, состава правонарушения – пропаганда смены пола. В связи с чем очевидно, что необходимо учесть время, место, мотивы лица, аудиторию, на которую было оказано воздействие, и последствия этих противоправных действий.

Учитывая всю ту же вышеназванную ст. 45.1 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», остается открытым вопрос о том, можно ли считать пропагандой смены пола выражение лицом информации о самосознании себя принадлежащим к противоположному полу, поскольку трансгендерность не всегда подразумевает коррекцию пола в медицинском понимании. Исходя из смысла ст. 45.1, без всякого вмешательства речь не может идти в правовом смысле о смене пола, а значит, и состава административного правонарушения пропаганда смены пола быть не может.

5. Выводы

Содержание правовой категории «смена пола» имеет ключевое значение не только для реализации ст. 6.21 КоАП РФ в контексте гарантий защищенности традиционных семейных ценностей, сохранения традиционного для российского общества образа жизни, но и в других правовых ситуациях. Так, смена пола как юридический факт важна для признания брака недей-

ствительным после смены пола (по иску прокурора в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц Центральный районный суд Тюмени признал недействительным брак между супругами, один из которых сменил пол¹¹). В правовых исследованиях о последствиях смены пола в России [21] зачастую поднимается вопрос о необходимости обсуждать возможность лишения родительских прав при смене гендерной принадлежности одного из родителей с возложением обязанности на органы опеки и попечительства инициировать такие производства, поскольку проживание несовершеннолетнего с таким родителем позволит говорить о длительном негативном пропагандистском влиянии на ребенка. Кроме того, несмотря на то, что по настоящее время в ст. 141 Семейного кодекса РФ к основаниям к отмене усыновления не добавлена смена пола, однако, учитывая содержание ч. 2 ст. 141 Семейного кодекса РФ, суд вправе отменить усыновление ребенка и по другим основаниям исходя из интересов ребенка и с учетом мнения ребенка.

В целях обеспечения единообразия правоприменительной практики следует установить критерии отнесения информации к той, которая «способна вызвать у детей желание сменить пол». В настоящее время любая информация может восприниматься как относящаяся к заявленной категории (даже утренники в детских садах с переодеванием мужчин-воспитателей в женские образы и наоборот и т. д.). На наш взгляд, к информации, побуждающей сменить пол, может относиться информация о преимуществах и безболезненности гормонотерапии, направленной на смену полу, преимуществах операционного вмешательства по смене пола, благоприятных последствиях, наступающих после смены пола, призывы к смене пола и др. В отсутствие четких критериев есть опасения, что решение правоприменительного органа о наложении штрафа или ограничении информации на том или ином ресурсе может быть принято субъекто исходя из представлений конкретного должностного лица государственного органа о содержании правовой категории «смена пола», что может привести к нарушениям прав граждан.

держащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (ред. от 8 ноября 2023 г.) // Официальное опубликование правовых актов. № 0001202304170032.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

¹¹ Вараксин М. Суд аннулировал брак после смены пола одним из супругов // Право.ru. 2023. 16 марта. URL: <https://pravo.ru/news/245637/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борбат А. В. Образ жизни как криминологическая категория / А. В. Борбат, А. Г. Мусеилов // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 28–33.
2. Сртлян С. В. Право и традиционный образ жизни : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Сртлян. – Владимир, 2008. – 227 с.
3. Дробязко С. Р. Образ жизни личности как предмет конституционно-правовой защиты на примере вопроса о смене пола / С. Р. Дробязко // Конституционное и муниципальное право. – 2023. – № 1. – С. 53–57. – DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-53-57.
4. Дробязко С. Р. Образ жизни: конституционно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / С. Р. Дробязко. – М., 2023. – 200 с.
5. Романова И. В. Категория «образ жизни»: понятие, содержание и структура / И. В. Романова, Н. П. Романова, И. Р. Казарян // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 3. – С. 76–84.
6. Комкова Г. Н. Проблемы определения пола у новорожденных: социальный, медицинский и юридический аспекты / Г. Н. Комкова, А. В. Басова // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – 2019. – Т. 24, № 3. – С. 124–128. – DOI: 10.21508/1027-4065-2019-64-3-124-128.
7. Умнова-Конюхова И. А. Правовое регулирование границ модификации человека в условиях внедрения новых биотехнологий: обзор актуальных направлений / И. А. Умнова-Конюхова // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 4. – С. 9–21. – DOI: 10.31249/snsn/2023.04.01.
8. Василевич Д. Г. Права и обязанности индивида при смене половой принадлежности / Д. Г. Василевич // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки. – 2017. – № 5. – С. 130–135.
9. Душакова Л. А. Общественная нравственность как объект государственно-правовой охраны / Л. А. Душакова, Е. В. Миллеров // Юридический мир. – 2024. – № 10. – С. 30–33. – DOI: 10.18572/1811-1475-2024-10-30-33.
10. Мирошниченко А. В. Общественная нравственность как объект административно-правовой защиты от пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола / А. В. Мирошниченко // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 4 (53). – С. 211–215. – DOI: 10.51980/2542-1735_2023_4_211.
11. Алейников Б. Н. Правоотношение и нравственность: современное осмысление и новые подходы / Б. Н. Алейников // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 18–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32.
12. Зенин С. С. Соматические биотехнологии в системе социальных ценностей современного российского общества / С. С. Зенин, М. А. Некрасов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 22–32. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.022-032.
13. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права / А. А. Елисеева // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 3. – С. 67–74. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074.
14. Баранов П. П. Семья как конституционно значимая ценность / П. П. Баранов // Вестник Юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – Т. 7, № 2. – С. 57–63. – DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-2-6.
15. Введенский Г. Е. Феноменология идей смены пола у больных шизотипическим расстройством / Г. Е. Введенский // Медицинский вестник Юга России. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 32–35. – DOI: 10.21886/2219-8075-2022-13-3-32-35.
16. Ягубов М. И. Гендерное несоответствие: клинические, психологические и терапевтические аспекты / М. И. Ягубов, Е. А. Старостина, Н. В. Добаева, М. А. Ичмелян // Медицинский вестник Юга России. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 21–31. – DOI: 10.21886/2219-8075-2022-13-3-21-31.
17. Hithayathulla M. A. Beyond Binary: Gender Reassignment in a Case of 11 β -Hydroxylase Deficiency / M. A. Hithayathulla, H. D. Putta Nagarajan, V. Gopalakrishnan, K. Puliyadi Rishi, G. Chandrasekaran // Cureus. – 2023. – Vol. 15, No. 11. – Art. e48644. – DOI: 10.7759/cureus.48644.

18. Makiyan Z. Studies of gonadal sex differentiation / Z. Makiyan // *Organogenesis*. – 2016. – Vol. 12. – P. 42–51. – DOI: 10.1080/15476278.2016.1145318.
19. Lo Torto F. Gender dysphoria: Quality of online information for gender reassignment surgery / F. Lo Torto, F. Rocco Mori, E. Bruno, G. Giorgio, G. Turriziani, G. Firmani, M. Marcasciano, D. Ribuffo // *JPRAS Open*. – 2023. – Iss. 38. – P. 117–123. – DOI: 10.1016/j.jptra.2023.08.008.
20. Huynh Thi Tuyet Ngoan. Analyzing progress in implementing the right to gender reassignment under Vietnamese law / Huynh Thi Tuyet Ngoan, Nguyen Thi My Linh, Pham Thi Tuyet Giang, Duong Van Khanh // *Russian Law Journal*. – 2023. – Vol. 11, iss. 3. – P. 1387–1394. – DOI: 10.52783/rlj.v11i3.1613.
21. Аблятипова Н. А. Правовые последствия изменения пола в Российской Федерации: гражданско-правовой и семейно-правовой аспект / Н. А. Аблятипова, В. С. Тихомаева // *Вопросы российского и международного права*. – 2019. – Т. 9, № 7А. – С. 91–99.

REFERENCES

1. Borbat A.V., Museibov A.G. Lifestyle as a criminological category. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2015, no. 22, pp. 28–33. (In Russ.).
2. Srtlyan S.V. *Law and traditional way of life*, Cand. Diss. Vladimir, 2008. 227 p. (In Russ.).
3. Drobyazko S.R. The Way of Life of an Individual as a Subject of Constitutional and Legal Protection on the Example of the Gender Reassignment Issue. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2023, no. 1, pp. 53–57. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-1-53-57. (In Russ.).
4. Drobyazko S.R. *Lifestyle: Constitutional and Legal Aspects*, Cand. Diss. Moscow, 2023. 200 p. (In Russ.).
5. Romanova I.V., Romanova N. P., Kazaryan I. R. Category “Lifestyle”: Concept, Content and Structure. *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Transbaikal state university journal*, 2016, vol. 22, iss. 3, pp. 76–84. (In Russ.).
6. Komkova G.N., Basova A.V. Problems of sex determination in newborns: social, medical and legal aspects. *Rossiiskii vestnik perinatologii i pediatrii = Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics*, 2019, vol., 24, no. 3, pp. 124–128. DOI: 10.21508/1027-4065-2019-64-3-124-128. (In Russ.).
7. Umnova-Konyukhova I.A. Legal regulation of the boundaries of human modification in the context of the introduction of new biotechnologies: a review of current trends. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki = Social innovations and social sciences*, 2023, no. 4, pp. 9–21. DOI: 10.31249/snsn/2023.04.01. (In Russ.).
8. Vasilevich D.G. Rights and obligations of an individual when changing gender. *Vestnik Baranovichskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arheologiya. Ekonomicheskie nauki. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Baranovichi State University. Series: Historical sciences and archeology. Economic sciences. Legal sciences*, 2017, no. 5, pp. 130–135. (In Russ.).
9. Dushakova L.A., Millerov E.V. Public morality as an object of state and legal protection. *Yuridicheskii mir = Legal world*, 2024, no. 10, pp. 30–33. DOI: 10.18572/1811-1475-2024-10-30-33. (In Russ.).
10. Miroshnichenko A.V. Public morality as an object of administrative and legal protection from propaganda of non-traditional sexual relations and (or) preferences, gender reassignment. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (53), pp. 211–215. DOI 10.51980/2542-1735_2023_4_211. (In Russ.).
11. Aleinikov B.N. Legal relationship and morality: modern understanding and new approaches. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 18–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32. (In Russ.).
12. Zenin S.S., Nekrasov M.A. Somatic Biotechnologies in the System of Social Values of Modern Russian Society. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 22–32. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.022-032. (In Russ.).
13. Eliseeva A.A. A Family and Family Values: Approaches to Understanding in the Context of Modern Law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 67–74. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074. (In Russ.).

14. Baranov P.P. Family as a constitutionally significant value. *Vestnik Yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*, 2020, vol. 7, no. 2. pp. 57–63. DOI: 10.23683/2313-6138-2020-7-2-6. (In Russ.).

15. Vvedensky G.E. Phenomenology of ideas of sex change in patients with schizotypal disorder. *Meditsinskii vestnik Yuga Rossii = Medical Bulletin of the South of Russia*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 32–35. DOI: 10.21886/2219-8075-2022-13-3-32-35. (In Russ.).

16. Yagubov M.I., Starostina E.A., Dobaeva N.V., Ichmelyan M.A. Gender inconsistency: clinical, psychological and therapeutic aspects. *Meditsinskii vestnik Yuga Rossii = Medical Bulletin of the South of Russia*, 2022, vol. 13, no. 3, pp. 21–31. DOI: 10.21886/2219-8075-2022-13-3-21-31. (In Russ.).

17. Hithayathulla M.A., Putta Nagarajan H.D., Gopalakrishnan V., Puliyadi Rishi K., Chandrasekaran G. Beyond Binary: Gender Reassignment in a Case of 11 β -Hydroxylase Deficiency. *Cureus*, 2023, vol. 15, no. 11, art. e48644. DOI: 10.7759/cureus.48644.

18. Makiyan Z. Studies of gonadal sex differentiation. *Organogenesis*, 2016, vol. 12, pp. 42–51. DOI: 10.1080/15476278.2016.1145318.

19. Lo Torto F., Rocco Mori F., Bruno E., Giacomini G., Turriziani G., Firmani G., Marcasciano M., Ribuffo D. Gender dysphoria: Quality of online information for gender reassignment surgery. *JPRAS Open*, 2023, iss. 38, pp. 117–123. DOI: 10.1016/j.jpura.2023.08.008.

20. Huynh Thi Tuyet Ngoan, Nguyen Thi My Linh, Pham Thi Tuyet Giang, Duong Van Khanh. Analyzing progress in implementing the right to gender reassignment under Vietnamese law. *Russian Law Journal*, 2023, vol. 11, iss. 3, pp. 1387–1394. DOI: 10.52783/rlj.v11i3.1613.

21. Ablyatipova N.A., Tikhomaeva V.S. Legal consequences of gender reassignment in the Russian Federation: civil and family law aspects. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2019, vol. 9, no. 7A, pp. 91–99. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комкова Галина Николаевна – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: komkova_galina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2572-2443
SPIN-код РИНЦ: 6705-4035

Тогузаева Екатерина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83
E-mail: belana1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4462-677X
SPIN-код РИНЦ: 9873-7234

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Galina N. Komkova – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of Constitutional and Municipal Law
Saratov State University
83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russia
E-mail: komkova_galina@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2572-2443
RSCI SPIN-code: 6705-4035

Ekaterina N. Toguzaeva – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of Civil Law and Procedure
Saratov State University
83, Astrakhanskaya ul., Saratov, 410012, Russia
E-mail: belana1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4462-677X
RSCI SPIN-code: 9873-7234

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Комкова Г.Н. Запрет пропаганды смены пола в российском законодательстве: содержание и проблемы правоприменения / Г.Н. Комкова, Е.Н. Тогузаева // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 29–39. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).29-39.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Komkova G.N., Toguzaeva E.N. Prohibition of gender transition propaganda in Russian legislation: core provisions and problems of law enforcement. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 29–39. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).29-39. (In Russ.).

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ, ПЕРЕДАВАЕМЫХ ОРГАНАМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

И.В. Глазунова¹, В.Б. Башуров²

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Сибирский юридический университет, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
14 октября 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Местное самоуправление,
финансовая поддержка,
бюджет, отдельные
государственные полномочия,
межбюджетные трансферты,
минимальные государственные
социальные стандарты,
субвенции

Рассматриваются вопросы применения финансово-правового механизма финансирования отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления. Анализируются особенности финансово-правового механизма обеспечения отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления, практика предоставления межбюджетных трансфертов в форме субвенций. Выявлена проблема определения форм, расчета и порядка передачи органам местного самоуправления соответствующих финансовых средств. Сделан вывод о том, что в целях достижения высоких результатов публичной финансовой деятельности, повышения эффективности использования бюджетных средств, обеспечения заинтересованности органов местного самоуправления в исполнении переданных им полномочий финансово должны обеспечиваться фактические затраты последних.

FINANCIAL AND LEGAL MECHANISM FOR ENSURING CERTAIN STATE POWERS DELEGATED TO LOCAL GOVERNMENTS

Irina V. Glazunova¹, Vladimir B. Bashurov²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² Siberian Law University, Omsk, Russia

Article info

Received –
2024 October 14
Accepted –
2025 March 20
Available online –
2025 June 20

Keywords

Local government, financial
support, budget, individual state
powers, inter-budget transfers,
minimum state social standards,
subventions

The subject. The issues of applying the financial and legal mechanism for financing certain state powers transferred to local governments are considered.

The purpose of the article is to identify the problems of legal regulation and practical implementation of financial support for state powers transferred to local governments for implementation.

The authors used method of formal legal interpretation of Russian legislation as well as dialectical analysis of budgetary statistics

Main results. The article analyzes the features of the financial and legal mechanism for ensuring certain state powers transferred to local governments, the practice of providing inter-budget transfers in the form of subventions. The problem of determining the forms, calculation, and procedure for transferring appropriate financial resources to local governments has been identified. The development and approval of regional standards should be based not only on the general requirements for federal and regional standards, but also on the fact that the latter should either exceed the norms and standards of quality and standard of living of the population provided for by federal standards, or supplement their list.

Conclusions. The actual costs of the municipalities must be financially ensured In order to achieve high results in public financial activities, increase the efficiency of using budgetary funds, and ensure the interest of local governments in exercising their delegated powers.

1. Введение

Любая деятельность сопряжена с определенными затратами, и это в полной мере относится к реализации публичных функций и предоставлению публичных услуг, осуществляемых как органами государственной власти, так и органами местного самоуправления [1, с. 13; 2, с. 152; 3].

Передача полномочий на муниципальный уровень стала практически повсеместной практикой. По состоянию на 1 января 2024 г., в 85 из 89 субъектов Российской Федерации осуществляется делегирование полномочий. При этом основной объем субвенций (97,9 % от общего объема) приходится на муниципальные районы и городские округа, включая городские округа с внутригородским делением [4, с. 100].

В различных регионах подход к решению вопросов передачи государственных полномочий на муниципальный уровень может различаться. Количество переданных региональных полномочий варьируется от 1 до 27. В большинстве регионов передано до 10 полномочий, а в пяти – более 18 [5, с. 31].

Правовой основой наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями служит гл. 4 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ)¹. Согласно ч. 1 ст. 19 этого закона государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления, представляют собой полномочия, установленные федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которые не относятся к вопросам местного значения.

Финансовое обеспечение государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления, является важной составляющей эффективного функционирования системы государственного управления в России. Органы местного самоуправления играют ключевую роль в реализации социальных и экономических программ, обеспечении

жизнедеятельности населения и развитии территорий². Однако успешное выполнение возложенных на них задач невозможно без адекватного финансового обеспечения. Как справедливо заметил В.В. Казаков, конечная цель любого делегирования государственных полномочий на муниципальный уровень связана с ростом благосостояния населения конкретных муниципальных образований [6, с. 120]. Это достигается за счет повышения эффективности исполнения переданных полномочий и «привязанных» к ним материально-финансовых ресурсов.

Все эти обстоятельства обусловили необходимость проведения научного анализа проблем правового регулирования и практической реализации финансового обеспечения государственных полномочий, передаваемых для осуществления органам местного самоуправления.

2. Правовое регулирование финансирования отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления

Наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Российской Федерации и субъектов Российской Федерации должно сопровождаться передачей им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств.

Финансовое обеспечение переданных полномочий осуществляется за счет субвенций из соответствующего бюджета, предоставляемых местным бюджетам (далее – субвенции). Так, в 2021 г. в структуре доходов местных бюджетов доля субвенций на исполнение государственных полномочий составила 48,7 % (531,6 млрд руб.), в 2022 г. – 44,6 % (561,6 млрд руб.), в 2023 г. – 43,8 % (437,4 млрд руб.) [7, с. 30–31]. Удельный вес субвенций в доходах отдельных муниципальных районов составляет 50–60 % доходов их местных бюджетов при среднем уровне 23 % по муниципальным образованиям³.

Субвенции – целевой межбюджетный трансферт, предоставляемый для финансового обеспечения расходных обязательств муниципальных обра-

¹ Здесь и далее нормативные правовые акты, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

² Выступление Президента Российской Федерации на заседании Совета при Президенте России по развитию местного самоуправления 30 января 2020 года // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62701> (дата обращения: 13.10.2024).

³ Информационно-аналитический материал к заседанию Совета по местному самоуправлению при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Актуальные вопросы финансового обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления». М., 2022. С. 5–6. URL: <http://council.gov.ru/media/files/AAP0o0U2nVGBwYjx6dRDc3cQmcYQMVoY.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).

зований, возникающих при выполнении государственных полномочий Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, переданных для осуществления органам местного самоуправления в установленном порядке [8, с. 105; 9, с. 91].

Порядок определения общего объема таких субвенций и показатели (критерии) распределения общего объема этих субвенций устанавливаются законом субъекта Российской Федерации, предусматривающим наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями (далее – закон о наделении полномочиями), с учетом требований законодательства.

Данный закон согласно п. 3 ч. 7 ст. 52 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ) должен содержать способ (методику) расчета нормативов для определения общего объема субвенций, включая федеральные или региональные государственные минимальные социальные стандарты (далее – федеральные и региональные стандарты соответственно). Аналогичное правило предусмотрено и п. 3 ч. 6 ст. 19 Закона № 131-ФЗ.

Применение федеральных или региональных стандартов при определении вышеуказанного способа (методики) расчета нормативов, по мнению отдельных авторов [10, с. 55], не является обязательным, они предусматриваются только при их наличии. Однако, конструкция рассматриваемой нормы не допускает каких-либо исключений и они, по нашему мнению, подлежат включению в закон о наделении полномочиями.

Практическая реализация данного правила вызывает ряд вопросов. Например, что представляют собой федеральные и региональные стандарты? В чем заключается их содержание: в государственных гарантиях и обязательствах, нормативах реализации социальных прав, безвозмездных государственных услугах, общественных потребностях и других аспек-

тах [11, с. 20]? Как эти стандарты соотносятся друг с другом?

Первая попытка разработки подобных стандартов была предпринята в рамках Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 769 «Об организации подготовки государственных минимальных социальных стандартов для определения финансовых нормативов формирования бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов». До 1 сентября 1996 г. предполагалось разработать научно обоснованную концепцию формирования системы федеральных и региональных стандартов и проект федерального закона о них. Однако, хотя указанный проект закона⁴ прошел первое чтение в Государственной Думе, он не был поддержан Правительством РФ⁵, получил отрицательное заключение Комитета по труду, социальной политике и делам ветеранов⁶ и в феврале 2017 г. был снят с рассмотрения.

Несмотря на то, что основополагающий закон о государственных минимальных социальных стандартах не был принят, а из Бюджетного кодекса (далее – БК) РФ были исключены нормы, раскрывающие содержание этого понятия и определяющие компетенцию органов государственной власти в их установлении⁷, Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» на протяжении более 15 лет давал субъектам Российской Федерации полномочия устанавливать региональные стандарты. Эта норма также была включена в законы № 414-ФЗ и № 131-ФЗ в измененном виде.

Однако, как представляется, разработка и утверждение региональных стандартов должны основываться не только на общих требованиях к федеральным и региональным стандартам, но и на том, что последние должны либо превышать нормы и нормативы качества и уровня жизни населения, предусмотренные федеральными стандартами,

⁴ Проект Федерального закона № 209727-3 «О минимальных государственных социальных стандартах» был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 2002 г.

⁵ Официальный отзыв Правительства Российской Федерации от 12 августа 2003 г. № 5558п-П12 «На проект федерального закона № 209727-3 “О минимальных государственных социальных стандартах”».

⁶ Решение Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по труду, социальной политике и делам ветеранов от 19 января 2017 г. № 3.2-15 «О проекте федерального закона № 209727-3 “О минимальных государственных социальных стандартах”».

⁷ Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 120-ФЗ (ред. от 19 декабря 2006 г.) «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений».

либо дополнять их перечень исходя из финансовых возможностей соответствующего субъекта Российской Федерации [12, с. 14–15]. В настоящее время отсутствуют федеральные стандарты, а также нормативная правовая база, определяющая содержание и значение региональных стандартов, требования к ним и порядок контроля за их соблюдением. Это затрудняет и фактически делает невозможным их учет при определении методики расчета нормативов для определения общего объема субвенций.

Законодательная практика субъектов Российской Федерации подтверждает это. Они ограничиваются показателями (критериями) распределения субвенций между муниципальными образованиями, которые не связаны с федеральными и региональными стандартами, а последние и вовсе не определены нормативно⁸.

Такой подход связан с тем, что нормы законов № 414-ФЗ и № 131-ФЗ не соответствуют положениям БК РФ, регулирующим межбюджетные отношения. Согласно п. 2.1 ст. 140 БК РФ закон о наделении полномочиями должен содержать не способ расчета нормативов для определения общего объема субвенций, а методику их расчета и показатели (критерии) распределения между муниципальными образованиями. А распределение субвенций между муниципальными образованиями должно осуществляться на основе единых методик для каждого вида субвенции. При этом учитываются такие показатели, как численность населения (или отдельных групп населения), количество потребителей соответствующих государственных (муниципальных) услуг и др. Также принимаются во внимание нормативы формирования бюджетных ассигнований на исполнение обязательств и объективные условия, влияющие на стоимость государственных (муниципальных) услуг в муниципальных образованиях (п. 3 ст. 140 БК РФ).

⁸ Исключение из этого составляет Постановление Правительства Чукотского автономного округа от 25 июня 2010 г. № 197 «Об утверждении региональных минимальных социальных стандартов обеспечения населения Чукотского автономного округа общедоступными образовательными программами, образовательными программами в области культуры и искусства и образовательными программами в области молодежной политики».

⁹ Например, Омским городским Советом еще в 2012 г. были направлены в рабочую группу Государственной Думы по совершенствованию межбюджетных отношений в Российской Федерации предложения о необходимости

в свою очередь, необходимость учета федеральных и региональных стандартов при определении общего объема субвенции или методики ее распределения не установлена бюджетным законодательством. Это требование также не содержится в п. 4 ч. 2 ст. 45 Закона № 414-ФЗ, который регулирует положения, включаемые в текст федерального закона о передаче отдельных полномочий Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации или по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации для осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что вышеприведенные нормы федерального законодательства должны быть согласованы между собой и содержать единые правила, основанные на положениях ст. 140 БК РФ.

Чтобы обеспечить целостность правового регулирования в этой сфере, необходимо внести изменения в законодательство. В частности, следует дополнить п. 3 ч. 7 ст. 52 Закона № 414-ФЗ и п. 2.1 ст. 140 БК РФ правилом, аналогичным тому, которое содержится в п. 3 ч. 6 ст. 19 Закона № 131-ФЗ. Это правило было введено Федеральным законом от 13 июля 2024 года № 181-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и вступило в силу с 1 января 2025 г.⁹ По своему содержанию оно напоминает аналогичную норму, регулиующую определение общего объема субвенций из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации (п. 4 ч. 2 ст. 45 Закона № 414-ФЗ). Однако данное предписание отсутствует в ст. 132 и 140 БК РФ, что создает правовую неопределенность в применении общей и специальной норм [13, с. 227–229].

законодательного закрепления порядка расчета объема субвенций на передачу органам местного самоуправления отдельных государственных полномочий с учетом административных расходов: заработная плата персонала, оргтехника, содержание помещений, коммунальные расходы и др., см.: Постановление Омского городского Совета от 16 мая 2012 г. № 86 «О формировании предложений в рабочую группу Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по совершенствованию межбюджетных отношений в Российской Федерации» // Третья столица. 2012. 24 мая.

Полагаем, что эти недостатки федерального законодательства, вызванные отсутствием комплексного подхода к регулированию однородных отношений по предоставлению субвенций, носят скорее технический характер и должны быть устранены. В частности, необходимо закрепить в соответствующих статьях БК РФ правило, согласно которому общий объем субвенций, предоставляемых публично-правовым образованиям, должен определяться с учетом затрат на организацию осуществления переданных им полномочий. Это позволит избежать дискреционного подхода, при котором объем субвенций определяется в зависимости от содержания, характера и специфики передаваемых органам местного самоуправления государственных полномочий, а также от наличия объективных условий и факторов, способных увеличить расходы местных бюджетов на содержание органов местного самоуправления, включая оплату труда муниципальным служащим¹⁰.

3. Заключение

Проведенный анализ норм федерального законодательства позволяет сделать вывод, что «гарантии компетенционной и финансовой самостоятельности органов местного самоуправления» [14, с. 17] является полное (эквивалентное) бюджетное обеспечение государственных полномочий, переданных этим органам. Сюда входят все затраты, необходимые для их осуществления.

Для повышения эффективности использования средств областного бюджета и заинтересованности органов местного самоуправления в исполнении передаваемых отдельных государственных полномо-

чий необходимо обеспечить их фактические затраты за счет субвенций, даже если нет необходимости увеличивать штатную численность или нести другие материальные расходы [15, с. 136–137].

Чтобы обеспечить единство правового регулирования в этой сфере, предлагаем внести следующие изменения в федеральное законодательство:

1) п. 3 ч. 7 ст. 52 Закона № 414-ФЗ, п. 3 ч. 6 ст. 19 Закона № 131-ФЗ изложить в следующей редакции: «порядок определения общего объема субвенций из федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации местным бюджетам для осуществления переданных полномочий и показатели (критерии) распределения общего объема таких субвенций. Общий объем таких субвенций должен определяться с учетом затрат на организацию осуществления переданных полномочий»;

2) п. 1 и 2.1 ст. 140 БК РФ дополнить предложением следующего содержания: «Общий объем таких субвенций должен определяться с учетом затрат на организацию осуществления переданных полномочий».

Реализация этих предложений приведет к формированию законодательства и правоприменительной практики, которые будут направлены на достижение главной цели всех преобразований, определенной Президентом РФ: «создание таких условий для каждого муниципалитета, чтобы он мог работать эффективно, с максимальной пользой для людей и активно включаться в достижение национальных целей развития как надежное, а не слабое или инертное звено во всей системе власти»¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Н. В. Финансово-правовые механизмы финансирования отдельных видов непредвиденных расходов / Н. В. Васильева, Н. В. Колосов, Ю. В. Пятковская // Академический юридический журнал. – 2020. – Т. 21, № 1. – С. 12–19.

2. Якимова Е. М. Трансформация основ финансового обеспечения осуществления полномочий органами государственной власти субъекта Российской Федерации / Е. М. Якимова, М. В. Якимов // III Байкальский юридический форум : материалы междунар. науч.-практ. конф. и конкурса молодых ученых, Иркутск, 4–6 окт. 2023 г. – Иркутск : Изд. дом БГУ, 2023. – С. 152–157.

3. Rodríguez Bolívar M. P. Analyzing Forces to the Financial Contribution of Local Governments to Sustainable Development / M. P. Rodríguez Bolívar, A. Navarro Galera, L. Alcaide Muñoz, M. D. López Subires // Sustainability. – 2016. – Vol. 8, iss. 9. – Art. 925. – DOI: 10.3390/su8090925.

¹⁰ Позиция Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. Текст материала опубликован на официальном сайте Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, см.: URL:

<http://komitet-regpol.duma.gov.ru/Novosti/2a9dd0cd-db35-48a4-a73a-7b7ac48ef675> (дата обращения: 13.10.2024).

¹¹ Выступление Президента Российской Федерации на заседании Совета при Президенте России по развитию местного самоуправления 30 января 2020 года.

4. Дитятковский М. Ю. Реализация факультативных полномочий органов местного самоуправления в городах / М. Ю. Дитятковский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 1. – С. 99–111. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.106.
5. Матулов Б. Н. Делегирование государственных социальных полномочий органам местного самоуправления: возможности и пределы / Б. Н. Матулов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 4. – С. 30–33.
6. Казаков В. В. Организационно-правовые проблемы исполнения и финансирования делегируемых на муниципальный уровень государственных полномочий в условиях бюджетной реформы / В. В. Казаков // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 338. – С. 120–122.
7. Сумская Т. В. Основные направления формирования доходов бюджетов муниципальных образований разного типа в Российской Федерации / Т. В. Сумская // Вестник НГУЭУ. – 2023. – № 2. – С. 19–36. – DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-019-036.
8. Семенова Е. В. Проблемы межбюджетных отношений в единой системе публичной власти / Е. В. Семенова, В. В. Дюбин, А. Ю. Соболева // Муниципальная академия. – 2022. – № 1. – С. 103–110. – DOI: 10.52176/2304831X_2022_01_103.
9. Джимбиев А. В. Межбюджетные трансферты как финансовое обеспечение осуществления полномочий органами местного самоуправления / А. В. Джимбиев // Закон и право. – 2025. – № 2. – С. 90–93. – DOI: 10.24412/2073-3313-2025-2-90-93.
10. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (постатейный) / под ред. И. В. Бабичева, Е. С. Шургиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. – 670 с.
11. Белоусова С. В. Социальный стандарт как модель поведения государства в социальной сфере / С. В. Белоусова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2007. – Т. 3, № 1. – С. 18–23.
12. Башуров В. Б. Региональные минимальные социальные стандарты: проблемы административно-правового регулирования / В. Б. Башуров // Право. Нормотворчество. Закон : сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 23 апр. 2019 г. – Казань : Агентство междунар. исслед., 2019. – С. 11–18.
13. Саблин Д. А. Проблемы финансирования местного самоуправления в Российской Федерации / Д. А. Саблин // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 2А. – С. 226–232.
14. Попова Н. Ф. О государственных полномочиях органов местного самоуправления / Н. Ф. Попова // Современный юрист. – 2016. – № 1 (14). – С. 9–18.
15. Хрущева О. И. О некоторых проблемах правового регулирования наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями субъекта Российской Федерации / О. И. Хрущева // Общество и право. – 2024. – № 4 (90). – С. 136–141.

REFERENCES

1. Vasilyeva N., Kolosov N., Pyatkovskaya Y. Financial and legal mechanisms for financing certain types of unexpected expenses. *Akademicheskii juridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 12–19. (In Russ.).
2. Yakimova E.M., Yakimov M.V. Transformation of the foundations of financial support for the exercise of powers by state authorities of a constituent entity of the Russian Federation, in: *III Baikal Legal Forum, Proceedings of international scientific and practical conferences and the competition of young Scientists*, Irkutsk, October 4-6, 2023, Irkutsk, Baikal State University Publishing House, 2023, pp. 152–157. (In Russ.).
3. Rodríguez Bolívar M.P., Navarro Galera A., Alcaide Muñoz L., López Subires M.D. Analyzing Forces to the Financial Contribution of Local Governments to Sustainable Development. *Sustainability*, 2016, vol. 8, iss. 9, art. 925. DOI: 10.3390/su8090925.
4. Dityatkovskiy M.Y. The implementation of optional powers of local self-government bodies in cities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 99–111. DOI: 10.21638/spbu14.2021.106. (In Russ.).

5. Matulov B.N. Delegation of state social powers to local self-government authorities: opportunities and limits. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2020, no. 4, pp. 30–33. (In Russ.).
6. Kazakov V.V. Organisational and legal problems of execution and financing of federal powers delegated to municipalities in budget reforming. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2010, no. 338, pp. 120–122. (In Russ.).
7. Sumskaia T.V. Main directions for forming budget income of different types of municipalities in the Russian Federation. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*, 2023, no. 2, pp. 19–36. DOI: 10.34020/2073-6495-2023-2-019-036. (In Russ.).
8. Semenova E.V., Dyubin V.V., Soboleva A.Yu. Problems of intergovernmental relations in a unified public authority system. *Munitsipal'naya akademiya*, 2022, no. 1, pp. 103–110. DOI: 10.52176/2304831X_2022_01_103. (In Russ.).
9. Dzhimbiev A.V. Interbudgetary transfers as financial support for the exercise of powers by local governments. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2025, no. 2, pp. 90–93. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-2-90-93. (In Russ.).
10. Babichev I.V., Shugrina E.S. (eds.). *Commentary to the Federal Law "On the General principles of the Organization of Local Self-government in the Russian Federation" (article-by-article)*, 2nd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2015. 670 p. (In Russ.).
11. Belousova S.V. Social standard as a model of state behavior in the social sphere. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National interests: priorities and security*, 2007, vol. 3, no. 1, pp. 18–23. (In Russ.).
12. Bashurov V.B. Regional minimum social standards: problems of administrative and legal regulation, in: *Pravo. Normotvorchestvo. Zakon*, Collection of articles based on the results of the International scientific and practical conference, Kazan, April 23, 2019, Kazan, Agency for International Studies Publ., 2019, pp. 11–18. (In Russ.).
13. Sablin D.A. The problems of financing local self-government in the Russian Federation. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2021, vol. 11, no. 2A, pp. 226–232. (In Russ.).
14. Popova N.F. Revisiting the authoritative powers of the local self-government bodies. *Sovremennyyi yurist = Modern lawyer*, 2016, no. 1 (14), pp. 9–18. (In Russ.).
15. Khrushcheva O.I. On some problems of legal regulation of the granting of certain state powers of a subject of the Russian Federation to local government bodies. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2024, no. 4 (90), pp. 136–141. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глазунова Ирина Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 9844-8842; AuthorID: 297941

Башуров Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права
Сибирский юридический университет
644010, Россия, г. Омск, ул. Короленко, 12
E-mail: bashurov_v@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 1386-9470; AuthorID: 949112

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Irina V. Glazunova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of State and Municipal Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: irine.glazunovoi@yandex.ru
RSCI SPIN-code: 9844-8842; AuthorID: 297941

Vladimir B. Bashurov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law
Siberian Law University
12, Korolenko ul., Omsk, 644010, Russia
E-mail: bashurov_v@mail.ru
RSCI SPIN-code: 1386-9470; AuthorID: 949112

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Глазунова И.В. Финансово-правовой механизм обеспечения отдельных государственных полномочий, передаваемых органам местного самоуправления / И.В. Глазунова, В.Б. Башуров // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 40–47. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).40-47.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Glazunova I.V., Bashurov V.B. Financial and legal mechanism for ensuring certain state powers delegated to local governments. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 40–47. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).40-47. (In Russ.).

СУВЕРЕНИТЕТ И ТЕРРИТОРИЯ ГОСУДАРСТВА В АСПЕКТЕ ПРОБЛЕМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

В.А. Симонов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

15 октября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Исследуются вопросы суверенитета и территории государства в свете проблем конституционализма, трансформация взглядов ученых на место и роль территории государства среди признаков государственного суверенитета как неотъемлемого свойства государства и главного элемента конституционного строя. Анализируются некоторые предложения по реформированию территориально-политической организации России, которые могут быть приемлемы, если сохраняется территориальное единство государства и его государствообразующего народа.

Ключевые слова

Конституционализм, территория государства, конституционный строй, государственный суверенитет, право сецессии

SOVEREIGNTY AND TERRITORY OF THE STATE IN THE ASPECT OF THE PROBLEMS OF CONSTITUTIONALISM: PAST AND PRESENT

Vladimir A. Simonov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 October 15

Accepted –

2024 March 20

Available online –

2025 June 20

The subject of the research is issues of sovereignty and territory of the state in the light of the problems of constitutionalism, the transformation of scientists' views on the place and role of the territory of the state among the signs of state sovereignty as the main element of the constitutional system and an inalienable property of the state.

The purpose of the study is to determine, based on an analysis of the domestic and international legal political and economic situation, the optimal directions for improving the territorial and political organization of Russia.

Dialectical-materialistic, comparative-legal, system-structural methods are used in the research.

Keywords

Constitutionalism, territory of the state, constitutional system, state sovereignty, right of secession

Main results. Russian pre-revolutionary statesmen, as well as the founders of scientific socialism, or ancient authors, left the territory outside their attention, assessing the state, first of all, as a specially created governing subsystem that distinguishes a class-differentiated society from its primitive communal state. The most consistent supporters of the territory as a sovereign feature of the state were international lawyers, whose line was continued by Soviet and post-Soviet authors. The article contains an extensive list of scientific sources reflecting the territorial problem, and analyzes proposals for improving the territorial and political organization of the Russian Federation.

Conclusions. Abstracting the definition of the state from the territory can lead to the erroneous conclusion that there are no fundamental differences between the state and a public association, and proposals to improve the territorial organization of Russia are acceptable insofar as they do not destroy the territorial unity of the state.

1. Введение в проблему: Конституционализм, конституционный строй и суверенитет государства

Нормативно-правовой основой режима конституционализма выступает юридическая конститу-

ция или системная совокупность юридических норм, регулирующая наиболее важные отношения внутри фактической конституции социально неоднородного общества. Фактическую основу составляет регулируе-

мый данной совокупностью и соответствующий ей государственный строй, получивший название «конституционный строй», или государственный строй в государстве с реальной юридической конституцией.

В литературе существуют различные определения конституционного строя, предложенные, например, С.А. Авакьяном [1, с. 349], М.В. Баглаем [2, с. 99], Н.А. Бобровой [3], О.Г. Румянцевым [4], а также другими авторами.

Центральное место среди компонентов конституционного строя занимает государственный суверенитет, или реальная гарантированная свобода субъекта реализовать свою сущность, осуществлять собственную властную волю и развиваться в соответствии с собственными интересами и потребностями, уважая права и свободы других субъектов [5, с. 142].

Большинство отечественных исследователей рассматривает государственный суверенитет как неотъемлемое свойство государства, выражающееся в том, что оно верховно, независимо и едино в выражении властной воли [6]. Правда, в науке по данной проблеме в разное время высказывались и другие подходы, весьма удачный и подробный обзор которых дан А.Д. Катковым [7].

О принадлежности суверенитета государству сказано в ч. 1 ст. 4 Конституции РФ, согласно которой «суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию». О том же говорит ч. 2 ст. 80 Конституции РФ, обязывающая Президента РФ принимать «меры по охране суверенитета Российской Федерации». Наконец, вступая в должность и принося народу присягу (ч. 1 ст. 82 Конституции РФ), Президент РФ также обязуется «защищать суверенитет» нашего государства.

Это свидетельствует об официальном признании отечественным законодателем принадлежности государственного суверенитета российскому государству. Иначе приведенные выше статьи содержали бы нормы о суверенитете только государственной власти России.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П также не называет суверенитет необходимым качественным статусным признаком государственной власти Российской Федерации.

В данной связи спорной выглядит весьма противоречиво выстроенная позиция Н.А. Катаевой, которая вслед за Ж. Боденом и рядом отечественных авторов (М.А. Аржановым, А.И. Лепешкиным, Г.Н. Мановым, Л.М. Спиридоновым, В.С. Шевцовым) считает носителем государственного суверенитета государственную власть [8].

2. Территория – важнейший признак государства

Практически все современные отечественные исследователи называют важнейшим суверенным правом государства право на государственную территорию, а саму территорию – суверенным признаком государства. Хотя в прошлом взгляды ряда ученых на территорию были иными, и специальных работ, непосредственно посвященных ее исследованию, в античные времена и средние века практически не было.

Русский исследователь А.Д. Градовский [9] и его ученик Н.М. Коркунов [10, с. 27–28] вслед за античными авторами не включали в число признаков государства связь с территорией, оценивая государство прежде всего с сущностных позиций, как специально созданную управляющую подсистему, в чем есть главное отличие классово дифференцированного общества от его первобытно-общинного состояния.

По той же причине не упоминали территорию в своих подходах к определению государства и основоположники научного социализма – К. Маркс, Ф. Энгельс [11, с. 176] и В.И. Ленин [12, с. 73–75], рассматривая его лишь как «машину для подавления эксплуатируемого класса».

Однако если при определении государства абстрагироваться от территории и брать во внимание только публичную власть, то такой подход побуждает предположить отсутствие принципиальных различий между государством и общественным объединением.

Более пристальное внимание территории государства уделяли и подробно освещали связанную с ней проблематику отечественные специалисты по международному праву. Ф.Ф. Мартенс в 1894 г. провозглашал, что, «лишаясь своей территории, государство прекращает свое существование» [13, с. 3–284, 292, 304–305, 348–378].

Русский историк, философ права и государствовед Н.Н. Алексеев, рассматривая государство, вслед за Г. Еллинеком [14, с. 289] на первое место ставил территорию как пространственный предел осуществления государственной власти [15]. Неотъемлемым и системообразующим признаком государства считали территорию Б.Н. Чичерин [16, с. 50, 51, 53, 57, 58, 61], Л.А. Тихомиров [17, с. 633], Ф.Ф. Кошкин [18, с. 1–6], Г.Ф. Шершеневич, [19, с. 18], видный представитель французского солидаризма Леон Дюги [20, с. 100–101].

3. Территория государства в науке и нормотворчестве советского и постсоветского времени

Советское государствоведение с самого начала включало территорию в объект государственно-правового регулирования и предмет государственно-правовых исследований. Уже в первом учебнике по советскому государственному праву 1938 г. государственная территория была не только названа пространственным основанием для осуществления власти государства, но и позиционировалась как «органическая часть государственного верховенства, защищаемая всей мощью государственных и общественных сил и средств» [21, с. 6].

В последующие годы отечественная юридическая наука всегда рассматривала территорию государства, ее организацию и право территориального верховенства как неотъемлемую часть предмета теории государства и науки советского, а позднее – и российского государственного (конституционного) права. Это отразилось в учебниках, изданных в Госюриздате в 1948 [22] и 1958 гг. [23, с. 86–135], в двухтомном Курсе советского государственного права под редакцией А.И. Лепешкина [24], в учебнике Я.Н. Уманского [25, с. 189–293], Курсе советского государственного права под редакцией Б.В. Щетинина и А.Н. Горшенева 1971 г. [26, с. 232–313], первом советском учебнике «Советское конституционное право» издательства ЛГУ [27, с. 232–313], в учебниках по советскому государственному праву 1978 г. под редакцией Е.И. Козловой и В.С. Шевцова [28, с. 190–271] и 1980 г. под редакцией С.С. Кравчука [29, с. 284–389], в учебнике А.Н. Кокотова [30, с. 126–151] и в других изданиях. Серьезное внимание территории уделяется в трехтомном академическом курсе конституционного права под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова [31], а также в двухтомном конституционном курсе С.А. Авакьяна [32]. Как неотъемлемый признак суверенного государства территория государства рассматривается в отечественной науке конституционного (государственного) права зарубежных стран [33, с. 82–103], включая государственное право зарубежных социалистических стран [34, с. 256–287] и конституционное право стран СНГ [35, с. 190–236].

¹ Перла А. Татарстан и Башкирия уйдут, Кавказ отвалится: план Ходорковского по захвату власти в России. URL: https://ug.tsargrad.tv/articles/tatarstan-i-bashkirija-ujdut-kavkaz-otvalitsja-plan-hodorkovskogo-po-zahvatu-vlasti-v-rossii_458120 (дата обращения: 06.12.2021). (Ходорковский Михаил Борисович внесен Минюстом России в реестр

Аналогичным образом территорию государства характеризуют в учебниках [36, с. 194–222, 231–236] и учебных пособиях [37, с. 240–264] по конституционному праву авторы из государств СНГ. В аналогичном статусе данный признак представлен в учебниках [38] и учебных пособиях [39, с. 117–124] по теории государства и права, а также в академических справочных изданиях [40, с. 471] и словарях [41, с. 620–621].

В последние годы территории как правовому явлению [42] и проблемам ее устройства в государстве [43] посвящаются журнальные статьи, диссертационные исследования [44], специальные монографии. Глубокие и всеобъемлющие исследования территории и ее организации [45], взаимосвязи территориальной проблематики и мирового порядка [46] проведены С.Н. Бабуриным.

Отечественный законодатель также неразрывно связывает территорию государства с ее суверенитетом и устанавливает меры по ее охране. Так, ч. 3 ст. 4 и ч. 2.1 ст. 67 Конституции РФ провозглашают обязанность Российской Федерации обеспечивать целостность и неприкосновенности своей территории и объявляют недопустимыми действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям.

4. О некоторых предложениях по реформированию территориального устройства России

Поэтому нельзя согласиться с авторами, склонными в современных условиях допустить осуществление субъектами Российской Федерации права на сецессию [47], хотя геополитические противники России всё еще активно пытаются и в наши дни стимулировать сепаратистские настроения¹.

Как способ «спасения» русского народа от «вымирания» предлагается создать в составе Российской Федерации так называемую Русскую Республику или Республику Русь, в частности, путем объединения в этот субъект – Русскую республику (ранее АССР) все имеющиеся в Российской Федерации края, области, города федерального значения².

Однако уязвимость данной идеи, на наш взгляд, не только в том, что вне территории новой

лиц, выполняющих функцию иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

² Герасимов С. Для чего нужна Русская Республика - Русь в составе РФ. Вопросы-ответы. URL: <https://rr-rus.livejournal.com/2023.html?noscroll#comments> (дата обращения: 23.03.2011).

республики осталась бы преобладающая часть запасов российских нефти и газа и значительная часть многих других природных богатств.

Содержание геополитической реальности «Россия» шире, чем Российская Федерация и тем более ее часть в лице территории краев и областей. Например, по данным 1985 г., в большинстве субъектов РСФСР, имевших в своем названии этнический (национальный) компонент (республики, автономная область и автономные округа), русское население преобладало, а титульная этническая общность составляла численное меньшинство [48, с. 74, 102, 108, 112, 116–137]. Сегодня этно-демографическая ситуация в силу оттока русского населения, вызванного ухудшением социально-экономического положения, всплеска этно-шовинизма и роста антирусских настроений в этих регионах, изменилась. Тем не менее в этническом составе населения тринадцати провозглашенных как национально-государственные образования (без учета Донецкой и Луганской народных республик) субъектов русские численно преобладают, а в десяти таких субъектах они составляют существенную (от одной десятой до почти половины) долю населения³.

Создание в России Русской республики с учетом расселения русских в рамках существующей

схемы политико-территориального устройства разорвет целостный русский этно-социальный организм на отдельные куски, оставив за пределами Республики Русь значительную его часть.

Ни в каких специальных субъектах федерации русский этнос не нуждается. Как отмечал сорок лет назад А.И. Ким, «русская нация осуществляет свои национальные права непосредственно через общенациональные органы РСФСР. ...В границах бывшей Российской Империи возникла сначала РСФСР в целом, а уже потом в ее составе актами центральной власти были образованы автономные республики, автономные области и национальные округа» [49, с. 62].

Неизбежным результатом дробления и уничтожения единства русского этноса станет и уничтожение России как государства, в котором он, согласно ч. 1 ст. 68 Конституции РФ, играет государствообразующую роль.

Этого допустить нельзя.

5. Заключение

Территория является неотъемлемым системообразующим признаком государства. Предложения о совершенствовании территориальной организации России приемлемы постольку, поскольку не разрушают территориальное единство государства или создают угрозу такого разрушения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2006. – Т. 1. – 864 с.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для юрид. вузов и фак. / М. В. Баглай. – 2-е изд., изм. и доп. – М. : Норма : Инфра-М, 1999. – 784 с.
3. Боброва Н. А. Понятие конституционного строя, двойственность его природы / Н. А. Боброва // Право и политика. – 2002. – № 2. – С. 18–24.
4. Румянцев О. Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления) / О. Г. Румянцев. – М. : Юрист, 1994. – 285 с.
5. Симонов В. А. Суверенитет / В. А. Симонов // Конституционное право : университет. курс : в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. – М. : Проспект, 2015. – Т. 2. – С. 141–182.
6. Симонов В. А. Суверенитет: проблемы субъектов / В. А. Симонов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 54–68.
7. Катков А. Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа / А. Д. Катков // Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 1–14.
8. Катаева Н. В. Суверенитет как признак государственной власти / Н. В. Катаева // Культура. Образование. Право : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 28–29 апр. 2009 г., г. Екатеринбург. – Екатеринбург, 2009. – Вып. 2. – С. 254–258.
9. Градовский А. Д. Общество и государство (теоретические очерки) / А. Д. Градовский // Градовский А. Д. Соч. / А. Д. Градовский. – СПб. : Наука, 2001. – С. 31–185.

³ Расчитано по: Национальный состав населения // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт.

URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 10.10.2024).

10. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть / Н. М. Коркунов. – Изд. третье, перераб. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – 573 с.
11. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Ф. Энгельс // Маркс К. Соч. : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 21 : Май 1883 – декабрь 1889. – С. 28–178.
12. Ленин В. И. О государстве / В. И. Ленин // Ленин В. И. Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – 5 изд. – М. : Госполитиздат, 1963. – Т. 39 : Июнь – декабрь 1919. – С. 64–84.
13. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф. Ф. Мартенс. – Изд. четвертое. – СПб. : Тип. А. Бенке, 1894. – Т. I. – 434 с.
14. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гесенном. – СПб. : Н. Г. Мартынов, 1908. – 599 с.
15. Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи / Н. Н. Алексеев // Русский народ и государство. – М. : Аграф, 1998. – С. 386–624.
16. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право / Б. Н. Чичерин. – М. : Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1894. – 758 с.
17. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – СПб. : Рос. импер. Союз-орден : Комплект, 1992. – 680 с.
18. Кокошкин Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву / Ф. Ф. Кокошкин ; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2004. – 312 с.
19. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции Г. Ф. Шершеневича / Г. Ф. Шершеневич. – 2-е изд. – М. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – 163 с.
20. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / Л. Дюги, проф. Бордос. ун-та ; пер. приват-доцентов Моск. ун-та А. Яценко, В. Краснокутского и Б. Сыромятникова ; с предисл. к рус. пер. проф. П. Новгородцева и авт. – М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. – 957 с.
21. Советское государственное право : учеб. для юрид. ин-тов / под общ. ред. А. Я. Вышинского. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. – 652 с.
22. Советское государственное право : учеб. пособие / сост. А. А. Аскеров, Н. Д. Дурманов, М. П. Карева, В. Ф. Коток, И. Д. Левин и И. П. Трайнин. – М. : Юрид. изд-во М-ва юстиции СССР, 1948. – 496 с.
23. Советское государственное право : учеб. для сред. юрид. шк. / отв. ред. проф. С. С. Кравчук. – М. : Госюриздат, 1958. – 311 с.
24. Курс советского государственного права : в 2 т. / под общ. ред. проф. А. И. Лепешкина. – М. : Госюриздат, 1961–1962. – Т. 1. – 1961. – 559 с.; Т. 2. – 1962. – 591 с.
25. Уманский Я. Н. Советское государственное право : учеб. для вузов / Я. Н. Уманский. – М. : Высшая школа, 1970. – 448 с.
26. Курс советского государственного права / под ред. Б. В. Щетинина и А. Н. Горшенева. – М. : Высшая школа, 1971. – 449 с.
27. Советское конституционное право / под ред. С. И. Русиновой и В. А. Рянжина. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975 (1974). – 464 с.
28. Советское государственное право : учеб. для юрид. вузов / под ред. Е. И. Козловой и В. С. Шевцова. – М. : Высшая школа, 1978. – 439 с.
29. Советское государственное право : учеб. / под ред. С. С. Кравчука. – М. : Юридическая литература, 1980. – 632 с.
30. Кокотов А. Н. Конституционное право России : курс лекций / А. Н. Кокотов. – М. : ТК Велби : Проспект, 2006. – 296 с.
31. Конституционное право : акад. курс : в 3 т. / ред. А. И. Казанник, А. Н. Костюков. – М. : Проспект, 2021. – Т. I. – 256 с.
32. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. курс : в 2 т. / С. А. Авакьян. – М. : НОРМА, 2021. – Т. 1. – 864 с.; Т. 2. – 543 с.

33. Мишин А. И. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. / А. И. Мишин. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Белые альвы, 1999. – 456 с.
34. Государственное право зарубежных социалистических стран : учеб. / отв. ред. И. П. Ильинский. – М. : Международные отношения, 1985. – 464 с.
35. Михалева Н. А. Конституционное право зарубежных стран СНГ : учеб. пособие / Н. А. Михалева. – М. : Юрист, 1999. – 352 с.
36. Сапаргалиев Г. Конституционное право Республики Казахстан : акад. курс / Г. Сапаргалиев. – Алматы : Жеті жарғы, 2002. – 528 с.
37. Чудаков М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. пособие / М. Ф. Чудаков. – Минск : Новое знание, 2001. – 576 с.
38. Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. – М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002. – 576 с.
39. Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / В. Н. Хропанюк ; под ред. проф. В. Г. Стрекозова. – М., 1999. – 382 с.
40. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. – 2-е изд., доп. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – 528 с.
41. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева и В. Е. Крутских. – 2-е изд. – М. : ИНФРА-М, 2002. – 704 с.
42. Белякович Е. В. О понятии территории государства / Е. В. Белякович // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 2 (29). – С. 3–10.
43. Иванов Р. Л. Территория и территориальный принцип организации как признаки государства / Р. Л. Иванов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 6–11.
44. Корольков В. В. Федеративные отношения в предмете конституционного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Корольков. – М., 2024. – 34 с.
45. Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы / С. Н. Бабурин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 480 с.
46. Бабурин С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – М. : Магистр : ИНФРА-М, 2010. – 829 с.
47. Балина С. А. Сецессия субъектов Российской Федерации / С. А. Балина // Дневник науки. – 2020. – № 9. – URL: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2020/9/law/Balina.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).
48. Численность и состав населения СССР : стат. сб. – М. : Финансы и статистика, 1985. – 366 с.
49. Ким А. И. Своеобразие государственно-правовой природы РСФСР / А. И. Ким // Советское многонациональное государство (К 60-летию образования СССР) : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск : СЮИ, 1983. – С. 55–64.

REFERENCES

1. Avak'an S.A. *Constitutional law of Russia*, Training course, in 2 volumes, Moscow, Yurist Publ., 2006. Vol. 1. 864 p. (In Russ.).
2. Baglai M.V. *Constitutional law of the Russian Federation*, Textbook, 2nd ed. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 1999. 784 p. (In Russ.).
3. Bobrova N.A. The concept of the constitutional system, the duality of its nature. *Pravo i politika = Law and politics*, 2002, no. 2, pp. 18–24. (In Russ.).
4. Rumyantsev O.G. *Fundamentals of the constitutional system of Russia (concept, content, issues of formation)*. Moscow, Yurist Publ., 1994. 285 p. (In Russ.).
5. Simonov V.A. Sovereignty, in: Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Konstitutsionnoe pravo*, University course, in 2 volumes, Moscow, Prospekt Publ., 2015, Vol. 2, pp. 141–182. (In Russ.).
6. Simonov V.A. Sovereignty: problems of subjects. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 1 (46), pp. 54–68. (In Russ.).

7. Katkov A.D. Sovereignty of the state: the problem of its understanding and the historical development of the principle. *Mezhdunarodnye otnosheniya = International Relations*, 2019, no. 3, pp. 1–14. (In Russ.).
8. Kataeva N.V. Sovereignty as a sign of state power, in: *Kul'tura. Obrazovanie. Pravo*, Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, April 28-29, 2009, Yekaterinburg, 2009, iss. 2, pp. 254–258. (In Russ.).
9. Gradovsky A.D. Society and the State (theoretical essays), in: Gradovsky A.D. *Essays*, St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, pp. 31–185. (In Russ.).
10. Korkunov N.M. *Russian State Law*, Vol. I. Introduction and general part, Third Ed. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Publ., 1899. 573 p. (In Russ.).
11. Engels F. The origin of the family, private property and the state, in: Marx K., Engels F. *Essays*, 2nd ed., Moscow, State Publishing House of the Political Literature, 1961, Vol. 21, pp. 28–178. (In Russ.).
12. Lenin V.I. On the State, in: Lenin V.I. *Full collected works*, 5th ed., Moscow, State Publishing House of the Political Literature, 1963, Vol. 39, pp. 64–84. (In Russ.).
13. Martens F.F. *Modern international law of civilized nations*, Vol. I, Fourth Ed. St. Petersburg, A. Benke Publ., 1894. 434 p. (In Russ.).
14. Jellinek G. *The general doctrine of the state*, 2nd ed. St. Petersburg, N.G. Martynov Publ., 1908. 599 p. (In Russ.).
15. Alekseev N.N. The current state of the science of the state and its immediate tasks, in: *Russkii narod i gosudarstvo*, Moscow, Agraf Publ., 1998, pp. 386–624. (In Russ.).
16. Chicherin B.N. *Course of state science*, Pt. 1. General state law. Moscow, I.N. Kushnerev and Co. Publ., 1894. 758 p. (In Russ.).
17. Tikhomirov L.A. *Monarchic statehood*. St. Petersburg, Russian Imperial Union-Order Publ., Komplekt Publ., 1992. 680 p. (In Russ.).
18. Kokoshkin F.F. *Lectures on general State law*, Ed. and preface by V.A. Tomsinov. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 312 p. (In Russ.).
19. Shershenevich G.F. *The general doctrine of law and the state*, Lectures by G.F. Shershenevich. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1911. 163 p. (In Russ.).
20. Dugi L. *Constitutional law. The general theory of the state*, transl. by A. Yashchenko, V. Krasnokutsky and B. Syromyatnikov, with a preface by Prof. P. Novgorodtsev and author. Moscow, I. D. Sytin Publ., 1908. 957 p. (In Russ.).
21. Vyshinsky A.Ya. (ed.). *Soviet State Law*, Textbook for law institutes. Moscow, Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1938. 652 p. (In Russ.).
22. Askerov A.A., Durmanov N.D., Kareva M.P., Kotok V.F., Levin I.D., Trainin I.P. (comps.). *Soviet State Law*, Textbook. Moscow, Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR, 1948. 496 p. (In Russ.).
23. Kravchuk S.S. (ed.). *Soviet State Law*, Textbook for the medium legal schools. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1958. 311 p. (In Russ.).
24. Lepeshkin A.I. (ed.). *The course of Soviet state law*, in 2 volumes. Moscow, State Legal Publishing House, 1961–1962. Vol. 1. 1961. 559 p. Vol. 2. 1962. 591 p. (In Russ.).
25. Umansky Ya.N. *Soviet State law*, Textbook for universities. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 448 p. (In Russ.).
26. Shchetinin B.V., Gorshenev A.N. (eds.). *The course of Soviet State law*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971. 449 p. (In Russ.).
27. Rusinova S.I., Ryanzhin V.A. (eds.). *Soviet constitutional law*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1975 (1974). 464 p. (In Russ.).
28. Kozlova E.I., Shevtsov V.S. (eds.). *Soviet State Law*, Textbook for law schools. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 439 p. (In Russ.).
29. Kravchuk S.S. (ed.). *Soviet State Law*, Textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 632 p. (In Russ.).
30. Kokotov A.N. *Constitutional law of Russia*, Course of lectures. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2006. 296 p. (In Russ.).

31. Kazannik A.I., Kostyukov A.N. (eds.). *Constitutional law*, Academic course, in 3 volumes. Moscow, Prospekt Publ., 2021. Vol. 1. 256 p. (In Russ.).
32. Avak'an S.A. *Constitutional Law of Russia*, Training course, in 2 volumes. Moscow, NORMA Publ., 2021. Vol. 1. 864 p. Vol. 2. 543 p. (In Russ.).
33. Mishin A.I. *Constitutional (state) law of foreign countries*, Textbook, 6th ed. Moscow, Belye Al'vy Publ., 1999. 456 p. (In Russ.).
34. Il'insky I.P. (ed.). *State law of foreign socialist countries*, Textbook. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1985. 464 p. (In Russ.).
35. Mikhaleva N.A. *Constitutional law of foreign CIS countries*, Textbook. Moscow, Yurist Publ., 1999. 352 p. (In Russ.).
36. Sapargaliev G. *The Constitutional law of the Republic of Kazakhstan*, Academic course. Almaty, Zheti jargy Publ., 2002. 528 p. (In Russ.).
37. Chudakov M.F. *Constitutional (state) law of foreign countries*, Textbook. Minsk, Novoe znanie Publ., 2001. 576 p. (In Russ.).
38. Malakhov V.P., Kazakov V.N. (eds.). *Theory of the state and law*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Yekaterinburg, Delovaya kniga Publ., 2002. 576 p. (In Russ.).
39. Khropanyuk V.N. *Theory of the state and law*, Textbook for higher educational institutions, Ed. by Prof. V.G. Strekozov. Moscow, 1999. 382 p. (In Russ.).
40. Sukharev A.Ya. (ed.). *Legal encyclopedic dictionary*, 2nd ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987. 528 p. (In Russ.).
41. Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. (eds.). *A large legal dictionary*, 2nd ed. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 704 p. (In Russ.).
42. Belyakovich E.V. On the concept of the territory of the state. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Bulletin*, 2006, no. 2 (29), pp. 3–10. (In Russ.).
43. Ivanov R.L. Territory and territorial principle of organization as signs of the state. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series "Law"*, 2016, no. 1 (46), pp. 6–11. (In Russ.).
44. Korol'kov V.V. *Federal relations in the subject of constitutional law*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2024. 34 p. (In Russ.).
45. Baburin S.N. *The territory of the state: legal and geopolitical problems*. Moscow, Moscow University Publ., 1997. 480 p. (In Russ.).
46. Baburin S.N. *The world of empires: the territory of the state and the world order*. Moscow, Magistr Publ., INFRA-M Publ., 2010. 829 p. (In Russ.).
47. Balina S.A. Secession of the subjects of the Russian Federation. *Dnevnik nauki = Diary of Science*, 2020, no. 9, available at: <https://dnevniknauki.ru/images/publications/2020/9/law/Balina.pdf> (accessed January 21, 2021). (In Russ.).
48. *The number and composition of the population of the USSR*, Statistical collection. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1985. 366 p. (In Russ.).
49. Kim A.I. The uniqueness of the state-legal nature of the RSFSR, in: *Sovetskoe mnogonatsional'noe gosudarstvo*, On the 60th anniversary of the formation of the USSR, Interuniversity collection of scientific papers, Sverdlovsk, Sverdlovsk Legal Institute Publ., 1983, pp. 55–64. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонов Владимир Александрович – кандидат юридических наук, действительный член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, доцент кафедры государственного и муниципального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: breis222@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vladimir A. Simonov – PhD in Law, Full member of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture; Associate Professor, Department of State and Municipal Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: breis222@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Симонов В.А. Суверенитет и территория государства в аспекте проблем конституционализма: прошлое и настоящее / В.А. Симонов // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 48–56. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).48-56.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Simonov V.A. Sovereignty and territory of the state in the aspect of the problems of constitutionalism: past and present. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 48–56. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).48-56. (In Russ.).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 5.27 КоАП РФ

М.А. Драчук, Г.Н. Обухова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

27 ноября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Трудовое право,
административная
ответственность,
правонарушение,
административное наказание,
работодатель, работник

Рассматриваются отдельные проблемные вопросы привлечения к административной ответственности в рамках общего состава правонарушения по ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Отмечается, что предмет отрасли трудового права очень подвижен, он уже частично затрагивает и вопросы занятости, и сферу образования, и отдельные аспекты обеспечения национальной безопасности. Следовательно, применение административной ответственности за нарушение указанных норм необходимо организовывать через очень детальное толкование ее распространения на сложные случаи межотраслевого регулирования, затрагивающего сферу труда или отдельные аспекты ее функционирования.

INTERSECTORAL PROBLEMS OF QUALIFICATION OF LABOR LAW VIOLATIONS AS ADMINISTRATIVE OFFENCES IN RUSSIA

Maria A. Drachuk, Galina N. Obukhova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 November 27

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Labor law, administrative
responsibility, offense,
administrative punishment,
employer, employee

The subject. The article discusses certain problematic issues of bringing to administrative responsibility within the framework of the general staff under Article 5.27 of the Russian Code of Administrative Offences for violation of labor legislation. The subject of the branch of labor law is very mobile, it already partially affects issues of employment, education, and certain aspects of ensuring national security. Consequently, the application of administrative responsibility for violations of these norms should be organized by extending it to both obvious violations and complex cases of intersectoral regulation affecting the world of work or certain aspects of its functioning.

The purpose of this work is a comprehensive analysis of a number of norms of the Russian Code of Administrative Offences concerning violations of workers' labor rights, based on the study, analysis and generalization of the scientific base, current legislation and practice of its application. In the process of achieving the goal and solving the tasks set, the general scientific dialectical method of cognition was used, as well as logical, systematic, historical, comparative legal and formal legal methods.

In the course of the study, the authors conclude that it is necessary to regulate in more detail the provisions on administrative responsibility for labor offenses and the legislative changes proposed by the authors, since compliance with and application of these standards directly affects the normal development of the production process and the economy as a whole.

Conclusion. Administrative penalties have a positive impact on law enforcement and contribute to the prevention of labor offenses by employers and their representatives. Restrictions in the field of state control and supervisory activities, which began in 2020 in connection with the pandemic, largely slowed down the development of legislation on administrative responsibility for labor offenses. But the time for change has already come, so labor legislation and legislation on administrative responsibility need to be improved in the very near future.

1. Введение

Трудовое законодательство тесно связано с экономическими процессами, оказывающими непосредственное влияние на уровень благосостояния и социальный климат в обществе, что обуславливает имманентную потребность сферы труда в ее охране и защите со стороны государства. Вовлеченные в общественную организацию труда граждане в силу множества причин нуждаются в различных формах государственной поддержки – от минимально необходимого регуляторного влияния государства на сферу труда и систему образования до многообразных форм социальной защиты и процедурно-процессуального обеспечения основных прав и свобод человека в сфере труда. В силу сказанного метод правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений имеет смешанную природу и предполагает обязательное публично-правовое (императивное) воздействие на отношения, составляющие в настоящее время предмет отрасли трудового права [1], в целях разумного и соразмерного ограничения частно-правовой управленческой свободы работодателя, что отражает историческое развитие отрасли, ее парадигму, которая как раз проявляется в особенностях метода правового регулирования, принципах, задачах, функциях, источниках отрасли, правосознании и правоприменительной деятельности [2, с. 472–473], его социальной (защитной) направленности [2, с. 462]. Конституция РФ¹ определила, что среди социальных благ, охраняемых государством, находится труд (ст. 37). Государством гарантируется уважение человека труда, создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан (ст. 75.1). В целях реализации государственной политики в сфере труда для обеспечения соблюдения положений трудового законодательства, иных нормативных правовых актов, регулирующих трудовые отношения, помимо регуляторного воздействия на общественные отношения в настоящее время предусмотрена практически сплошная административная ответственность работодателей за нарушения предоставленных работникам трудовых прав. Таким образом обеспечивается необходимый баланс между тру-

довыми правами и потребностями экономики [3]. Также необходимый баланс между интересами работников, работодателей и государства обеспечивает контрольно-надзорная деятельность, нацеленная на выявление правонарушений и информирование субъектов трудовых отношений относительно их прав и обязанностей.

Каждая отрасль права имеет свой предмет правового регулирования, соответствующий метод и производную от них отраслевую ответственность субъектов. Именно по этим критериям все отрасли права обособляются и существуют в системе права [4, с. 314]. При этом, как верно отмечал Ю.М. Козлов, ни одна правовая отрасль не существует в чистом виде [5, с. 17]. Статья 419 Трудового кодекса (далее – ТК) РФ² определяет, что в число видов юридической ответственности за нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, входят уголовная и административная ответственность, которые не регулируются непосредственно самим ТК РФ. Тем самым право демонстрирует свой системный характер и довольно условное деление на отдельные самостоятельные отрасли права (законодательства), и право действует эффективно лишь в тех случаях, когда все его отрасли участвуют в регулировании той или иной группы общественных отношений [6, с. 6].

Самостоятельная отраслевая трудовая ответственность работодателей и их представителей имеет частно-правовой характер и видится скорее как способ защиты нарушенных прав работников, но создание механизма публично-правовой защиты при наличии административной ответственности войдет в противоречие с принципом нормативной экономии – важнейшим правилом законодательной техники [7, с. 21]. Как итог сказанному, законодатель сформировал отсылочную норму об ответственности работодателей и их представителей, связав ненадлежащее применение норм трудового права с административными наказаниями. Однако с 30 декабря 2001 г. – даты одновременного принятия ТК РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)³ – прошло довольно долгое время, за которое системное регулирование и применение норм

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

указанных отраслей права по вопросам защиты трудовых прав приобрело некоторую правовую неопределенность и даже дефектность в некоторых межотраслевых логических конструкциях, на чем хотелось бы остановиться более подробно и предложить пути решения поднимаемых проблем.

2. Общая характеристика состава ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ

Работодатель в трудовых отношениях играет определяющую роль, выступая организатором производства, поскольку он непосредственно создает рабочие места и конкретизирует объем права и обязанностей работников. В этой связи собственные права и обязанности работодателя, формирующие его юридический статус, частично носят публичный характер вне зависимости от сферы деятельности работодателя, его формы собственности и численности его работников.

Кроме того, А.Ф. Ноздрачев еще в 1999 г. верно заметил, что в экономике имеется потребность наращивания управленческого потенциала, в частности в сфере контроля по соблюдению трудового законодательства [8, с. 96]. С изменением политической ситуации в стране, определением сфер экономики и конкретных организаций, обеспечивающих обороноспособность государства, безопасность жизнедеятельности населения, реализацию конституционных прав и свобод, усиление публично-правовых начал в управлении сферой труда стало насущной необходимостью.

К наиболее частым нарушениям норм трудового законодательства со стороны работодателей можно отнести: неполноту условий трудового договора, их несоответствие закону или неоформление трудового договора вовсе; неознакомление работников под подпись с локальными нормативными актами работодателя (ст. 22, 68 ТК РФ); неправомерные переводы на другую работу, необоснованные увольнения (ст. 72.1, 72.2, 77, 79, 80, 83 ТК РФ), незаконность приказа (распоряжения) о прекращении (расторжении) трудового договора (ст. 84.1 ТК РФ); отсутствие письменных согласий работников на увеличение объема работ или расширение зон обслуживания (ст. 60.2 ТК РФ); отсутствие письменных согласий на привлечение к работе в выходные и нерабочие праздничные дни (ст. 113, 153 ТК РФ); нарушение продолжительности

работы (ст. 91 ТК РФ, ст. 99 ТК РФ); действия, нарушающие некоторые специальные права и гарантии, предоставленные отдельным категориям работников (несовершеннолетним, инвалидам, беременным женщинам и т. д.) и пр.

Административное правонарушение по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ может быть совершено в форме как действия (например, незаконный перевод на другую работу), так и бездействия (например, невыплата или задержка выплаты зарплаты). Как следствие, законодатель счел целесообразным закрепить общее административное правонарушение работодателей и их представителей в ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ как нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, если иное не предусмотрено ч. 3, 4 и 6 ст. 5.27 и ст. 5.27.1 КоАП РФ. Это генеральный (общий) состав правонарушения работодателя, выражающийся в любом неисполнении либо ненадлежащем исполнении им требований норм трудового права. Вопрос – каких именно.

В соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 (далее – ПП ВС РФ № 45)⁴ источники (формы) трудового права, содержащие в себе нормы, за нарушение которых может последовать наказание по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, даны со ссылкой на ст. 5 и 11 ТК РФ: это ТК РФ, иные федеральные и региональные законы, содержащие нормы трудового права, указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Но здесь уже, собственно, возникают первые вопросы.

Из содержания ст. 5 ТК РФ понятно, почему к актам трудового законодательства не относится Конституция РФ – в силу ее общего, а не отраслевого характера. Но зато непонятно, куда из системы источников (форм) трудового права пропали локальные нормативные акты работодателя, нарушения которых имеют место довольно часто. В ч. 2 ст. 5 ТК РФ коллективные договоры, соглашения и локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, среди нормативных регуляторов в сфере труда упомянуты. И если за нарушение или невыполнение рабо-

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с наруше-

нием трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 3.

тодателем или лицом, его представляющим, обязательств по коллективному договору, соглашению, ответственность установлена в КоАП РФ специальным составом ст. 5.31, правда, с явно требующей обновления санкцией «предупреждение или наложение административного штрафа в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей», локальные нормативные акты КоАП РФ явно упустил из виду.

В п. 3 ПП ВС РФ № 45 (абзац третий) отмечается, что при разрешении дел об административных правонарушениях подлежат применению общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, а также коллективные договоры, соглашения и принятые во исполнение положений законов и иных нормативных правовых актов локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права. Очевидно, что формулировка «при разрешении» указывает скорее на процедуру, нежели на квалификацию. Если работодателем нарушены его же собственные локальные нормы, например о выплате работникам стажевой надбавки или о предоставлении им дополнительных дней отдыха, локальный нормативный акт об этих дополнительных правах работников к разрешению дела о допущенном работодателем нарушении применен быть не может. Разрешение дела – это КоАП РФ.

Не меньшее удивление вызывает позиция высшей судебной инстанции относительно того, что локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, будут применяться при разрешении дел об административных правонарушениях, если они «приняты во исполнение положений законов и иных нормативных правовых актов». В соответствии с ч. 1 ст. 8 ТК РФ работодатели принимают локальные нормативные акты в пределах своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями. Эта самая компетенция определена ТК РФ как обязанность работодателя (причем не любого!) принять отдельные локальные нормативные акты (ст. 309.2 ТК РФ) без ограничений в том, чтобы дополнить указанный перечень каким-то иным документом, необходимым для деятельности работодателя. Более того, в самой системе локальных актов работодателя присутствует значительная правовая неопределенность, к примеру, в части того, один или два локальных акта принимаются по вопросу оплаты труда и премирования, обязательен ли локальный акт об обработке персо-

нальных данных работников, можно ли этот вопрос и ряд других, в том числе, например, о том же премировании, включить в содержание правил внутреннего трудового распорядка, и т. п. [9]. При этом согласно позиции п. 3 ПП ВС РФ № 45 все случаи принятия локального нормативного акта в целях восполнения пробела в нормативном регулировании либо при его принятии на основании не нормы закона, а положения коллективного договора, в принципе находятся вне состава ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ.

Предлагается внести изменения в п. 3 ПП ВС РФ № 45 в виде указания на то, что в случае, если работодателем нарушаются локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, принятые работодателем в пределах его компетенции, такое нарушение образует состав правонарушения по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ при условии соответствия данных документов требованиям, предъявляемым к их форме, содержанию, порядку принятия. Сюда можно было бы также добавить и коллективные договоры / соглашения, поскольку особой разницы между нормой коллективного договора и нормой иного локального акта работодателя для работника нет. Однако тогда состав ст. 5.31 КоАП РФ нужно будет упразднить, тем более что он уже в значительной мере устарел и не обеспечивает должной правовой защиты от указанных в нем правонарушений.

3. О соотношении ч. 1 ст. 5.27 КоАП и ст. 5.27.1, 5.62 КоАП РФ

Еще одно уточнение, содержащееся в п. 3 ПП ВС РФ № 45 (абзац второй), заключается в том, что нарушения государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации, влекут административную ответственность не по ч. 1 ст. 5.27, а по ст. 5.27.1 КоАП РФ (без применения генерального состава).

При этом по ч. 2 ст. 212 ТК РФ государственные нормативные требования охраны труда могут содержаться в федеральных и региональных законах, постановлениях Правительства РФ, нормативных правовых актах Минтруда России и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации соответствующей компетенции. По ч. 4 ст. 212 ТК РФ Минтруд России утверждает правила по охране труда, а также иные нормативные правовые акты, содержащие государственные нормативные требования охраны труда, а также единые типовые нормы бесплатной выдачи работникам средств индивидуальной защиты.

Таким образом, вне составов ст. 5.27.1 КоАП РФ находятся нарушения государственных нормативных требований охраны труда, содержащихся в законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Возникает вопрос: при отсутствии в законе субъекта федерации об административной ответственности специального состава об ответственности за нарушения региональных нормативных требований охраны труда может ли быть применена ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ? И как следует разрешать вопрос конкуренции таких составов при наличии регионального регулирования? Видимо, эта проблема должна решаться по аналогии с похожими разъяснениями ПП ВС РФ № 45 по принципу конкуренции общей и специальной нормы, хотя такую конкуренцию должен был бы исключить именно федеральный законодатель, указав, к примеру, в ст. 5.27 КоАП РФ (например, в виде примечания) на то, как действуют ее положения при наличии региональных составов. Как вариант, может быть прямо изменена диспозиция ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, а именно: «Нарушение трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, если иное не предусмотрено частями 3, 4 и 6 настоящей статьи, статьями 5.27.1– 5.34 настоящего Кодекса либо законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях...»

Также по ч. 11 ст. 209 ТК РФ требования охраны труда подразделяются на государственные нормативные требования охраны труда и требования охраны труда, установленные локальными нормативными актами работодателя, в том числе правилами (стандартами) организации и инструкциями по охране труда. Следовательно, есть проблема и в том, квалифицировать ли вообще как административное правонарушение, и если да, то как именно, нарушение локальных норм по охране труда.

Исходя из принципов данного института и его ярко выраженного публично-правового характера, охрана труда в целом не тяготеет к локальному регулированию, но раз уж законодатель усмотрел в данных отношениях что-то, требующее локального регулирования, следует сделать наказуемыми и соответствующие нарушения. Поскольку нормы ст. 5.27.1 КоАП РФ в силу прямого указания ПП ВС РФ № 45 носят специальный характер, нарушения всех локальных нормативных актов независимо от их содержания можно рассматривать как элемент объективной стороны состава ст. 5.27 КоАП РФ. Сообразно этому необходимо принять решение о судьбе ч. 2 ст. 5.31

КоАП РФ – это нарушение или невыполнение работодателем или лицом, его представляющим, обязательств по коллективному договору, соглашению в части, касающейся охраны труда работников, занятых на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, в том числе на подземных работах. Коллективный договор такие вопросы регулирует только в одном случае – если улучшает положение работников в сфере охраны труда. Дублирование положений трудового права об охране труда в коллективном договоре – это ст. 5.27.1 КоАП РФ, так как норма закона, процитированная в коллективном договоре, положением последнего не становится.

Тем не менее во избежание столь сложной квалификации, в силу значимости охраны труда для обеспечения достойного труда работника и по причине многократных повторов одних и тех же положений в трудовом законодательстве, отраслевых правилах по охране труда и локальных инструкциях по охране труда и технике безопасности предлагается как в ст. 5.27.1 КоАП РФ, так и в п. 3 ПП ВС РФ № 45 исключить слова «государственные» и «нормативные» применительно к требованиям охраны труда и привести определение нарушения, квалифицируемого по ст. 5.27.1 КоАП РФ, в соответствие с понятием ст. 209 ТК РФ «требования охраны труда».

Еще одна проблема применения ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ – это соотношение данного состава со ст. 5.62 КоАП РФ «Дискриминация».

В соответствии с диспозицией ст. 5.62 КоАП РФ как дискриминация квалифицируется нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от не имеющих рационального объяснения и потому несостоятельных и незаконных причин. Среди таких дискриминационных оснований названы пол, национальность, семейное и должностное положение, возраст, принадлежность к общественным объединениям (например, профсоюзу), что имеет прямое отношение к довольно распространенным нарушениям прав работников. Можно было бы ограничиться общим указанием на специальный характер ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ по отношению к общей норме ст. 5.62 КоАП РФ, так как большое число случаев нарушения трудовых прав сами работники, а подчас и суды смешивают с понятием «дискриминация», называя, к примеру, этим термином неначисление премий, дисциплинарные взыскания, увольнения, в том числе по причине преклонного возраста, отказ в переводе, в продлении отношений по срочному трудовому договору и т. п. Однако есть и свои «но». Прежде всего, в ст. 5.62 КоАП РФ существенно

выше размер наказания для юридического лица (правда, по неясным причинам среди потенциальных нарушителей необоснованно не указаны ни предприниматель, ни должностное лицо). Считать в этой связи дискриминацию в сфере труда менее тяжким правонарушением точно неправильно. Также есть и системная отраслевая норма ст. 391 ТК РФ (ч. 3, абзацы 1 и 4), где отдельно сформулирована исключительная судебная компетенция по индивидуальному трудовому спору лица, которое считает, что оно подверглось дискриминации. То есть установление факта дискриминации в трудовых или связанных с ними отношениях существует и должно применяться как самостоятельный способ защиты нарушенных трудовых прав. При этом определение дискриминации в сфере труда (ст. 3 ТК РФ) идентично определению ст. 5.62 КоАП РФ с учетом отраслевой конкретизации, поскольку оба этих понятия изложены в соответствии со ст. 19 Конституции РФ.

Представляется, что в ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ необходимо добавить в качестве состава-исключения также ст. 5.62 КоАП РФ, а в саму ст. 5.62 КоАП РФ (в санкцию статьи) – указание на должностных лиц и лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, с определением меры их наказания в системе с имеющимися в норме.

4. Проблемы применения состава ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ

Непростым вопросом для применения ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ остается и то, какие всё же правовые акты относятся к содержащим нормы трудового права, хотя на первый взгляд здесь особых проблем быть не должно. Содержание ст. 5 ТК РФ никакой ясности не вносит, поскольку использует оборот «содержащие нормы трудового права» по отношению к ряду нормативных источников не только органов специальной компетенции (например, Минтруда России), но и для органов общей компетенции. Но как понять, имеют ли отношение к сфере труда, например, указы Президента РФ или постановления Правительства РФ, в которых наряду с вопросами, основанными на ТК РФ, изложены и другие, например в отношении режима в период пандемии, в отношении иностранных граждан, по вопросам персональных данных, занятости, рынка труда и т. п. Очень

показательны в этом аспекте федеральные законы от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»⁵ и от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»⁶. Первый – это акт корпоративной природы, профсоюзные организации создаются не по нормам трудового права, но обеспечивают право работников на объединение для защиты своих интересов. Второй – сфера социального страхования, но ст. 14.1 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством»⁷ при этом касается порядка назначения, исчисления и оплаты первых трех дней временной нетрудоспособности работника за счет средств работодателя. Формирует нарушение этой статьи состав ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ? Очевидно, что да, но, к сожалению, ПП ВС РФ № 45 ответов на такие вопросы уже не дает, и потому ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ может иметь очень противоречивую практику ее применения.

Обобщая сказанное, объектом административного правонарушения, указанного в ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, следует считать трудовые права и свободы, в том числе право на труд, право на отдых, обеспечение прав и возможностей работников, право на объединение и другие права, гарантируемые трудовым законодательством [10, с. 58]. Под действие ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ могут попадать самые разнообразные нарушения (действия и бездействие), но прежде всего те, которые влекут нарушение трудовых прав работников в рамках заключенного ими трудового договора. При этом нельзя не отметить, что латентность правонарушений в сфере труда достаточно высока, и потому традиционно показатели правонарушений определяются на основе анализа статистики, которые не содержат полных данных о реальной действительности. Чаще всего за пределами статистики остаются сведения, касающиеся латентной части этого социального явления [11, с. 140].

Совершенные работодателями правонарушения считаются оконченными с момента совершения любого из наказуемых по ст. 5.27 КоАП РФ действий (или бездействия – с момента истечения установленного законом срока для выполнения соответствующего

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 148.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3803.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 18.

щей обязанности или полномочия) [12] – об этом также говорит ПП ВС РФ № 45.

Субъектами правонарушения в ст. 5.27 КоАП РФ признаются юридические лица (организации, учреждения независимо от организационно-правовой формы и формы собственности), должностные лица и лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; граждане упоминаются только как субъекты такого деяния, как фактическое допущение к работе лицом, не уполномоченным на это работодателем. Однако работодателями по ТК РФ могут выступать не только юридические лица и предприниматели, но и иные лица (например, частные нотариусы, граждане, которые используют труд домработницы, няни, шофера и т. д.).

Вопрос о трудовом статусе нотариусов и адвокатов в качестве работодателей в науке трудового права поднимался неоднократно [13]. Нотариус или адвокат, занимающийся частной практикой, вправе иметь контору или кабинет, открывать в любом банке расчетный и другие счета, следовательно, он может нанимать и увольнять работников, если они необходимы ему для обеспечения его деятельности, например принимать на работу уборщиц, помощников, технических секретарей, бухгалтеров и др. [14]. ТК РФ в ст. 20 приравнял частных нотариусов и адвокатов, учредивших адвокатские кабинеты, к предпринимателям, но, как указано в этой статье, «для целей настоящего Кодекса». Применяя ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ, можно теоретически попробовать обосновать, что, нарушая ТК РФ, эти субъекты действуют идентично предпринимателям, но хотелось бы все-таки увидеть соответствующие изменения в КоАП РФ (в ст. 5.27, иные составы, основанные на нарушениях норм трудового права, либо в примечаниях к ст. 2.4 или 5.27 КоАП РФ по аналогии со ст. 13.14 КоАП РФ, где сказано, что адвокаты, совершившие административное правонарушение, предусмотренное настоящей статьей, несут административную ответственность как должностные лица).

Кроме того, если гражданин-работодатель является недееспособным и в его интересах трудовой договор заключает его представитель (например, с соцработником), необходимо принять решение об ответственности и такого субъекта при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния.

Некоторые авторы предлагают также отказаться от административной ответственности органов публичной власти в пользу ответственности их должностных лиц, допуская при этом большую ее строгость (а

органы власти также могут быть работодателями, так как там работают не только служащие). Свою позицию авторы обосновывают тем, что государственные и муниципальные органы платят административные штрафы в бюджет и тратят на это деньги того же бюджета [15; 16], что ставит под сомнение экономический и социальный смысл подобных наказаний. Этот вопрос также требует проработки.

Согласно ст. 2.2 КоАП РФ субъективная сторона административных правонарушений характеризуется умышленной формой вины (прямым умыслом) или неосторожностью, хотя у юридического лица дифференцировать вину в виде умысла или неосторожности достаточно затруднительно [17]. Хотелось бы обратить внимание на то, что по ст. 5.27 КоАП РФ работодатели совершают проступок и по неосторожности, и умышленно, но совершение правонарушения по неосторожности должно расцениваться государственными органами как основание для назначения менее строгого наказания в пределах, установленных санкцией конкретной правовой нормы [18, с. 98].

Если говорить о целях осуществления государственного контроля, то одной из них можно назвать предупреждение, выявление и пресечение нарушений, совершаемых индивидуальными предпринимателями, юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами в сфере труда [19, с. 183], которых с учетом диспозиции ст. 5.27 КоАП РФ можно выявить в ходе одной проверки несколько и считать это разными нарушениями. Однако необходимо также соблюдать ст. 4.1.1 КоАП РФ, согласно которой ряду работодателей сферы малого и среднего бизнеса административное наказание в виде административного штрафа подлежит замене на предупреждение при отсутствии тяжких последствий от правонарушения, несмотря на то, что в показателе эффективной работы контрольно-надзорных органов включена собираемость административных штрафов, которые были применены в качестве наказания по результатам проверок. Такая практика вряд ли может считаться соответствующей целям и задачам административной ответственности в сфере трудовых отношений.

5. Заключение

Необходимо отметить, что, несмотря на все дефекты правового регулирования, о которых шла речь выше, в Российской Федерации достаточно полно и эффективно гарантируются защита достоинства граждан и проявляется уважение к человеческому труду. Баланс интересов работников и работодателей в сфере труда предполагает своевременное и

эффективное реагирование со стороны государства на нарушения их прав или угрозу таких нарушений.

Трудовая деятельность в человеческом обществе хоть и проецируется в частных интересах, но носит общественный характер. Участники совместного труда должны координировать свои действия для достижения намеченных целей. В силу этого квалифицированное знание и применение норм трудового законодательства в процессе привлечения работодателя к административной ответственности бу-

дет являться одним из факторов улучшения общего состояния правопорядка [20, с. 19].

Ограничения в сфере государственной контрольно-надзорной деятельности, начавшиеся в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19, во многом затормозили развитие законодательства об административной ответственности. Но время перемен сегодня уже наступило, поэтому необходимо совершенствовать трудовое законодательство и законодательство об административной ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева Ю. В. Отношения, входящие в предмет трудового права: современное состояние и необходимость изменений / Ю. В. Васильева, М. А. Драчук // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – Вып. 4 (66). – С. 625–644. – DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-625-644.
2. Васильева Ю. В. К вопросу о становлении и современном состоянии парадигм российского трудового права и права социального обеспечения / Ю. В. Васильева, С. В. Шуралева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 41. – С. 454–477. – DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477.
3. Гришковец А. А. Административная ответственность за правонарушения в сфере трудовых отношений в свете предстоящего принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / А. А. Гришковец // Административное право и процесс. – 2020. – № 10. – С. 32–37.
4. Матузов Н. И. Теория государства и права : учеб. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 3-е изд. – М. : Дело, 2009. – 528 с.
5. Козлов М. Ю. Административное право : учеб. / М. Ю. Козлов. – М. : Юристъ, 1999. – 320 с.
6. Яковлев В. Ф. О системном применении права / В. Ф. Яковлев // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2007. – № 3. – С. 4–10.
7. Надеев Р. Законотворческие ошибки / Р. Надеев // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 20–22.
8. Ноздрачев А. Ф. Содержание института административно-правового регулирования экономических отношений / А. Ф. Ноздрачев // Институты административного права. – М., 1999. – С. 94–99.
9. Драчук М. А. Компетенция работодателя по вопросу принятия локальных нормативных актов / М. А. Драчук // Ежегодник трудового права. – 2022. – Вып. 12. – С. 92–107. – DOI: 10.21638/spbu32.2022.108.
10. Административное право : учеб. / под ред. Л. Л. Попова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 703 с.
11. Пшизова Е. Н. Некоторые вопросы административной ответственности работодателя за нарушение норм трудового законодательства в свете последних изменений КоАП РФ / Е. Н. Пшизова // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 7, № 12. – С. 140–143.
12. Россинский Б. В. Административная ответственность в сфере трудовых отношений : избр. / Б. В. Россинский. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2016. – 592 с.
13. Драчук М. А. Субъекты трудового права / М. А. Драчук. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2009. – 336 с.
14. Саликова Н. М. Особенности трудового статуса нотариуса / Н. М. Саликова, Е. М. Батухтина // Юридическая профессия: адвокатура, нотариат, прокуратура. – 2018. – № 5. – С. 31–37.
15. Виноцкий А. В. О необходимости законодательного закрепления института юридических лиц публичного права / А. В. Виноцкий // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 81–90.
16. Панов А. Б. Административная ответственность юридических лиц : моногр. / А. Б. Панов. – М. : Норма, 2013. – 192 с.
17. Князев С. Д. Административно-деликтный закон в конституционных перспективах кодификации / С. Д. Князев, К. В. Арановский, Ю. М. Данилов // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 123–138. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).123-138.
18. Осинцев Д. В. Административная ответственность : учеб. для бакалавриата и магистратуры / Д. В. Осинцев. – М. : Юрайт, 2019. – 399 с.

19. Носова Ю. Б. Административная ответственность за нарушения трудового законодательства: постановка вопроса о необходимости защиты работодателей / Ю. Б. Носова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – № 4. – С. 183–192.

20. Обухова Г. Н. Порядок привлечения работника к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих трудовых обязанностей : моногр. / Г. Н. Обухова. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. – 172 с.

REFERENCES

1. Vasilyeva Yu.V., Drachuk M.A. Relations included in the subject of labor law: the current state and the need for changes. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2024, no. 4 (66), pp. 625–644. DOI: 10.17072/1995-4190-2024-66-625-644. (In Russ.).

2. Vasilyeva Yu.V., Shuraleva S.V. On the formation and current status of the paradigms of russian labor law and social security law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2018, iss. 41, pp. 454–477. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-454-477.

3. Grishkovets A.A. Administrative liability for offenses related to labor relations in view of the coming adoption of a new Administrative Offense Code of the Russian Federation. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2020, no. 10, pp. 32–37. (In Russ.).

4. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Theory of the state and law*, Textbook, 3rd ed. Moscow, Delo Publ., 2009. 528 p. (In Russ.).

5. Kozlov M.Yu. *Administrative law*, Textbook. Moscow, Yurist Publ., 1999. 320 p. (In Russ.).

6. Yakovlev V.F. On the systematic application of law. *Vestnik Vyshego Arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii*, 2007, no. 3, pp. 4–10. (In Russ.).

7. Nadeev R. Legislative mistakes. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2001, no. 5, pp. 20–22. (In Russ.).

8. Nozdrachev A.F. The content of the Institute of Administrative and Legal regulation of Economic relations, in: *Instituty administrativnogo prava*, Moscow, 1999, pp. 94–99. (In Russ.).

9. Drachuk M.A. Competence of the employer on the issue of adoption of local regulations. *Ezhegodnik trudovogo prava*, 2022, no. 12, pp. 92–107. DOI: 10.21638/spbu32.2022.108. (In Russ.).

10. Popov L.L. (ed.). *Administrative law*, Textbook, 2nd ed. Moscow, Yurist Publ., 2005. 703 p. (In Russ.).

11. Pshizova E.N. Some issues of administrative responsibility of the employer for violation of labor legislation in the light of recent amendments to the Administrative Code of the Russian Federation. *Uspekhi sovremennoi nauki*, 2016, vol. 7, no. 12, pp. 140–143. (In Russ.).

12. Rossinsky B.V. *Administrative responsibility in the field of labor relations*, Selected works. Moscow, NORMA Publ., INFRA-M Publ., 2016. 592 p. (In Russ.).

13. Drachuk M.A. *Subjects of labor law*, Monograph. Omsk, Omsk State University Publ., 2009. 336 p. (In Russ.).

14. Salikova N., Batukhtina E. Peculiarities of a notary's labor law status. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka = Russian Law: Education, Practice, Researches*, 2018, no. 5, pp. 31–37. (In Russ.).

15. Vinnizky A.V. On necessity of legislative fixation of institute of public-law legal persons. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2011, no. 5, pp. 81–90. (In Russ.).

16. Panov A.B. *Administrative responsibility of legal entities*, Monograph. Moscow, Norma Publ., 2013. 192 p. (In Russ.).

17. Knyazev S.D., Aranovskiy K.V., Danilov Yu.M. Administrative offences law (constitutional prospects of codification). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 123–138. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(3).123-138.

18. Osintsev D.V. *Administrative responsibility*, Textbook. Moscow, Yurait Publ., 2019. 399 p. (In Russ.).

19. Nosova Yu.B. Administrative responsibility for violations of labor legislation: raising the question of the need to employers' protecting. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State Universiti. Series Law*, 2017, no. 4, pp. 183–192. (In Russ.).

20. Obukhova G.N. *The procedure for holding an employee accountable for non-fulfillment or improper fulfillment of their work duties*, Monograph. Omsk, Omsk State University Publ., 2018. 172 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Драчук Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового и социального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: maria.omsu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3137-565X
ResearcherID: LRB-3796-2024
SPIN-код РИНЦ: 8042-8310; AuthorID: 314506

Обухова Галина Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и социального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: Galnikem@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1384-6043
SPIN-код РИНЦ: 5977-8324; AuthorID: 778128

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Драчук М.А. Межотраслевые проблемы квалификации правонарушений при привлечении к административной ответственности по части 1 статьи 5.27 КоАП РФ / М.А. Драчук, Г.Н. Обухова // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 57–66. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).57-66.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Maria A. Drachuk – PhD in Law, Associate Professor, Head, Department of Labor and Social Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: maria.omsu@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3137-565X
ResearcherID: LRB-3796-2024
RSCI SPIN-code: 8042-8310; AuthorID: 314506

Galina N. Obukhova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Labor and Social Law Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: Galnikem@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1384-6043
RSCI SPIN-code: 5977-8324; AuthorID: 778128

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Drachuk M.A., Obukhova G.N. Intersectoral problems of qualification of labor law violations as administrative offences in Russia. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 57–66. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).57-66. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.9

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(2).67-76

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ЦЕНА ПРЕСТУПНОСТИ

М.П. Клейменов¹, И.М. Клейменов²

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

21 сентября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Преступность, социальные последствия, цена преступности, виды последствий преступности, криминализация

Утверждается, что социальные последствия преступности целесообразно рассматривать в двух аспектах: статическом и динамическом. В статическом плане социальные последствия преступности дифференцируются на медицинские, демографические, социально-психологические, экологические, биологические, культурологические, юридические, политические и экономические. Экономические последствия имеют стоимостное выражение, поэтому они и есть цена преступности. Динамический аспект социальных последствий преступности познаётся через феномен криминализации общественных отношений, конечным итогом которой является тотальное разрушение государства. Делается вывод, что в настоящее время наиболее актуально изучение экономических последствий преступности, что и является ее измеряемой ценой.

SOCIAL CONSEQUENCES AND THE COST OF CRIME

Mikhail P. Kleymenov¹, Ivan M. Kleymenov²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 September 21

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Crime, social consequences, the cost of crime, types of consequences of crime, criminalization

The subject. The social consequences and the price of crime are a little-studied problem in the domestic science of criminology. Meanwhile, her research is of great theoretical and practical importance. From a theoretical point of view, it is important to identify and characterize possible types of harm in all spheres of public relations without exception. This will expand the scientific boundaries of criminology. In practical terms, a description of the economic parameters of the consequences of crime is necessary to determine the real budget of the bodies directly and indirectly involved in countering criminal activity.

The purpose of the article is to outline the contours of a monographic in-depth study of the social consequences and the price of crime.

Methodology. Dialectical and systematic approaches, analysis, synthesis, induction, deduction, sociological, statistical and comparative methods are used.

Main results and conclusions. It is advisable to consider the social consequences of crime in two aspects: static and dynamic. They stand out statically, medical, demographic, socio-psychological, environmental, biological, cultural, legal, political and economic consequences of crime. Economic consequences have a value expression, so they are the price of crime. The dynamic aspect of the social consequences of crime is recognized through the phenomenon of criminalization of public relations, the final result of which is the total destruction of the state. It is concluded that currently the most relevant is the study of the economic consequences of crime, which is its measurable price. Artificial intelligence and Big Data should be used for this.

1. Введение

Социальные последствия и цена преступности представляют собой малоизученную в отечественной науке криминологии проблему. Свидетельство тому – небольшое количество публикаций по данной теме за 50-летний период (см. напр.: [1–13]). Между тем ее исследование представляет большое теоретическое и практическое значение. С теоретической точки зрения важно осуществить своеобразную каталогизацию – установить и охарактеризовать возможные виды вреда во всех без исключения сферах общественных отношений. Это позволит расширить научные границы криминологии. В практическом плане описание экономических параметров последствий преступности необходимо для определения реального бюджета органов, непосредственно и опосредованно принимающих участие в противодействии преступной деятельности.

2. Методология исследования

В рамках настоящего исследования использованы диалектический и системный подходы, анализ, синтез, индукция, дедукция, социологический и сравнительный методы.

Социальные последствия преступности – это совокупный вред, который она причиняет общественным отношениям [14, с. 735]. Их целесообразно рассматривать в двух аспектах: статическом и динамическом.

3. Статический аспект

Статический аспект генетически связан с последствиями преступления. Содержание социальных последствий преступности представляет собой совокупный обобщенный негативный результат, образуемый в результате совершения множества конкретных преступлений. При этом констатируется наличие особенностей последствий преступления и последствий преступности [15]. Последствия преступности не только масштабнее, но и в соответствии с законом перехода количества в качество они зачастую меняют свою природу: например, психологические последствия становятся социально-психологическими. Кроме того, последствия преступности включают в себя тот вред, который частично охватывается сферами иных отраслей права: административного, гражданского, экологического, финансового, земельного, трудового и др. Речь в данном случае идет о тех лакунах в этих отраслях права, которые

недостаточно или неэффективно урегулированы, чем пользуются преступники. Они привычно нарушают не только нормы уголовного права. Для членов преступного сообщества не имеет значения, какое законодательство нарушать, лишь бы получать выгоду. Наконец, социальные последствия преступности относятся к различным сторонам общественной жизни. Последствия преступности поэтому и называются социальными, что проявляются они не только в сферах права, но и в любой области существующих социальных отношений.

В статическом плане социальные последствия преступности обычно дифференцируют по ее видам: последствия преступности насильственной, корыстной, должностной, коррупционной, экономической, организованной и др. Следует обратить внимание на то, что внимательному анализу подверглись только социальные последствия насильственной преступности [16]. Социальные последствия других видов преступности рассматривались в соответствующих исследованиях фрагментарно и по большому счету еще ждут своего специального изучения [17–20]. Л.В. Кондратьев и В.С. Овчинский рассматривают социальные последствия преступности с позиций разработанной ими концепции типов преступного поведения: криминальной агрессии, экспансии и обмана [21, с. 228–256]. Дифференциацию социальных последствий преступности можно осуществлять и по другим основаниям, например их тяжести или степени необратимости. Учитывая характер преступных последствий, логично их рассматривать в контексте различных общественных отношений, выделяя следующие их виды.

3.1. Медицинские последствия преступности.

В первую очередь, они имеют отношение к жизни и здоровью населения России. По данным статистики МВД РФ, в 2023 г. совершено 7 446 убийств (с покушениями), 16 685 случаев причинения тяжкого вреда здоровью, 3 096 изнасилований. В дорожно-транспортных происшествиях погибло 14 504 чел., 166 500 было ранено¹. Следует также иметь в виду статистику несчастных случаев на производстве, поскольку чаще всего они связаны с нарушением техники безопасности. В 2023 г. Роструд зафиксировал 5 982 таких случаев, в результате которых погибло 1 609 работников². Количество медицинских последствий пополняют ситуации распространения инфек-

¹ Статистика и аналитика. URL: <https://мвд.рф>dejatelnost/statistics> (дата обращения: 03.09.2024).

² Статистика несчастных случаев на производстве. URL: <https://охранатруда.ru>news/898/598393/> (дата обращения: 03.09.2024).

Таблица 1

**Число преступлений в России,
связанных с иностранцами и лицами без гражданства,
в 2019–2023 гг.**

Преступления совершены	Годы				
	2019	2020	2021	2022	2023
Иностранцами	34 917	34 400	36 420	40 154	38 936
Гражданами СНГ	31 010	30 835	28 520	32 937	32 508
В отношении иностранцев	16 810	15 981	15 961	16 082	14 090

Примечание. Составлено по данным официального сайта МВД России.

ционных заболевания, эпидемий, пандемий и эпизоотий. В контексте медицинских последствий следует учесть также психиатрические последствия преступности, которые в особенности характерны для ранее судимых участников специальной военной операции на территории Украины. По данным Минздрава России, всего по стране за 2023 г. зарегистрировано 3,9 млн россиян с психическими заболеваниями³. К медицинским последствиям преступности относится и наркотизация населения. По оценкам экспертов, число наркозависимых в стране составляет около 6 млн чел. При этом наблюдается тенденция увеличения потребления наркотических средств⁴. Косвенное отношение к медицинским последствиям преступности имеет количество самоубийств, по интенсивности совершения которых, по данным Всемирной организации здравоохранения за 2021 г., Россия занимает девятое место в мире⁵.

3.2. Демографические последствия. Преступность вносит определенный вклад в демографические проблемы страны: рождаемости и смертности, старения населения, продолжительности жизни. Этот вклад во многом определяется коррупционной и экономической преступностью, которые негативно влияют на состояние социальной политики, а также на оценку гражданами жизненных перспектив.

«Особую тревогу вызывает слабая заселенность Дальнего Востока и Сибири... Руководители Госдепартамента США не раз высказывались о несправедливости того, что 42 % всех природных ресурсов принадлежит только России. Единственный способ сохранить свою целостность и закрепить мировые позиции – это сохранить и приумножить трудовые, военные и людские ресурсы страны. Поэтому улучшение демографической ситуации является приоритетом для Российской Федерации. Не представляется возможным обеспечить национальную безопасность страны без учета ее основной составляющей – демографической безопасности» [22, с. 22].

Высокую актуальность здесь представляет состояние миграционной ситуации. В последние годы наблюдается негативная динамика количества преступлений, связанных с иностранными гражданами и лицами без гражданства (табл. 1).

Приведенные сведения, конечно, не могут показать всех последствий преступности в миграцион-

ной сфере: они лишь являются симптомом напряженности миграционной ситуации, которая ощутимо возрастает, свидетельством чего является террористический акт в «Крокус Сити Холле». В частности, все чаще фиксируются случаи агрессии у мигрантов в отношении оседлого населения. Такая агрессия, как правило, наблюдается в групповых проявлениях, что в конечном счете чревато формированием территориальных анклавов и монополизацией определенных рынков.

Понятно, что демографические последствия преступности этим не исчерпываются. Можно также назвать изменение структуры правонарушителей по гендерному признаку, повышение криминальной мотивации среди несовершеннолетних и молодежи, маргинализацию населения.

3.3. Социально-психологические последствия.

К ним относится, во-первых, стратификация населения по признаку отношения к возможности обогащения любым путем на неравные группы: «винеров» и «лузеров» – с откровенно пренебрежительным отношением первых ко вторым. Во-вторых, заметно усиливается межгрупповая консолидацию в этнической среде и социальных сетях. В-третьих, на основе манипулятивных технологий в сознание населения внедряются ложные идеи и цели, которые делают их жертвами. Нам представляется, что преступники в «белых воротничках» активно используют западные технологии для внедрения корпоративной культуры, в которой руководители именуются «лидерами», а подчиненные – «племенем». «Племя» обязано быть послушным и не возражать против злоупотреблений «лидеров». В-четвертых, происходит навязывание негативных стереотипов поведения на основе идеологии тотальной толерантности.

³ Кобенек К. «Мы не можем долго в стрессе». URL: <https://takiedela.ru/notes/rossiyane-psikhicheskie/> (дата обращения: 03.09.2024).

⁴ Наркомания в России 2023. URL: [https://kas.clinic/Блог/Наркомания в России](https://kas.clinic/Блог/Наркомания%20в%20России) (дата обращения: 05.09.2024).

⁵ Рейтинг стран по уровню самоубийств. URL: <https://gilsocmin.ru/ru/node/1843> (дата обращения: 05.09.2024).

К социально-психологическим последствиям преступности относятся опасения граждан оказаться жертвой преступления. Материалы проведенных нами панельных виктимологических онлайн-опросов показывают ранжирование наиболее распространенных опасений граждан пострадать от различных видов преступных посягательств в следующей последовательности:

- а) коррупции;
- б) мошенничества;
- в) преступности несовершеннолетних;
- г) сексуальных преступлений;
- д) хищению бюджетных средств;
- е) грабежей и разбоев;
- ж) квартирных краж;
- з) преступности мигрантов;
- и) легализации преступных доходов;
- к) вымогательства, рэкета.

В последние годы виктимизационные риски, связанные с сетевым мошенничеством, выросли до таких огромных значений, что стали учитываться в деятельности банков и страховых компаний. Появилось страхование счетов, карт и кредитов от мошеннических действий.

3.4. Экологические последствия выражаются в загрязнении, отравлении или заражении окружающей среды: загрязнении вод, земли, атмосферы, морской среды, порче земли вредными продуктами хозяйственной или иной деятельности, разрыве природных биологических цепочек, уничтожении рыбных, морских и лесных ресурсов и насаждений, птиц и зверей, особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации.

3.5. Биологические последствия характеризуются распространением эпидемий или эпизоотий, массовой гибелью животных; внесением искусственных изменений в генофонд растений, животных и человека; формированием популяционного генофонда вирусов с респираторной передачей, способных к развитию пандемий; созданием ситуаций, угрожающих жизни или здоровью людей; распространением ложной информации о вирусных эпидемиях домашних птицы и животных в интересах структур, монополизирующих аграрный рынок.

3.6. Культурологические последствия. Наиболее рельефно они, на наш взгляд, проявляются в следующих тенденциях формирования культурного пространства современной России: а) насаждении микс-идеологии гедонизма, пошлости и безнравственности под лозунгом вседозволенности; б) культивирования криминальной тематики [23]; в) подражании зарубежным канонам создания мыльных опер для рекламных целей и лакировки действительности; г) освоении бюджетных средств с претензией на творческую независимость; д) деградацией качества произведений в любой сфере искусства: кино, театре, скульптуре, живописи, музыке, литературе – в интересах фальсификации истории с целью подрыва преемственности поколений.

3.7. Юридические последствия имеют отношение к злоупотреблениям правом, подмене права неправом, лоббированию криминалитетом законопроектов, создающих благоприятные условия для криминальной деятельности и уклонению от уголовной ответственности [24–26].

3.8. Политические последствия, как нам представляется, выражаются в изменении отношения к власти и ее структурам в негативную сторону, появлении ее скрытых и откровенных противников, участии в экстремистских и террористических организациях. Здесь во многом проявляются специальные операции западных спецслужб, которые не скрывают намерений обеспечить «стратегическое поражение России» и организовать цветную революцию.

3.9. Экономические последствия имеют стоимостное выражение, поэтому они и есть цена преступности. Эта цена складывается, во-первых, из материального ущерба, причиненного в результате совершения преступлений. Так, по данным статистики Генеральной прокуратуры, ущерб от преступлений за 2023 г. составил 397 млрд руб.⁶ Это, конечно, только небольшая часть причиненного материального вреда. О реальной величине этого ущерба можно судить по косвенным признакам, в частности, по размеру капитала, выведенного из страны за рубеж.

Во-вторых, в цену преступности включается стоимость борьбы с ней (бюджет правоохранительных органов и судов, принимающих участие в противодействии преступности, включая ее профилактику и ресоциализацию ранее судимых. Об этом бюджете

⁶ В Генпрокуратуре назвали сумму ущерба. URL: kr.ru/online/news/5539154/.

писал еще секретарь Ассоциации тюрем штата Массачусетс Уоррен Сполдинг в 1910 г. [27]. Об этом же пишут М.М. Бабаев и В.Е. Квашис, подчеркивая, что расходы на правоохранительные органы, как и в целом на борьбу с преступностью, несомненно, должны соотноситься с объективной криминальной ситуацией в стране, находиться с ней в разумном соотношении, и с сожалением констатируя, что расходы, о которых идет речь, никак не коррелируют ни с динамикой преступности, ни с эффективностью борьбы с ней и напрямую от них не зависят [28]. Таким образом, определение реальной цены преступности пока не является задачей, которой придается практическая ценность, что приводит к оправданным тратам бюджетных средств тогда, когда этого не следует делать и ненужной экономии в тех случаях, когда она является не только излишней, но и социально вредной.

Попытки установить реальную цену преступности предпринимают американские криминологи. Они используют различные подходы, называя в качестве издержек не только суммы государственных бюджетов, выделяемых для системы уголовной юстиции и правоприменительных органов. Так, Эдвин В. Зедлевски из Национального института юстиции суммировал расходы на огнестрельное оружие, сторожевых со-

бак, потери жертв, уголовное правосудие и коммерческую безопасность, связанные с преступностью, и получил итоговый результат в размере 160 млрд долларов в год [29]. Марк А. Коэн, Тед Р. Миллер и Шелли Б. Россман подсчитали, что совокупные издержки, связанные только с изнасилованиями, грабежами и телесными повреждениями, составляют 182 млрд долларов в год [30]. Давид А. Андерсон утверждает, что совокупное бремя преступности составляет 1 705 млрд долларов ежегодно [31]. По мнению Марио Риццо, оценка даже одного виктимологического аспекта цены преступности требует применения сложного математического аппарата [32].

Обобщение публикаций, в которых предложены конкретные рекомендации по методологии определения цены преступности, представлено в табл. 2.

Таблица 2 далеко не исчерпывает всех показателей, которые должны анализироваться при определении цены преступности (в ней наиболее информативен показатель «другие»). Она составлена для того, что показать сложность проблемы измерения экономических последствий совокупного результата преступных проявлений. Здесь как раз уместно использование искусственного интеллекта и больших данных.

Таблица 2

Показатели цены преступности

Показатели за период					
<i>ущерб от преступлений с учетом их латентности</i>	<i>затраты потерпевших от преступлений и свидетелей</i>	<i>бюджеты правоприменительных органов</i>	<i>бюджеты судебных органов по рассмотрению уголовных дел</i>	<i>бюджеты охранных предприятий и структур корпоративной защиты</i>	<i>затраты на антикоррупционную деятельность</i>
против личности	временные затраты	МВД	мировых судей	по охране жизни и здоровья	на федеральном уровне
против собственности	затраты на перемещения	ФТС	общей юрисдикции	по охране объектов и имущества	на уровне субъекта федерации
в сфере экономической деятельности	затраты на лечение	ФСИН	апелляционной инстанции	по обеспечению режима коммерческой тайны	на муниципальном уровне
против общественной безопасности и общественного порядка	затраты на оказание помощи	Росгвардии	кассационной инстанции	по обеспечению информационной безопасности	в бюджетной организации
против порядка управления	затраты на реабилитацию	СКР	военных судов	по обеспечению антитеррористической защищенности	в автономной организации
против правосудия	ритуальные услуги	ФСБ	Верховного Суда	обеспечение экономической безопасности	в государственной корпорации
других	другие	других	Конституционного Суда	другие	в других организациях

4. Динамический аспект

Социальные последствия преступности необходимо рассматривать не только в статике, но и в динамике. Рассуждая об этом, О.Р. Афанасьева характеризует такую динамику как систему процессов. Любые происходящие внутри каждого из них изменения трансформируют смежные процессы и, в порядке взаимодействия, подвергаются коррекции с их стороны. В итоге возникает непрерывная цепь негативных изменений, повреждений, уничтожений и иных преобразований в нарушаемых элементах механизма и взаимосвязанных с ними общественных отношениях, явлениях и процессах. Это процесс наращивания социальных последствий. Эффект их наращивания характеризуется неоднородностью, множественностью, разнонаправленностью по характеру, качеству, количеству, общественной опасности преобразований элементов, составляющих механизмы социальных последствий и взаимодействующих с ними внешних явлений и систем [16, с. 101].

С нашей точки зрения, при анализе социальных процессов преступности наиболее продуктивно применение понятия криминализации общественных отношений (криминологическую криминализацию) следует отличать от уголовно-правовой криминализации – процесса выявления общественно опасных форм поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых [33, с. 10–11]. В самом общем виде криминологическая криминализация означает процесс проникновения преступности в ткань общественных отношений. В Основных положениях государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации говорится о криминализации как о явлении, которое выражается: в сращивании части чиновников государственных органов с организованной преступностью; возможности доступа криминальных структур к управлению определенной частью производства и их инфильтрации в различные властные структуры; расширении деятельности криминальных структур на внутреннем финансовом рынке, в сфере приватизации, экспортно-импортных операций и торговли¹. С

научной точки зрения, *криминологическая криминализация представляет собой социально регрессивный эволюционный процесс, управляемый структурами организованной преступности, реализуемый противоправными средствами, создающий множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли* [34, с. 205].

Криминализация практически затронула все сферы общественной жизни: медицину и здравоохранение, религиозные и межэтнические отношения, образование и спорт, экономику и финансы и т. д. Как нам представляется, о ее размерах можно судить, в частности, посетив крупный торговый центр, в любом из которых легко обнаружить «стиральную машину» по отмыванию денег, полученных преступным путем. Это торговые точки, в которых нет покупателей, но есть персонал и арендная плата.

Объектом широкомасштабной криминализации, к примеру, оказался профессиональный спорт вследствие следующих факторов: а) деятельность с целью получения прибыли; б) проводятся нелегальные состязания; в) существует преступность среди спортсменов; г) эта сфера притягательна для коррупции, отмывания денег и в целом для организованной преступности; д) в этой сфере часто наблюдаются массовые девиации со стороны болельщиков; е) это сфера международной политики, и здесь проявляются элементы гибридной войны, мишенью которой определена Россия, а жертвами выступают профессиональные спортсмены высокого уровня. В сфере спорта криминализация проявляется, в частности, в распространенности договорных спортивных состязаний. По результатам проведенного нами анкетирования 410 чел., на вопрос: «Как Вы полагаете, насколько широка распространена практика договорных матчей в российских чемпионатах высшей лиги по футболу или хоккею?» – были получены следующие ответы:

- а) совсем не распространена – 18 чел. (4,9 %);
- б) скорее не распространена, чем распространена – 72 чел. (17,3 %);
- в) не знаю – 105 чел. (25,6 %);
- г) скорее распространена, чем не распространена – 146 чел. (35,4 %);
- д) очень распространена – 69 чел. (16,8 %).

¹ Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Собрание

законодательства Российской Федерации. 1996. № 18. Ст. 2117.

Как видим, большая часть респондентов склоняется к мнению о довольно широкой распространенности практики проведения договорных матчей, которая укладывается в фабулу преступного деяния, предусмотренного ст. 184 Уголовного кодекса РФ, которая за всё время действия кодекса ни разу не применялась

На наш взгляд, криминализация общественных отношений тесно связана с приватизацией и коммерциализацией. Приватизация неизбежно приводит к преобладанию частных интересов над общественными, а коммерциализация – к оценке любых проектов с точки зрения их прибыльности. И в том, и в другом случае появляется коррупция: как для создания иллюзорного представления о реализации общественных интересов, так и для подавления здоровой конкуренции. Конечным итогом криминали-

зации общественных отношений является разрушение государства.

Процессы криминализации находятся, по нашему убеждению, в зоне ответственности иностранных спецслужб, которые стараются их инициировать и поддерживать. Поэтому актуальны законодательные и правоприменительные меры, направленные на пресечение деятельности иностранных агентов, экстремистских организаций и нетрадиционных движений.

5. Заключение

Как видим, исследование социальных последствий преступности представляет собой сложную задачу со многими неизвестными. Поэтому важно определить приоритеты научного анализа проблемы. В настоящее время наиболее актуально изучение экономических последствий преступности, что и является ее измеряемой ценой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков Л. Л. Вопросы методологии учета и анализа общественно опасных последствий преступности / Л. Л. Быков // Вопросы борьбы с преступностью. – М. : Юридическая литература, 1978. – Вып. 29. – С. 25–35.
2. Бабаев М. М. Социальные последствия преступности : учеб. пособие / М. М. Бабаев. – М. : Акад. МВД СССР, 1982. – 82 с.
3. Быков Ю. М. Социальные последствия мошенничества в сфере страхования / Ю. М. Быков // Российский следователь. – 2005. – № 9. – С. 39–42.
4. Староверова О. В. Теория и методология криминологического исследования социально-правовых последствий налоговой преступности / О. В. Староверова. – М. : Юнити-Дана, 2006. – 233 с.
5. Квашис В. «Цена» преступности как криминологическая проблема / В. Квашис // Уголовное право. – 2008. – № 6. – С. 92–102.
6. Бабаев М. М. Цена преступности: проблемы теории и практики / М. М. Бабаев, В. Е. Квашис // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 246–259.
7. Лунеев В. В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности / В. В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 35–56.
8. Афанасьева О. Р. Социальные последствия и цена преступности / О. Р. Афанасьева, М. М. Бабаев. – М. : ВНИИ МВД России, 2012. – 125 с.
9. Афанасьева О. Р. Цена преступности и проблемы ее исчисления / О. Р. Афанасьева // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2012. – № 5. – С. 9–16.
10. Долотов Р. О. Цена преступности как криминологический показатель: некоторые криминологические аспекты / Р. О. Долотов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2012. – № 3. – С. 15–21.
11. Сабитов Р. А. Криминологические проблемы исследования последствий преступности / Р. А. Сабитов // Юридическая наука и правоприменительная практика. – 2014. – № 4. – С. 76–81.
12. Ищук Я. Г. «Цена» преступности: проблемы исчисления и минимизации / Я. Г. Ищук, К. Е. Севагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 4. – С. 414–419.
13. Староверова О. В. «Цена» налоговой преступности : моногр. / О. В. Староверова. – М. : Юнити-Дана, 2006. – 149 с.
14. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учеб. : в 2 т. / В. В. Лунеев. – М. : Юрайт, 2011. – Т. 1 : Общая часть. – 1003 с.

15. Афанасьева О. Р. Сравнительная характеристика социальных последствий преступности и последствий преступления / О. Р. Афанасьева // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2012. – № 6. – С. 134–136.
16. Афанасьева О. Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности : дис. ... д-ра юрид. наук / О. Р. Афанасьева. – М., 2014. – 450 с.
17. Данилевская М. В. Криминологическая характеристика и социальные последствия тяжких преступлений, совершаемых с проявлением жестокости взрослыми в отношении несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук / М. В. Данилевская. – М., 1996. – 183 с.
18. Ивасюк О. Н. Преступность в сфере бытовых отношений: социальные последствия и их минимизация : дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Ивасюк. – М., 2007. – 195 с.
19. Титова О. Н. Криминологические аспекты минимизации социальных последствий преступности несовершеннолетних : дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Титова. – М., 2005. – 199 с.
20. Попандопуло В. В. Преступность несовершеннолетних: состояние, функции, последствия, социальный контроль : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Попандопуло. – Краснодар, 2007. – 23 с.
21. Кондратюк Л. В. Криминологическое измерение / Л. В. Кондратюк, В. С. Овчинский. – М. : Норма, 2008. – 271 с.
22. Галицкая Н. В. Государственное регулирование демографической безопасности в России / Н. В. Галицкая // *Административное право и процесс*. – 2020. – № 3. – С. 20–23.
23. Клейменов М. П. Криминальные сериалы современной России / М. П. Клейменов, И. М. Клейменов // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2022. – № 4. – С. 429–438.
24. Губарь А. С. Шикана как особая форма злоупотребления гражданским правом / А. С. Губарь // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2012. – № 4. – С. 64–72.
25. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона / Д. А. Шестаков. – СПб.: Юридический центр Пресс. 2015. – 92 с.
26. Овчинский А. С. Информационные воздействия и организованная преступность. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 176 с.
27. Spolding F. W. The Cost of Crime / F. W. Spolding // *Journal of the American Institute of Criminal. Law and Criminology*. – 1910. – No. 1. – P. 86–102.
28. Бабаев М. М. Социальные последствия и цена преступности / М. М. Бабаев, В. Е. Квашиш // *Научный портал МВД России*. – 2010. – № 1. – С. 3–12.
29. Zedlewski E. W. When Have We Punished Enough? / E. W. Zedlewski // *Public Administration Review*. – 1985. – Vol. 45. – P. 771–778.
30. Cohen M. A. The Costs and Consequences of Violent Behavior in the United States / M. A. Cohen, T. R. Mille, S. B. Rossman // *Understanding and Preventing Violence*. – 1994. – Vol. 4. – P. 67–158.
31. Anderson D. A. The Aggregate Burden of Crime / D. A. Anderson // *The Journal of Law and Economics*. – 2022. – Vol. 44. – P. 857–885.
32. Rizzo M. J. The Cost of Crime in Victims: An Empirical Analysis / M. J. Rizzo // *The Journal of Legal Studies*. – 1979. – Vol. 8. – P. 177–205.
33. Прокументов Л. М. Криминализация и декриминализация деяний / Л. М. Прокументов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 142 с.
34. Клейменов И. М. Криминализация общественных отношений / И. М. Клейменов // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. – 2013. – № 3. – С. 200–207.

REFERENCES

1. Bykov L.L. Issues of methodology for accounting and analysis of socially dangerous consequences of crime, in: *Voprosy bor'by s prestupnost'yu*, Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1978, iss. 29, pp. 25–35. (In Russ.).
2. Babaev M.M. *Social consequences of crime*, Teaching aid. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1982. 82 p. (In Russ.).

3. Bykov Yu.M. Social consequences of fraud in the insurance sector. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2005, no. 9, pp. 39–42. (In Russ.).
4. Staroverova O.V. *Theory and methodology of criminological research of the social and legal consequences of tax crime*. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2006. 233 p. (In Russ.).
5. Kvashis V. "The cost" of crime as a criminological problem. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*, 2008, no. 6, pp. 92–102. (In Russ.).
6. Babaev M.M., Kvashis V.E. The price of crime: problems of theory and practice. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian criminological view*, 2009, no. 2, pp. 246–259. (In Russ.).
7. Luneev V.V. Social consequences, victims and the price of crime. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2009, no. 1, pp. 35–56. (In Russ.).
8. Afanas'eva O.P., Babaev M.M. *Social consequences and the price of crime*. Moscow, Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2012. 125 p. (In Russ.).
9. Afanasyeva O.R. The price of crime and the problems of its calculation. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii = Problems of strengthening law and order: science, practice, trends*, 2012, no. 5, pp. 9–16. (In Russ.).
10. Dolotov R.O. The price of crime as a criminological indicator: some criminological aspects. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminological journal of Baikal State University of Economics and Law*, 2012, no. 3, pp. 15–21. (In Russ.).
11. Sabitov R.A. Criminological problems of investigating the consequences of crime. *Yuridicheskaya nauka i pravoprimenitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2014, no. 4, pp. 76–81. (In Russ.).
12. Ishchuk Ya.G., Sevagin K.E. "The price" of crime: problems of calculation and minimization. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4, pp. 414–419. (In Russ.).
13. Staroverova O.V. *"The cost" of tax crime*, Monograph. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2006. 149 p. (In Russ.).
14. Luneev V.V. *Course of world and Russian criminology*, Textbook, in 2 volumes. Moscow, Yurait Publ., 2011. Vol. 1: The general part. 1003 p. (In Russ.).
15. Afanasyeva O.R. Comparative characteristics of the social consequences of crime and the consequences of crime. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Scientific Research Journal*, 2012, no. 6, pp. 134–136. (In Russ.).
16. Afanas'eva O.R. *Theoretical foundations of criminological research and the minimization of the social consequences of violent crime*, Doct. Diss. Moscow, 2014. 450 p. (In Russ.).
17. Danilevskaya M.V. *Criminological characteristics and social consequences of serious crimes committed with the manifestation of cruelty by adults against minors*, Cand. Diss. Moscow, 1996. 183 p. (In Russ.).
18. Ivasyuk O.N. *Crime in the sphere of domestic relations: social consequences and their minimization*, Cand. Diss. Moscow, 2007. 195 p. (In Russ.).
19. Titova O.N. *Criminological aspects of minimizing the social consequences of juvenile delinquency*, Cand. Diss. Moscow, 2005. 199 p. (In Russ.).
20. Popandopulo V.V. *Juvenile delinquency: condition, functions, consequences, social control*, Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2007. 23 p. (In Russ.).
21. Kondratyuk L.V., Ovchinsky V.S. *Criminological dimension*. Moscow, Norma Publ., 2008. 271 p. (In Russ.).
22. Galitskaya N.V. State regulation of demographic security in Russia. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and process*, 2020, no. 3, pp. 20–23. (In Russ.).
23. Kleimenov M.P., Kleimenov I.M. Criminal serials of modern Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian journal of criminology*, 2022, no. 4, pp. 429–438. (In Russ.).
24. Gubar A.S. Chicane as a special form of abuse of civil law. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2012, no. 4, pp. 64–72. (In Russ.).
25. Shestakov D.A. *Introduction to criminology of the law*. St. Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2015. 92 p. (In Russ.).
26. Ovchinsky A.S. *Information impacts and organized crime*. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 176 p. (In Russ.).
27. Spolding F.W. The Cost of Crime. *Journal of the American Institute of Criminal. Law and Criminology*, 1910, no. 1, pp. 86–102.

28. Babaev M.M., Kvashis V.E. Social consequences and the price of crime. *Nauchnyi portal Ministerstva vnutrennikh del Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 1, pp. 3–12. (In Russ.).
29. Zedlewski E.W. When Have We Punished Enough?. *Public Administration Review*, 1985, vol. 45, pp. 771–778.
30. Cohen M.A., Mille T.R., Rossman S.B. The Costs and Consequences of Violent Behavior in the United States. *Understanding and Preventing Violence*, 1994, vol. 4, pp. 67–158.
31. Anderson D.A. The Aggregate Burden of Crime. *The Journal of Law and Economics*, 2022, vol. 44, pp. 857–885.
32. Rizzo M.J. The Cost of Crime in Victims: An Empirical Analysis. *The Journal of Legal Studies*, 1979, vol. 8, pp. 177–205.
33. Prozumentov L.M. *Criminalization and decriminalization of acts*. Tomsk, Tomsk University Publ., 2012. 142 p. (In Russ.).
34. Kleimenov I.M. Criminalization of public relations. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» = Herald of Omsk University. Series “Law”*, 2013, no. 3, pp. 200–207. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клейменов Михаил Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: klim798@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 4431-6452; AuthorID: 596245

Клейменов Иван Михайлович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5
E-mail: piligrim111@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 9166-9294; AuthorID: 343510

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клейменов М.П. Социальные последствия и цена преступности / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 67–76. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).67-76.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Mikhail P. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation; Head, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: klim798@mail.ru
RSCI SPIN-code: 4431-6452; AuthorID: 596245

Ivan M. Kleymenov – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Criminal Law
North-Western Branch of the Russian State University of Justice
5, Aleksandrovskaia park, St. Petersburg, 197046, Russia
E-mail: piligrim111@mail.ru
RSCI SPIN-code: 9166-9294; AuthorID: 343510

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. Social consequences and the cost of crime. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 67–76. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).67-76. (In Russ.).

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ОСМОТРА МЕСТ ПРОИСШЕСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЪЕКТОВ ЭНЕРГЕТИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ АППАРАТОВ

С.Л. Кисленко¹, А.Б. Смушкин²

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

г. Москва, Россия

² *Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

24 сентября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 года

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025

Ключевые слова

Энергетика, национальная безопасность, криминалистика, методика расследования преступлений, технико-криминалистические средства, беспилотные аппараты

Энергетические системы всех стран мира в условиях вооруженных конфликтов всё чаще подвергаются внешним физическим атакам, в том числе с использованием передовых технологий (например, беспилотных аппаратов). Поскольку от функционирования таких систем зависит национальная безопасность страны, актуализируются вопросы своевременного пресечения подобных атак и выявления лиц, их осуществивших. Передовая роль в данном процессе отводится криминалистическим средствам, приемам и методам расследования данных криминальных событий. В статье выделяются проблемные аспекты, связанные с характеристиками объектов энергетического комплекса, технологиями их функционирования, типами беспилотных аппаратов и их конструктивными особенностями, а также современными техническими и кадровыми возможностями правоохранительных органов по обеспечению процесса обнаружения, фиксации и изъятия следовой информации.

FEATURES OF TACTICS OF INSPECTION OF ACCIDENT SITES IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL INTERFERENCE IN THE ACTIVITIES OF ENERGY FACILITIES USING UNMANNED VEHICLES

Sergey L. Kislenko¹, Alexander B. Smushkin²

¹ *Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia*

² *Saratov State Law Academy, Saratov, Russia*

Article info

Received –

2024 September 24

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Energy, national security, criminalistics, methods of crime investigation, technical and forensic tools, unmanned vehicles

The subject of the study is the tactics of inspecting accident sites associated with acts of illegal interference in the activities of energy facilities using unmanned vehicles.

The purpose of the article is to develop forensic recommendations on the use of tactical techniques for inspecting the scene of an accident, unmanned vehicles themselves and their control devices.

Research methods: The article is based on the use of materialistic dialectics as a universal method, as well as general scientific methods such as methods of analysis, synthesis, modeling, extrapolation and others.

The results of the study: It is stated that in the light of the unfolding situation, the key security role in countering attacks by unmanned means of energy facilities should, in our deep conviction, be assigned to forensic science, since following only legal regulations does not always allow us to effectively solve the tasks of law enforcement in accordance with dynamically developing situations. Meanwhile, modern investigators often do not have sufficient competencies and knowledge to investigate crimes committed using UAVs, the authors emphasize that, in this regard, investigators should have information about the typing and the main technical parameters of unmanned vehicles. The article presents the main criminalistically significant classification options for unmanned objects, defines the procedure for inspection of UAVs. At the same time, the importance of urgently studying the volatile memory of a working device is stated.

Conclusions about the achievement of the research goal: the paper proposes adaptive algorithms for the investigator's actions in various investigative situations: when the functioning of the device was suppressed by electronic warfare; when the UAV was physically damaged or destroyed; when an attacker with a UAV control device (remote control, smartphone, laptop, special glasses, etc.) was detained at the scene; when the control device is detected, but the attacker himself has disappeared; when the attacker has destroyed the control device; when information from the UAV (video and sensor readings) was transmitted not only to the operator's device, but also to another addressee; when the operator was detained on the territory of the fuel and energy complex. It is stated that the tactical and organizational component of inspections of accident sites at energy facilities may vary depending on the types of criminal encroachment mechanism and the characteristics of the encroachment objects themselves. In addition, it is impossible to ignore the inter-level connections expressed in the specifics of the organization of interaction between law enforcement agencies with specialists of energy companies and other knowledgeable persons during investigative inspections.

1. Введение

К одному из ключевых критериев функционирования современного государства относится его способность обеспечивать национальную безопасность. Важной составляющей последней выступает энергетическая безопасность, поскольку обеспечение населения энергией определяет устойчивость развития любого государства, защиту экономических, социальных, экологических и других ресурсов [1, с. 426; 2].

Следует констатировать, что в современных геополитических реалиях – проведения специальной военной операции на территории Украины (далее – СВО) и санкционной политики западных держав в отношении России – отмечается заметный рост внешних и трансграничных угроз отечественной энергетике. Целями актов незаконного вмешательства становятся: объекты генерации электроэнергии, трансформаторные подстанции, нефтеперерабатывающие заводы (далее – НПЗ), нефте- и газопроводы и пр.¹ В условиях современных экономических вызовов, посягательства на состояние стабильного функционирования энергетической системы России наносят ей непоправимый вред.

Однако, несмотря на то, что в России активно ведется работа по законодательному регулированию, а также совершенствованию и внедрению наиболее передовых средств и методов защиты объектов энергетики, следует констатировать, что лю-

бые системы защиты, как правило, «догоняют» технологии нападения. Кроме того, по словам заместителя председателя Правительства РФ А. Новака, наличие систем защиты не исключает полностью попыток атак на объекты энергетики². Последнее обстоятельство обуславливает необходимость постоянного совершенствования средств, приемов и методов как своевременного противодействия, так и оперативного выявления и расследования преступлений в анализируемой сфере. И здесь ключевая обеспечительная роль должна, по нашему глубокому убеждению, отводиться криминалистической науке, поскольку следование только правовым предписаниям не всегда позволяет эффективно решать задачи правоприменительной деятельности в соответствии с динамично развивающимися ситуациями.

2. Проблемные аспекты криминалистического обеспечения выявления актов незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетики

Под актом незаконного вмешательства в деятельность топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) понимается противоправное действие (бездействие), в том числе террористический акт или покушение на его совершение, угрожающее безопасному функционированию объекта ТЭК, повлекшее за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, повреждение или уничтожение имущества либо создавшее угрозу наступления таких послед-

¹ Так, с начала мая 2024 г. удары с использованием беспилотных летальных аппаратов (далее – БПЛА) пришлось по НПЗ ряда крупнейших российских компаний: Рязанский НПЗ «Роснефти» (1 мая), НПЗ «Газпром нефтехим Салават» в Республике Башкортостан (9 мая), Волгоградский НПЗ

«ЛУКОЙЛа» (12 мая), Туапсинский НПЗ «Роснефти» (17 мая) и т. д.

² См.: А. Новак исключил 100 % защиту объектов ТЭК от атак БПЛ // РБК Новости. 2024. 22 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/05/2024/664e31359a794728b13d7d9c> (дата обращения: 25.08.2024).

ствий³. В условиях СВО такие новые угрозы, как возможность несанкционированного доступа на объекты ТЭК для разрушения и причинения вреда при помощи беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств, а также иных автоматизированных беспилотных комплексов, приобретают особую актуальность [3; 4] и требуют модернизации как средств противодействия, так и приемов, методов выявления и расследования подобных актов незаконного вмешательства. Применяя беспилотные аппараты для доставки взрывных устройств, преступники способны повредить трубопроводы для транспортировки газа, нефтепродуктов или резервуары для их хранения, подстанции и линии электропередач, технологическое оборудование на объектах ТЭК, а также электрооборудование и важные узлы транспортной инфраструктуры и др.

Рост потенциальных рисков подобных угроз предъявляет к следственной деятельности новые требования, связанные со знанием субъектами расследования как технических характеристик средств посягательства и типовых приемов реализации преступных механизмов актов незаконного вмешательства, так и специфики функционирования объектов разных отраслей ТЭК.

Способы совершения преступления в анализируемой нами сфере и характеристики объектов посягательства определяют виды следовой информации, с которой приходится работать следователю. Но если относительно работы со следами применения таких «традиционных» криминальных средств посягательства, как оружие и взрывные устройства, а также со следами-последствиями их воздействия на объекты ТЭК – продуктами переработки нефти (топливо, масла, синтетический каучук и пр.) у практиков, как правило, не возникает сложностей в обнаружении, фиксации и изъятии, то уровень подготовленности следователей в области обнаружения и осмотра следов использования беспилотных аппаратов оставляет желать лучшего. Как свидетельствует практика, следователи испытывают затруднения, например, в знании типов беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, их конструкции, способов функционирования и пр. В результате в ходе проведения следственных осмотров у них возникают сложности, связанные с определением объектов, подлежащих изъятию и имеющих

значение для уголовного дела, привлечением для этого необходимых специалистов, а также с правильным их описанием в протоколе следственного действия и использованием верной (как правило, узкоспециализированной) терминологии и др. По данным отдельных авторов, 87 % следователей в случае обнаружения следов применения беспилотных аппаратов не представляют, каким образом их зафиксировать в протоколе [5].

В связи с этим следователи должны располагать информацией о типизации и об основных технических параметрах беспилотных аппаратов. В частности, к криминалистически значимым сведениям относительно БПЛА в литературе относят данные: о материале, из которого изготовлен аппарат; возможности отдельного управления полетом БПЛА и камерой; модификации аккумуляторов большой емкости и времени полета; наличии дополнительных съемных конструкций (например, несколько фото- и видеокамер, источники освещения, радиостанции, различные датчики и лазерные локаторы, крепления для транспортировки и др.); объеме полезной нагрузки; количестве и характеристиках двигателей; модификации гироскопа (отвечающего за пространственную ориентацию БПЛА); возможности отслеживания с GPS (а также ГЛОНАСС) траектории полета; наличии дополнительного (защищенного) шифрования между модулем контроля БПЛА и устройством управления [6].

Классификация БПЛА может проводиться по различным основаниям: а) по типу конструкции можно выделить: устройства фиксированного крыла (самолетного типа) и вращающегося крыла (одновинтовые и многовинтовые); б) по типу силовой установки: реактивного типа, поршневые, турбопоршневые, турбовинтовые, электрические и т. д.; в) по способу управления: дистанционно пилотируемые, автоматические, с применением роевого управления; г) по цели применения можно выделить: боевые (БПЛА ударного типа или дроны-камикадзе, разведывательного типа, многоцелевые и др.), специальные (применяются для производства следственных действий и решения оперативно-служебных задач в МВД РФ и иных спецслужбах), гражданского назначения; д) по полетной массе: сверхмалые (нано-, микро- и мини-), легкие (разной дальности полета), средние (тактические), среднетяжелые, тяжелые среднего радиуса действия, тяжелые большой продолжительно-

³ Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического ком-

плекса» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. I). Ст. 4604.

сти полета (стратегические) и специальные; е) по дальности полета: ближнего действия (до 25 км), малой дальности (до 100 км), средней дальности (до 500 км), большой дальности (свыше 500 км); ж) по особенностям изготовления (заводские, кустарные, самодельные); з) по фирме-изготовителю; и) по используемой операционной системе и др.

Возможна классификация и по комплексу признаков, в совокупности обуславливающему уровень угрозы. В данном ракурсе выделяют БПЛА: а) «умеренного уровня угрозы» – к таковым относят БПЛА с заводской прошивкой, не имеющие модификации, использующие режим связи на частоте 2,4 ГГц; как правило, такие беспилотники оснащены технологией *Remote ID*, позволяющей в радиоэфире непрерывно транслировать координаты БПЛА, его серийный номер и место взлета; б) «среднего уровня угрозы» – это БПЛА с более сложным управлением, способные скрывать как свое местонахождение, так и оператора; в) «высокой степени угрозы» – такие беспилотные аппараты способны работать в режиме многоканальности, оснащены мощными системами связи, которые устойчивы к помехам; г) «критического уровня угрозы» – в данную группу беспилотников входят устройства самолетного, вертолетного типа, дроны *FPV*, *LTE* и самособранные аппараты – такие беспилотные аппараты передвигаются без использования системы управления, характеризуются автономностью, необходимые координаты полетного задания программируются заранее⁴.

Информация о характеристиках беспилотного аппарата позволяет следователю выдвинуть версии о месте его производства, наиболее вероятного запуска, связи конкретного типа БПЛА с характеристиками переносимого взрывного устройства и др.

3. Ситуационный подход к работе по выявлению криминалистически значимой информации

Типизация следственных ситуаций, возникающих в процессе реализации криминальных актов незаконного вмешательства на объекты энергетики, позволяет сформировать адаптивные алгоритмы действия следователя в их рамках.

Если пресечение функционирования беспилотного аппарата было осуществлено посредством подавления или преобразования сигналов его дистанционного управления, то следователю необходимо установить наличие таких средств подавления на

территории охраняемого объекта и с привлечением специалиста изъять с системы радиоэлектронного подавления информацию, которая позволит в последующем установить способ противодействия БПЛА, местоположение оператора БПЛА; координаты места запуска; траекторию, высоту, скорость, направление полета; серийный номер полета БПЛА и пр.

В ситуации, когда беспилотный аппарат был физически поврежден или уничтожен, необходимо выяснить, кто пресек функционирование данного аппарата; с помощью каких специальных средств или огнестрельного оружия; каковы границы охраняемого объекта, нарушение которых является основанием для пресечения функционирования беспилотных аппаратов; способы, методы и средства установления факта нарушения указанных границ.

При осмотре сбитого беспилотника следует обращать внимание на имеющуюся на нем идентификационную информацию (последняя в зависимости от модификации аппарата может находиться внутри блока для аккумуляторов, в аккумуляторном отсеке, под батареей, на носу или в хвостовой части беспилотного аппарата, на оси карданного подвеса и т. п.). Отдельное внимание следует уделить фиксации следов применения огнестрельного оружия на БПЛА для предотвращения его функционирования.

В ходе осмотра определяется функциональное состояние беспилотного аппарата. Необходимо принимать во внимание, что функционирование БПЛА обеспечивается, в том числе, и оперативной памятью. При выключении или исчерпании заряда аккумулятора оперативная память стирается. В ситуации обнаружения БПЛА во включенном состоянии (даже если БПЛА подвергся разрушению) первичной задачей является снятие дампа оперативной памяти до выключения БПЛА.

В ситуации разрушения беспилотного аппарата рекомендуется при изъятии объектов сортировать обнаруженные его конструктивные части и переносимого им взрывного устройства [7, с. 196]. Такая предварительная сортировка дает возможность непосредственно на месте осмотра реконструировать общий вид БПЛА, предварительно определить тип взрывного устройства, вероятный способ его изготовления, сопоставить отдельные характеристики БПЛА (например, полезную нагрузку) с видом взрывного устройства для проверки версии о действитель-

⁴ См.: Классификация беспилотных летательных аппаратов. URL: <https://antidrone.kaspersky.com/ru/klassifikaciya-dronov/> (дата обращения: 18.09.2023).

ности способа его доставки на объект ТЭК с помощью обнаруженного беспилотного аппарата.

Необходимо учитывать, что каждый блок бортового оборудования БПЛА содержит свой специализированный объем информации, которая может иметь значение для установления отдельных обстоятельств происшествия.

При обнаружении фото- и видеофиксирующего устройства необходимо установить его модель и вид, разрешение. На картах памяти видеокамеры могут сохраниться фотографии и видеозаписи тренировочных полетов БПЛА [8, с. 462]. Данная информация может использоваться для выдвижения версий о месте запуска аппарата. А обнаружение и последующее исследование блоков управления и позиционирования БПЛА в пространстве позволит установить типы протоколов управления, а вскрытие их содержимого – установить координаты запуска БПЛА [9].

Бесспорно, многие компоненты БПЛА являются источниками электронной криминалистически значимой информации. К таковым в литературе относят следующие элементы: встроенная операционная система и связанные с ней файловые системы и программное обеспечение; файлы изображений и видеофайлы цифровой камеры, метаданные оптического датчика; телеметрия; данные о траектории полета, основанные на информации чипа контроллера полета и координатах *GPS* [10, с. 323]. В большинстве случаев электронная информация отражена в цифровых следах [11–14].

В память БПЛА записывается полетная информация в виде журнала полета, который обязательно должен быть изучен. Журнал может хранить информацию о местоположении устройства с использованием координат *GPS* или ГЛОНАСС, высоте, скорости, направлении полета, траектории полета на автопилотировании (это может иметь значение для определения запрограммированного обхода зон действия противовоздушной обороны или радиоэлектронной борьбы). Кроме того, зарубежные авторы подчеркивают необходимость изучения журнала всплывающих сообщений об ошибках [15]. Информация в памяти беспилотника может храниться в различных форматах и с кодировкой различными способами. На одном летательном аппарате может быть до пяти типов файловых систем и огромное многообразие цифровых контейнеров. Программное обеспечение беспилотников не стандартизировано даже в рамках одного типа. Поэтому огромное значение приобретает привлечение специалистов для выявления и первичного анализа этих данных.

Специалист в области компьютерной техники и технологий может оказать помощь следователю в применении специализированных программных комплексов, позволяющих снять дампы памяти, получить геоданные и посмотреть карты во встроенном модуле, собрать информацию о скорости, ускорении БПЛА, заряде аккумулятора и т. д.

В любом случае при обнаружении БПЛА следует оперативно определить канал, на который поступали управляющие команды, степень его защищенности, протокол аутентификации пользователя [6, с. 239]. Как правило, это так же возможно осуществить посредством разработанных аппаратно-программных комплексов типа «Мобильный криминалист». При этом в случае серьезной системы защиты и невозможности ее оперативного преодоления на месте осмотра вопрос должен быть отложен до момента производства экспертных исследований.

Однако на практике наиболее типичными являются ситуации, когда средства дистанционного управления (пульт, смартфон, ноутбук и т. д.) недоступны для следователей непосредственно на месте обнаружения БПЛА (или его частей). Кроме того, данные о полете, которые могут быть извлечены из чипа контроллера полета, обычно зашифрованы [16, с. 93]. В такой ситуации географическое местонахождение пульта управления из этих данных получить затруднительно. Однако может быть установлен его *MAC*-адрес, что в дальнейшем будет использовано в доказывании факта сопряжения БПЛА с конкретным пультом управления.

Параллельно с осмотром БПЛА (или его конструктивных частей), если есть основания полагать, что управление беспилотным устройством проводилось с относительно близкого расстояния, необходимо начать поиск управляющего устройства или средства наведения. Следует учитывать, что расстояние, с которого возможно управление беспилотным устройством, градирует от 200 м до 5–20 км в зависимости от его типа. В случае необходимости передачи оператору для прямого управления или иному принимающему устройству беспилотником видеоряда, можно констатировать уменьшение этой дистанции на 20–30 %. Обнаружение на БПЛА видеокамеры высокого разрешения, обычно не требующейся на дроне-камикадзе, позволяет выдвинуть подобную версию.

Предварительная информация о возможной дистанции действия радиосигнала, полученная от специалиста – инженера по радиоэлектронике, позволяет оперативным сотрудникам при тесном взаи-

модействии с представителями администрации и охранных служб объекта энергетики провести прочесывание близлежащих к акту незаконного вмешательства территорий в целях обнаружения управляющего устройства. Для эффективного проведения поисковых действий целесообразно снабдить оперативных сотрудников детекторами полупроводниковых элементов, дающих возможность установить наличие радиоэлектронных устройств в зоне поиска (например, видеокамер, различных датчиков и анализаторов, установленных на БПЛА, и пр.).

В качестве управляющего устройства могут выступать: смартфоны, планшетные устройства, специальные FVP-шлемы/очки для управления БПЛА от первого лица, а также иные терминалы. Данные устройства, как правило, содержат информацию о маршруте, конечной точке полета, лог-файлы⁵, свидетельствующие об особенностях полета, и др. Смартфоны и планшеты могут, кроме данных полетного характера, содержать также личную информацию о злоумышленнике [17–20] (например, личную переписку, биометрические данные, используемые для доступа по отпечатку пальца или лицу владельца). Из любого пульта управления БПЛА можно извлечь, как минимум, серийный номер сопряженного устройства и его цифровой отпечаток⁶. Кроме того, часто пульт управления хранит параметры радиосигнала и полетную информацию, а также GPS координаты.

С учетом факторов обнаружения устройств управления БПЛА можно выделить следующие основные следственные ситуации и тактические задачи:

1. Злоумышленник задержан с устройством управления БПЛА. Тактические задачи следователя в данной ситуации заключаются в установлении факта и обстоятельств использования именно данного пульта управления для проведения атаки с помощью сопряженного с ним БПЛА (факты обнаружения пульта управления у конкретного субъекта и его контактного взаимодействия с пультом, цели и мотивы совершения преступления и др.).

2. В ходе осмотра близлежащих к объекту посяательства территорий или в процессе оперативно-

разыскных мероприятий было обнаружено брошенное устройство управления БПЛА. В данной ситуации следует установить локацию обнаружения управляющего устройства (на территории охраняемого объекта или за его пределами) для выдвижения версий о типе преступника (внутренний или внешний тип злоумышленника).

3. Злоумышленник уничтожил управляющее устройство после атаки дроном-камикадзе или после того, как беспилотник был сбит. Как правило, особое внимание уделяется элементам памяти устройства (которые могут быть необратимо повреждены). Необходимо обнаружить и собрать все обломки и элементы пульта управления для последующих экспертных мер по восстановлению содержания памяти, серийного номера устройства. Отдельное внимание следует уделить предполагаемому способу уничтожения устройства, позволяющему смоделировать наличие на операторе соответствующих следов (нефтепродуктов, микрочастиц материалов управляющего устройства и др.).

Если в качестве пульта использовался смартфон, то можно получить данные по передвижению оператора (биллинг). Однако следует принимать во внимание недостаточную точность такой методики. Без применения метода триангуляции⁷ фактически можно узнать только базовые станции сотового оператора, обслуживающие пользователя в определенный момент.

4. Ситуация еще более осложняется, когда информация с БПЛА (видеосъемка и показания датчиков) передавались не только на устройство оператора, но и иному адресату. Установить канал и адресата можно только при исследовании сохранившейся памяти самого беспилотника. При этом следует принимать во внимание, что БПЛА может быть настроен не на прямую передачу адресату, а на ретранслятор или целую сеть ретрансляторов.

5. В ситуации задержания сотрудниками охраны предполагаемого оператора беспилотного аппарата на территории охраняемого объекта ТЭК необходимо выяснить время и конкретное место его задержания, является ли задержанный сотрудником

⁵ Текстовые файлы, куда в хронологическом порядке записываются все действия программы.

⁶ Цифровой отпечаток представляет собой уникальный идентификатор электронного устройства, сформированный из определенного набора параметров, конфигурации аппаратного и программного обеспечения устройства, переведенных с помощью функции хэширования в строку

символов фиксированной длины, состоящую из цифр и букв. Оба варианта индивидуализируют устройство и пригодны для его идентификации, поскольку как серийный номер, так и строка кода цифрового отпечатка уникальны.
⁷ Запроса с трех базовых станций и вычисления местонахождения абонента по времени отклика.

предприятия или сторонним лицом⁸, кем осуществлялось задержание и последующий личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при задержанном (проводилась ли фото- / видеофиксация), контактировали ли охранники с изъятыми у задержанного предметами и пр. Также следует осмотреть место задержания с целью фиксации следов пребывания оператора беспилотного аппарата на территории охраняемого объекта. Повышенное внимание необходимо уделить фиксации и изъятию следов рук и биологических следов с элементов беспилотного аппарата и средств его управления для последующего установления факта контакта с ними задержанного.

4. Технологический аспект работы с криминалистически значимой информацией

Следователь должен быть осведомлен о правилах действия сотрудников ТЭК, частной охраны при обнаружении актов незаконного вмешательства и ликвидации их последствий. Необходимость обращения к подобным актам (должностным инструкциям) позволит следователю оценить действия конкретных служб с точки зрения возникновения рисков утраты криминалистически значимой информации.

Следователям также необходимо учитывать, что по прибытии на место происшествия они не всегда имеют возможность приступить к поиску следовой информации. Причинами того зачастую выступают последствия преступного посягательства, а именно: задымленность, пожар и т. п. Так, при атаке БПЛА на нефтепровод, в результате которого произошло возгорание нефтепродуктов, вопрос о допуске членов следственно-оперативной группы к осмотру места происшествия решается ответственным линейной производственно-диспетчерской станции после проведения анализа воздушной среды на содержание углеводородов.

Тактико-организационная составляющая осмотров мест происшествия на объектах энергетики может варьироваться в зависимости от типов механизма преступного посягательства и характеристик самих объектов посягательства.

5. Выводы

Таким образом, учитывая то, что угрозы объектам энергетики могут быть самыми разными (внешними и внутренними, человеческими и техническими и др.), криминалистическое обеспечение безопасности функционирования таких объектов должно носить системный и многоуровневый характер. На уровне деятельности энергетических предприятий данный аспект связан с внедрением криминалистических средств и методик в деятельность разных служб (служба безопасности, HR-отдел, IT-отдел и др.) в целях решения комплексных задач по обеспечению безопасности как со стороны внешних угроз, так и внутренних (персонала).

На уровне деятельности правоохранительных органов криминалистика должна реализовывать свою обеспечительную функцию в аспектах совершенствования технических, тактических и методических разработок в области расследования актов незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетического сектора. Настоятельного решения требуют вопросы, связанные с технической оснащённостью следственных органов в целях обеспечения эффективного выявления и сбора полной следовой и доказательственной информации. Также необходима корректировка тактических рекомендаций по проведению осмотров объектов энергетики с учетом их технологических особенностей, локации и механизма реализации актов незаконного вмешательства. Отдельное внимание криминалисты должны уделить вопросам формирования видовых методик расследования преступлений в данной сфере (особенно носящих транснациональный характер).

Также нельзя игнорировать межуровневые связи, выражающиеся в специфике организации взаимодействия правоохранительных органов со специалистами энергетических компаний и другими сведущими лицами при проведении следственных осмотров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николаев В. А. Проблемные вопросы защиты объектов топливно-энергетического комплекса от актов незаконного применения беспилотных авиационных систем / В. А. Николаев, Д. А. Прошутинский, М. П. Пермяков // Системы безопасности : материалы междунар. науч.-техн. конф. – 2022. – № 31. – С. 426–430.

⁸ В данном аспекте отдельно выясняется, имеются ли сведения о несанкционированной передаче сторонним ли-

цам в аренду или иное пользование зданий, строений или их частей, входящих в состав объектов ТЭК.

2. Гаврилин А. В. Системный подход к управлению топливно-энергетическим комплексом : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. В. Гаврилин. – Саратов, 2004. – 24 с.
3. Демуренко К. А. Дроны – новая угроза с высоты / К. А. Демуренко // Алгоритм безопасности. – 2016. – № 2. – С. 48–50.
4. Карякин В. В. Беспилотные летательные аппараты – новая реальность войны / В. В. Карякин // Проблемы национальной стратегии. – 2015. – № 3 (30). – С. 130–145.
5. Варданян А. В. Беспилотные летательные аппараты как сегмент цифровых технологий в преступной и посткриминальной действительности / А. В. Варданян, А. С. Андреев // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 785–794. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794.
6. Савельева М. В. Беспилотный летательный аппарат как специальное технико-криминалистическое средство и объект криминологического исследования / М. В. Савельева, А. Б. Смушкин // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 461. – С. 235–241. – DOI: 10.17223/15617793/461/29.
7. Попов В. А. Некоторые аспекты осмотра места происшествия при расследовании террористических актов, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов / В. А. Попов, А. А. Рудакин // Криминологика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 2. – С. 191–198. – DOI: 10.55001/2587-9820.2024.35.46.019.
8. Румянцев Н. В. Особенности обнаружения, фиксации и изъятия следов на беспилотных летательных аппаратах, сбитых над территориями учреждений уголовно-исполнительной системы / Н. В. Румянцев, С. М. Колотушкин // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 460–464.
9. Kumar R. Drone GPS data analysis for flight path reconstruction: A study on DJI, Parrot & Yuneec make drones / R. Kumar, A. K. Agrawal // Forensic Science International: Digital Investigation. – 2021. – Vol. 38. – Art. 301182. – DOI: 10.1016/j.fsidi.2021.301182.
10. Хомяков В. Н. Возможности криминологического исследования беспилотных летательных аппаратов как орудия преступления / В. Н. Хомяков // Научный поиск курсантов : сб. материалов Междунар. науч. конф., Могилев, 17 февр. 2023 г. / отв. ред. В. В. Борисенко. – Могилев : Могилев. ин-т М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 2023. – С. 323–324.
11. Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма слеодообразования в цифровой криминологии : моногр. / В. А. Мещеряков. – М. : Проспект, 2022. – 176 с.
12. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминологии и уголовном процессе : моногр. / В. Ю. Агибалов. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 152 с.
13. Нестеров А. В. Виртуальные следы в криминологии : учеб. / А. В. Нестеров. – М. : КноРус, 2024. – 153 с.
14. Цифровые следы преступлений : моногр. – М. : Проспект, 2021. – 168 с. – DOI: 10.31085/9785392328680-2021-168.
15. Silalahi S. DFLER: Drone Flight Log Entity Recognizer to support forensic investigation on drone device / S. Silalahi, T. Ahmad, H. Studiawan // Software Impacts. – 2023. – Vol. 15. – Art. 100457. – DOI: 10.1016/j.simpa.2022.100457.
16. Реховский А. Ф. Криминология дронов: постановка проблемы / А. Ф. Реховский // Научное обеспечение раскрытия, расследования и предупреждения преступлений : материалы Всерос. науч.-практ. конф. к юбилею д-ра юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ А.А. Протасевича, Иркутск, 15 дек. 2022 г. – Иркутск : Байк. гос. ун-т, 2023. – С. 89–95.
17. Михайлов М. А. Пользовательская информация из смартфона как источник криминологически значимых сведений / М. А. Михайлов // Библиотека криминолога. – 2017. – № 1 (30). – С. 235–241.
18. Смушкин А. Б. Криминологическое исследование мобильных устройств / А. Б. Смушкин // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2020. – № 2. – С. 48–52. – DOI: 10.34076/2219-6838-2020-2-48-52.
19. Gold S. Understanding the digital fingerprint / S. Gold // Network Security. – 2013. – Iss. 12. – P. 15–18.
20. Ikuesan A. R. Digital behavioral-fingerprint for user attribution in digital forensics: Are we there yet? / A. R. Ikuesan, H. S. Venter // Digital Investigation. – 2019. – Vol. 30. – P. 73–89. – DOI: 10.1016/j.diin.2019.07.003.

REFERENCES

1. Nikolaev V.A., Proshutinsky D.A., Permyakov M.P. Problematic issues of protection of fuel and energy complex facilities from acts of illegal use of unmanned aircraft systems, in: *Sistemy bezopasnosti*, Proceedings of the International scientific and technical conference, 2022, no. 31, pp. 426–430. (In Russ.).
2. Gavrilin A.V. *A systematic approach to the management of the fuel and energy complex*, Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2004. 24 p. (In Russ.).
3. Demurenko K.A. Drones – a new threat from a height. *Algoritm bezopasnosti*, 2016, no. 2, pp. 48–50. (In Russ.).
4. Karyakin V.V. Drones - the new reality of war. *Problemy natsional'noi strategii = Problems of national strategy*, 2015, no. 3 (30), pp. 130–145. (In Russ.).
5. Vardanyan A.V., Andreev A.S. Unmanned aerial vehicles as a segment of digital technologies in the criminal and post-criminal reality. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian journal of criminology*, 2018, vol. 12, no. 6, pp. 785–794. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(6).785-794. (In Russ.).
6. Saveleva M.V., Smushkin A.B. Unmanned aerial vehicle as a special technical and forensic tool and an object of forensic investigation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 461, pp. 235–241. DOI: 10.17223/15617793/461/29. (In Russ.).
7. Popov V.A., Rudavin A.A. Some aspects of scene examination in the investigation of terrorist acts committed with the use of unmanned aerial vehicles. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow*, 2024, no. 2, pp. 191–198. DOI: 10.55001/2587-9820.2024.35.46.019. (In Russ.).
8. Rumyancev N.V., Kolotushkin S.M. Features of detection, fixing and withdrawal of traces on the unmanned aircraft brought down over territories of organizations of penal system. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2018, vol. 26, no. 4, pp. 460–464. (In Russ.).
9. Kumar R., Agrawal A.K. Drone GPS data analysis for flight path reconstruction: A study on DJI, Parrot & Yuneec make drones. *Forensic Science International: Digital Investigation*, 2021, vol. 38, art. 301182. DOI: 10.1016/j.fsidi.2021.301182.
10. Khomyakov V.N. Possibilities of criminalistic investigation of unmanned aerial vehicles as instruments of crime, in: Borisenko V.V. (ed.). *Nauchnyi poisk kursantov*, Collection of materials of the International scientific conference, Mogilev, February 17, 2023, Mogilev, Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus Publ., 2023, pp. 323–324. (In Russ.).
11. Meshcheryakov V.A. *Theoretical foundations of the mechanism of trace formation in digital criminology*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 176 p. (In Russ.).
12. Agibalov V.Yu. *Virtual traces in criminalistics and criminal procedure*, Monograph. Moscow, Yurlitinform Publ., 2012. 152 p. (In Russ.).
13. Nesterov A.V. *Virtual traces in criminology*, Textbook. Moscow, KnoRus Publ., 2024. 153 p. (In Russ.).
14. *Digital traces of crimes*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 168 p. DOI: 10.31085/9785392328680-2021-168. (In Russ.).
15. Silalahi S., Ahmad T., Studiawan H. DFLE: Drone Flight Log Entity Recognizer to support forensic investigation on drone device. *Software Impacts*, 2023, vol. 15, art. 100457. DOI: 10.1016/j.simpa.2022.100457.
16. Rekhovsky A.F. Criminalistics of drones: setting the problem, in: *Nauchnoe obespechenie raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenii*, Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference to the jubilee of Doct. of Law, Prof., Honoured Lawyer of the Russian Federation A.A. Protasevich, Irkutsk, Baikal State University Publ., 2023, pp. 89–95. (In Russ.).
17. Mikhailov M.A. User information from smart phone as a source of criminalistically important information. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's library*, 2017, no. 1 (30), pp. 235–241. (In Russ.).
18. Smushkin A. A criminal study of mobile devices. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu" = Electronic supplement to "Russian juridical journal"*, 2020, no. 2, pp. 48–52. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-2-48-52. (In Russ.).
19. Gold S. Understanding the digital fingerprint. *Network Security*, 2013, iss. 12, pp. 15–18.
20. Ikuesan A.R., Venter H.S. Digital behavioral-fingerprint for user attribution in digital forensics: Are we there yet?. *Digital Investigation*, 2019, vol. 30, pp. 73–89. DOI: 10.1016/j.diin.2019.07.003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кисленко Сергей Леонидович – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
123242, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/11
E-mail: ser-kislenko@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-6751-9034
SPIN-код РИНЦ: 9241-4591; AuthorID: 343056

Смушкин Александр Борисович – кандидат юридических наук, доцент, ведущий специалист проектного офиса научных программ и исследований, доцент кафедры криминалистики
Саратовская государственная юридическая академия
410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104
E-mail: Skif32@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1619-8325
ResearcherID: AAM-2853-2020
Scopus AuthorID: 57202012484
SPIN-код РИНЦ: 7360-6396; AuthorID: 439039

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кисленко С.Л. Особенности тактики осмотра мест происшествий при расследовании незаконного вмешательства в деятельность объектов энергетики с использованием беспилотных аппаратов / С.Л. Кисленко, А.Б. Смушкин // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 77–86. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).77-86.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Sergey L. Kislenko – Doctor of Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminology
Kutafin Moscow State Law University
9/11, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 123242, Russia
E-mail: ser-kislenko@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-6751-9034
RSCI SPIN-code: 9241-4591; AuthorID: 343056

Alexander B. Smushkin – Candidate of Law, Associate Professor; Leading Specialist, Project Office of Scientific Programs and Research; Associate Professor, Department of Criminology
Saratov State Law Academy
104, Chernyshevskogo ul., Saratov, 410056, Russia
E-mail: Skif32@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1619-8325
ResearcherID: AAM-2853-2020
Scopus AuthorID: 57202012484
RSCI SPIN-code: 7360-6396; AuthorID: 439039

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Smushkin A.B., Kislenko S.L. Features of tactics of inspection of accident sites in the investigation of illegal interference in the activities of energy facilities using unmanned vehicles. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 77–86. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).77-86. (In Russ.).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОСФИНМОНИТОРИНГА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЙ*

Л.П. Королева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
16 августа 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Межведомственное взаимодействие, подразделение финансовой разведки, финансовое расследование, правоохранительные органы, предварительное расследование, следственная группа, межведомственная следственно-оперативная группа

Обоснована необходимость организации совместной работы должностных лиц Росфинмониторинга и правоохранительных органов в межведомственных следственно-оперативных группах. Предложены поправки в уголовно-процессуальное законодательство и регламент Росфинмониторинга. Предложено расширить перечень полномочий должностных лиц Росфинмониторинга при работе в межведомственных следственно-оперативных группах. Дана характеристика общего порядка организации их работы. Рекомендовано принять межведомственные нормативные правовые акты, закрепляющие упрощенный порядок взаимодействия и использования результатов финансовых расследований в уголовном делопроизводстве, – это позволит повысить эффективность взаимодействия при проведении финансовых и предварительных расследований.

IMPROVEMENT OF INTERACTION BETWEEN ROSFINMONITORING AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN CONDUCTING INVESTIGATIONS**

Lyudmila P. Koroleva

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –
2024 August 16
Accepted –
2025 March 20
Available online –
2025 June 20

Keywords

interdepartmental cooperation, financial intelligence unit, financial investigation, law enforcement agencies, preliminary investigation, investigative team,

The subject of the research are the problems of organization and normative-legal regulation of interaction between the financial intelligence unit and law enforcement agencies in the process of combating crime. In Russia, the financial intelligence unit is organized according to the administrative type. Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring) conducts financial investigations in accordance with anti-money laundering legislation, while law enforcement agencies conduct preliminary investigations in accordance with criminal procedure legislation. This leads to time lags and increased transaction costs of interaction between the competent authorities.

The purpose of the study is to develop proposals to improve interaction between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies when conducting investigations as part of interdepartmental investigative and operational groups.

Methodology. General scientific and formal-dogmatic research methods were used.

The main results. The article substantiates the necessity of organizing joint work between Rosfinmonitoring and law enforcement officials in interdepartmental investigative and operational groups. The key legal acts regulating the organization and activities of

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

interdepartmental investigative and operational team

investigative and investigative-operative groups in Russia are reviewed. As a result of the study, amendments to the criminal procedure legislation and Rosfinmonitoring's regulations were proposed. A register of unified powers of Rosfinmonitoring officials when working in interdepartmental investigative and operational groups has been developed. It may also be used when including officials of control and supervisory authorities authorized to investigate predicate offenses (tax, competition, etc.) in interagency investigative and operational groups. The general procedure for organizing the work of Rosfinmonitoring officials in interdepartmental investigative and operational groups is described. It is recommended that the regulations on interaction between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies in the course of interagency investigations should be included in the federal standard for interagency cooperation in the sphere of combating money laundering and terrorism financing. In addition, it is recommended to adopt interdepartmental normative and legal acts that enshrine a simplified procedure for interaction and use of the results of financial investigations in criminal proceedings.

Conclusions. The results of the study have practical significance and can be used to improve the effectiveness of interaction between the commissioner, control and supervisory and law enforcement agencies in the process of combating crime. This will not require revolutionary transformations of the status and powers of the financial intelligence unit.

1. Введение

Взаимодействие компетентных органов является ключевым фактором эффективности расследования преступлений как по отмыванию доходов, финансированию терроризма и распространения оружия массового уничтожения, так и других тяжких предикатных к ним преступлений. Согласно исследованию Всемирного банка, правоохранительные органы большинства стран высоко оценивают роль подразделения финансовой разведки (далее – ПФР) в расследованиях и считают периодические встречи и ежедневные и прямые контакты с ПФР наиболее значимыми средствами укрепления сотрудничества. В ряде стран создаются совместные рабочие группы или совместные целевые группы для проведения наиболее актуальных и сложных расследований [1, р. 23].

В России правоохранительные органы также считают необходимым взаимодействие с ПФР в разных формах. Так, А.И. Бастрыкин отмечает «необходимость привлечения Росфинмониторинга (Федеральной службы по финансовому мониторингу. – Е. К.) к разработке механизмов выявления и расследования преступлений: коррупционных и экономических, легализации преступных доходов, финансирования терроризма и др.» [2, с. 498]. Однако как в сфере законодательного регулирования, так и в практике правоприменения существует ряд проблем, не позволяющих в полной мере использовать потенциал Росфинмониторинга при расследовании преступлений. Е.Г. Сахарова отмечает «многочисленные нарушения на практике Инструкции по организации информационного взаимодействия» [3, с. 113]. О.А. Суров и Л.П. Климович считают, что «ма-

териалы финансовых расследований недостаточно эффективно используются в ходе расследования уголовных дел в силу недостатка специальных знаний у сотрудников правоохранительных органов» [4, с. 44]. Д.В. Кольцов относит «методы финансовых расследований к специальным и мало применяемым в оперативно-розыскной деятельности» [5, с. 128]. О.Ю. Сигалова указывает на организацию «межведомственного взаимодействия преимущественно путем функционирования рабочих групп и проблемы информационного обмена в рамках УПК (Уголовно-процессуального кодекса. – Е. К.) РФ» [6, с. 76]. О.Н. Тисен и А.В. Гриненко указывают на «проблемы использовании материалов Росфинмониторинга в уголовном судопроизводстве» [7, с. 497].

В литературе предлагаются некоторые решения указанных проблем: от тривиальных – соблюдать действующие инструкции – до нетипичных для действующей административной модели ПФР. Так, О.А. Абрамов предлагает «создать в подразделениях экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел подразделения финансовой разведки» [8, с. 32]. Н.В. Поляков – «допрашивать сотрудников Росфинмониторинга в качестве свидетелей по уголовному делу о результатах финансового расследования» [9, с. 125]. В публикациях разных авторов встречается предложение наделить ПФР полномочиями по ведению оперативно-розыскной деятельности [10; 11]. В.М. Данилкина, М.С. Шуваева делают вывод, что «для поиска новых форм расследования финансовых противоправных деяний необходимо объединение усилий не только юристов, но и экономистов» [12, с. 278].

В публикациях по зарубежным странам также встречаются предложения по усилению роли финансовых расследований. А.Н. Ахпанов и А.Г. Мадиева считают необходимым «ввести институт финансового расследования в уголовно-процессуальное законодательство» [13, с. 68]. О. Бондаренко с соавторами предлагают «привлечение подразделений финансовой разведки к процессу расследования» [14, р. 49]. G. Pavlidis рекомендует «расширение доступа правоохранительных органов к финансовой информации и облегчения обмена информацией с ПФР» [15, р. 377]. S. Zolkaflii с соавторами обосновывают необходимость создания для правоохранительных органов интегрированной системы поддержки финансовых расследований [16].

Формой организации совместной деятельности Росфинмониторинга и правоохранительных органов может быть, по нашему мнению, межведомственная следственная группа. При этом следует обратить внимание на различия понятий «следственная группа» и «следственно-оперативная группа» как по нормативно-правовым основам организации, так и по предназначению и содержанию деятельности [17]. В рамках уголовно-процессуального законодательства урегулирована деятельность только следственной группы, создаваемой руководителем следственного органа [18]. Следственно-оперативные группы создаются и функционируют на основании ведомственных нормативных актов, например приказов Генеральной прокуратуры РФ [19]. Следственно-оперативная группа как форма взаимодействия признаётся более эффективной по сравнению со следственной [20]. Предлагается законодательно урегулировать вопросы ее организации в ст. 163 УПК РФ [21]. Однако единообразного подхода к организации работы межведомственных следственно-оперативных групп (далее – МСОГ) в российском законодательстве и правоприменительной практике не выработано [22]. Недостаточно урегулированы вопросы взаимодействия руководителя и членов следственных групп [23]. Это актуализирует необходимость разработки единых полномочий сотрудников Росфинмониторинга при их включении в состав МСОГ.

Цель данного исследования – разработать предложения по совершенствованию взаимодействия

Росфинмониторинга и правоохранительных органов при проведении расследований в составе МСОГ.

Исследование действующих законодательных и нормативных правовых актов в сфере организации работы следственных и следственно-оперативных групп, взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов проведено посредством общенаучных и формально-догматического методов.

2. Следственно-оперативная группа как форма межведомственного взаимодействия

Административная модель построения ПФР в зарубежной литературе подвергается критике в связи с отдалением от правоохранительных органов [24]. Но поскольку стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (*Financial Action Task Force on Money Laundering, FATF*; далее – ФАТФ) допускают такой подход, замечаний к организационным основам деятельности Росфинмониторинга нет. Однако техническое соответствие взаимодействия компетентных органов требованиям рекомендации 30 стандартов ФАТФ не полное. В отчете о взаимных оценках 2019 г. указывается на «размывание ответственности правоохранительных органов по проведению параллельных расследований, а также на риск недостатка необходимой квалификации и мотивации их сотрудников, что может привести к сокращению объема упреждающих финансовых расследований»¹. Рекомендация 30 устанавливает требование «использовать, когда необходимо, постоянные или временные межведомственные группы, специализирующиеся на финансовых или имущественных расследованиях»². Включение должностных лиц Росфинмониторинга в МСОГ позволит снять указанные замечания.

В настоящее время финансовое и предварительное расследования тесно не связаны и могут осуществляться независимо друг от друга. Процесс противодействия представляет собой совокупность этапов: предупреждение, выявление, расследование, раскрытие, пресечение. Н.А. Крайнова отмечает, что «путем противодействия преступности реализуются и цели предупреждения, и цели борьбы с преступностью» [25, с. 103]. Задачи Росфинмониторинга сосредоточены на предупреждении и проведении финансовых расследований. Задачи право-

¹ ФАТФ. Меры по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма РФ. Отчет о взаимных оценках. 2019. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/OVO_RF_final_.pdf.

² Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения. Рекомендации ФАТФ. 2023. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_Recommendations_2023_rus.pdf.

охранительных органов – на борьбе с преступностью и предварительном расследовании. Таким образом, на практике стадия расследования распадается на финансовое, которое проводит Росфинмониторинг, и предварительное, которое проводят правоохранительные органы. Как правило, они осуществляются не одновременно.

Результаты финансовых расследований могут быть как поводом для оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, так и дополнительной информацией для оценки оперативной обстановки, оседающей в архивах. Децентрализация расследований, несогласованность времени их проведения, последовательное проведение сначала Росфинмониторингом – финансового, а затем правоохранительными органами – предварительного расследования одних и тех же преступных деяний не только затягивает противодействие, но и способствует росту ущерба и уклонению виновных лиц от ответственности. В связи с этим необходимо переходить на технологии совместного параллельного финансового и предварительного расследования.

Роль результатов финансовых расследований, проводимых Росфинмониторингом, особо высока на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела вне зависимости от того, что явилось поводом для этого – передача самим Росфинмониторингом соответствующей информации в правоохранительные органы или иные факты, требующие проверки в соответствии со ст. 144–145 УПК РФ. Уже на этом этапе образуется временной лаг. Он включает как периоды взаимодействия органов (передача запросов и ответов на них), так и период проведения самого финансового расследования, если оно не предшествовало возбуждению уголовного дела.

Кроме того, и после возбуждения уголовного дела на этапе дознания или предварительного следствия Росфинмониторинг может оказывать существенную информационную поддержку правоохранительным органам по сложным вопросам применения преступниками финансовых инструментов, технологий, экономических механизмов. В настоящее время ее получение возможно только по формализованным каналам в форме официальных запросов, что требует времени. При этом временной лаг может увеличиваться за счет необходимости

сбора Росфинмониторингом дополнительной информации у субъектов частного сектора и контрольно-надзорных органов с применением стандартных процедур взаимодействия.

Очевидно, что для повышения эффективности противодействия необходимо минимизировать указанные временные лаги. В связи с этим предлагается по делам, сопряженным с угрозами национальной безопасности Российской Федерации, с большой общественной опасностью, с ущербом в особо крупном размере включать в состав МСОГ сотрудников Росфинмониторинга, а также при необходимости ключевых контрольно-надзорных органов. Это позволит не только согласовать их действия, но и повысить оперативность информационного взаимодействия путем не обмена сообщениями, но личного контакта в рамках совместной работы.

В настоящее время нормативно-правовые основы создания межведомственных следственно-оперативных групп заложены в нескольких актах:

– УПК РФ: ст. 163 «Производство предварительного следствия следственной группой»; ст. 223.2 «Производство дознания группой дознавателей»;

– Указ Президента РФ № 567 от 18 апреля 1996 г. «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» (далее – Указ № 567), который к основным формам координации деятельности относит создание следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений;

– Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников СНГ (ратифицировано Федеральным законом от 22 февраля 2017 г. № 15-ФЗ), которое регулирует вопросы создания международной следственно-оперативной группы.

Названные акты предусматривают коллективные формы расследования: следственные, следственно-оперативные группы, группы дознавателей, – устанавливают порядок их организации. Однако непосредственное (личное) участие сотрудников Росфинмониторинга в их работе не предусмотрено. Информационное взаимодействие с членами групп осуществляется по стандартным процедурам запросов и в инициативном порядке³. При этом максимальные сроки ответов на взаимные запросы мо-

³ Приказ Генпрокуратуры России № 182, МВД России № 189, МЧС России № 153, ФСБ России № 243, СК России № 33, ФСКН России № 129, ФТС России № 800, ФССП России № 220, Росфинмониторинга № 105 от 29 марта 2016 г.

«О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного государству преступлениями».

гут быть довольно длительными – в течение 30 дней со дня их получения⁴.

3. Полномочия должностных лиц Росфинмониторинга при участии в проведении межведомственных расследований

Для легализации участия Росфинмониторинга в работе следственных групп предлагаем внести в ст. 163 УПК РФ поправку, позволяющую руководителю следственного органа привлекать должностных лиц контрольно-надзорных органов при предварительном расследовании предикатных преступлений, касающихся сферы их деятельности, с целью информационно-аналитической поддержки работы следственной группы в пределах полномочий, установленных нормативными правовыми актами, регламентирующими их деятельность. Это также потребует внесения зеркальных поправок в основополагающие акты организации и деятельности контрольно-надзорных органов. В частности, применительно к деятельности Росфинмониторинга необходимо расширение полномочий, закрепленных в Указе Президента РФ от 13 июня 2012 г. № 808 «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу».

Кроме того, необходимо усилить координацию деятельности Росфинмониторинга и правоохранительных органов на основании Указа № 567. В настоящее время руководители контрольно-надзорных органов не являются членами координационного совещания правоохранительных органов, но могут быть приглашены на него. Предлагаем внести поправки в п. 7 раздела III «Полномочия участников координационной деятельности» Указа № 567, согласно которым должностные лица Росфинмониторинга в обязательном порядке должны приглашаться на координационные совещания по вопросам, относимым к их компетенции, а также сотрудники Росфинмониторинга по решению координационного совещания могут взаимодействовать с правоохранительными органами по основным направлениям координационной деятельности. Это позволит подключить Росфинмониторинг к работе следственно-оперативных групп для расследования конкретных преступлений, которые создаются Генеральной прокуратурой в соответствии с Указом № 567, а также к взаимодействию в форме проведения совместных мероприятий для выявления и пре-

сечения преступлений, а также устранения причин и условий, способствующих их совершению.

Привлечение Росфинмониторинга к работе в МСОГ требует уточнения полномочий должностных лиц в силу ряда причин. Во-первых, учитывая, что в соответствии с действующим законодательством Росфинмониторинг не осуществляет оперативно-разыскную и следственную деятельность, необходимо:

- 1) разграничить полномочия по проведению финансового и предварительного расследований;
- 2) определить степень допуска и допустимые формы привлечения сотрудников Росфинмониторинга к процессуальным действиям в рамках предварительного расследования, реализуемого МСОГ.

Во-вторых, необходимо уточнить полномочия сотрудников Росфинмониторинга в связи с изменением их дисциплинарного и функционального подчинения на период работы в группе. По вопросам проведения соответствующего расследования они поступают в подчинение руководителя МСОГ. Однако при этом должны выполнять работу в соответствии с установленными стандартными процедурами и с использованием ведомственных ресурсов.

Основная цель работы Росфинмониторинга в составе МСОГ – это проведение оперативного анализа имеющейся и доступной для получения информации для содействия предварительному расследованию конкретного уголовного дела путем выявления и интерпретация финансовых следов (фактов хозяйственной деятельности, операций с денежными средствами, сделок с имуществом и др.), направляющих следствие к скорейшему раскрытию и пресечению преступлений. Результаты работы сотрудников Росфинмониторинга в составе МСОГ впоследствии необходимо обобщать и использовать для проведения стратегического анализа.

Предлагаем при осуществлении сотрудником Росфинмониторинга работы в составе МСОГ расширить должностные полномочия в сфере планирования и ведения финансового расследования в составе МСОГ:

- самостоятельно направлять ход финансового расследования, трактовать его результаты в пределах своей компетенции, в том числе по направлениям и вопросам, не обозначенным руководителем МСОГ, но имеющим отношение к проводимому расследованию;

⁴ Приказ Генеральной прокуратуры РФ, ФСФМ, МВД РФ, ФСБ, ФТС и Следственного комитета РФ от 21 августа 2018 г. № 511/244/541/433/1313/80 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодей-

ствия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем».

– самостоятельно проводить параллельные финансовые расследования, выдвигать гипотезы, выбирать способы и методы сбора, обработки и анализа информации в рамках своих должностных полномочий с учетом специфики дела и поставленных руководителем МСОГ задач;

– ходатайствовать о предоставлении и получать информацию от руководителя и участников следственно-оперативной группы о ходе предварительного расследования, необходимую для понимания контекста поставленных задач.

Деятельность должностных лиц Росфинмониторинга в составе МСОГ может быть организована как с отрывом, так и без отрыва от выполнения основных должностных обязанностей в зависимости от объема дополнительной работы с предоставлением ряда дополнительных прав по использованию имеющихся в их распоряжении ресурсов на основном рабочем месте и новых обязанностей в роли участника МСОГ. При этом они сохраняют права и продолжают выполнять ряд обязанностей в стандартном рабочем порядке в соответствии со своей должностной инструкцией и действующими ведомственными актами, например обязанности документировать результаты финансовых расследований и соблюдать процедуры документооборота и пр.

Для работы МСОГ на практике также необходимо принять ряд межведомственных нормативных правовых актов, закрепляющих:

– упрощенный порядок взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов в рамках совместной работы в МСОГ;

– порядок использования в уголовном судопроизводстве результатов финансовых расследований Росфинмониторинга (хотя бы в части материалов, не содержащих охраняемую законом тайну).

Включение в состав МСОГ сотрудников других контрольно-надзорных органов может быть полезно при расследовании сложных предикатных преступлений, совершенных в поднадзорных им сферах. В этом случае их полномочия будут касаться информационно-аналитического сопровождения предварительного расследования. В качестве таковых могут быть сотрудники контрольно-надзорных органов, как включенных в финансово-надзорный блок национальной системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распро-

странения оружия массового уничтожения (Банк России, ФНС России, Федеральное казначейство России), так и нет (ФТС России, ФАС России).

Полномочия сотрудников правоохранительных органов по осуществлению оперативно-разыскной или следственной деятельности при включении в состав МСОГ существенно не изменяются. Они также должны получить право взаимодействовать с Росфинмониторингом в упрощенном порядке и использовать результаты финансовых расследований в ходе оперативно-разыскной и следственной деятельности. В остальном они руководствуются УПК РФ, соответствующими федеральными законами и межведомственными соглашениями о сотрудничестве.

4. Заключение

В состав федерального стандарта межведомственного взаимодействия в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма необходимо включить регламент взаимодействия контрольно-надзорных и правоохранительных органов при проведении межведомственных расследований. Он должен регламентировать:

– общий порядок организации и процедуры ведения деятельности как самой МСОГ, так и должностных лиц контрольно-надзорных и правоохранительных органов, включенных в ее состав;

– реестр унифицированных полномочий должностных лиц Росфинмониторинга и других государственных органов при работе в составе МСОГ.

Они описаны в данной статье. Для включения Росфинмониторинга в работу МСОГ предложены поправки в УПК РФ и регламент его деятельности, а также необходимые на практике межведомственные нормативные правовые акты, закрепляющие упрощенный порядок взаимодействия и использования результатов финансовых расследований.

Проведение предварительного расследования по особо важным делам с привлечением сотрудников Росфинмониторинга и других контрольно-надзорных органов в рамках МСОГ позволит сократить временной лаг за счет организации упрощенного порядка взаимодействия. Возможность совместного планирования действий, проведения совещаний, взаимного информирования контрольно-надзорных и правоохранительных органов будет способствовать повышению эффективности противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stroligo K. Financial Intelligence Units Working With Law Enforcement Authorities and Prosecutors / K. Stroligo, C-L. Hsu, T. Ch. Kouts. – Washington, D.C. : World Bank Group, 2018. – 82 p. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/741651547823413372/Financial-Intelligence-Units-Working-With-Law-Enforcement-Authorities-and-Prosecutors>.
2. Бастрыкин А. И. Расследование легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма: практика следственного комитета России / А. И. Бастрыкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 3. – С. 493–501. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.301.
3. Сахарова Е. Г. Использование правоохранительными органами возможностей Росфинмониторинга при расследовании легализации доходов, полученных преступным путем / Е. Г. Сахарова // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 4 (46). – С. 106–113.
4. Суров О. А. Использование результатов финансовых расследований в раскрытии легализации преступных доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков / О. А. Суров, Л. П. Климович // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 2 (23). – С. 37–45.
5. Кольцов Д. В. Виды «специальных методов расследования» универсального уровня. Оперативно-розыскной взгляд / Д. В. Кольцов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4 (68). – С. 118–130. – DOI: 10.24412/2072-9391-2023-468-118-130.
6. Сигалова О. Ю. Состояние межведомственного взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов в целях противодействия незаконному выводу капитала / О. Ю. Сигалова // Научный портал МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 73–82.
7. Тисен О. Н. Использование результатов деятельности Росфинмониторинга в уголовном судопроизводстве / О. Н. Тисен, А. В. Гриненко // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 4. – С. 492–504. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(4).492-504.
8. Абрамов О. А. Противодействие легализации преступных доходов: проблемы и пути повышения эффективности / О. А. Абрамов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 27–33.
9. Поляков Н. В. К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел Российской Федерации с Росфинмониторингом в борьбе с незаконной банковской деятельностью / Н. В. Поляков // Научный компонент. – 2019. – № 4 (4). – С. 122–126. – DOI: 10.51980/2686-939X_2019_4_122.
10. Страхов И. А. Анализ эффективности взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов в целях противодействия терроризму / И. А. Страхов, Н. В. Капустина // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № S3. – URL: <https://esj.today/PDF/15FAVN323.pdf>.
11. Кузовлева Н. Ф. Совершенствование механизма взаимодействия Росфинмониторинга с правоохранительными органами и контролирующими организациями / Н. Ф. Кузовлева, М. И. Митюкова, А. А. Костина // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2020. – № 5–6 (180–181). – С. 26–31.
12. Данилкина В. М. Отдельные аспекты финансовых расследований / В. М. Данилкина, М. С. Шуваева // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 273–278.
13. Ахпанов А. Н. Некоторые вопросы противодействия финансированию терроризма и экстремизма / А. Н. Ахпанов, А. Г. Мадиева // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Право. – 2019. – № 1 (126). – С. 66–71.
14. Bondarenko O. Mechanisms for interaction of law enforcement agencies in the field of countering money laundering / O. Bondarenko, M. Utkina, O. Reznik, M. Dumchikov // Journal of Money Laundering Control. – 2024. – Vol. 27, iss. 1. – P. 34–50. – DOI: 10.1108/JMLC-01-2023-0006.
15. Pavlidis G. Financial information in the context of anti-money laundering: Broadening the access of law enforcement and facilitating information exchanges / G. Pavlidis // Journal of Money Laundering Control. – 2020. – Vol. 23, iss. 2. – P. 369–378. – DOI: 10.1108/JMLC-10-2019-0081.
16. Zolkafliil S. Implementation evaluation: a future direction in money laundering investigation / S. Zolkafliil, N. Omar, S. N. F. Syed Mustapha Nazri // Journal of Money Laundering Control. – 2019. – Vol. 22, iss. 2. – P. 318–326. – DOI: 10.1108/JMLC-03-2018-0024.

17. Захарова В. О. О некоторых особенностях функционирования следственно-оперативных групп: ошибки и рекомендации / В. О. Захарова, И. А. Самохвалов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 208–211.
18. Ларичев В. Д. Понятие и сущность следственной и следственно-оперативной групп / В. Д. Ларичев, В. Г. Кучкина // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 118–124.
19. Бастрыгин А. С. Организационно-правовые вопросы формирования следственно-оперативной группы / А. С. Бастрыгин // Научный журнал КубГАУ. – 2016. – № 117. – С. 216–233.
20. Баловина И. В. Следственная группа как объект уголовно процессуального регулирования / И. В. Баловина // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 5. – С. 25–26.
21. Шагапсоев З. Л. Сравнительный анализ следственной и следственно-оперативной групп / З. Л. Шагапсоев, М. М. Хамгоков // Закон и право. – 2014. – № 6. – С. 76–80.
22. Лубягин М. С. Следственная группа как объект уголовно-процессуальных правоотношений: методологический анализ / М. С. Лубягин // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2022. – № 4 (38). – С. 11–22. – DOI: 10.17150/2411-6122.2022.4.11-22.
23. Гордеев А. Ю. Процессуальные особенности производства предварительного следствия следственной группой / А. Ю. Гордеев, С. Н. Хорьяков // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2020. – № 3. – С. 19–27.
24. Jayasekara S. D. Administrative model of financial intelligence units: an analysis of effectiveness of the AML/CFT regime / S. D. Jayasekara // Journal of Money Laundering Control. – 2022. – Vol. 25, iss. 3. – P. 511–525. – DOI: 10.1108/JMLC-05-2021-0048.
25. Крайнова Н. А. Некоторые тенденции современной отечественной государственной политики в сфере предупреждения преступности / Н. А. Крайнова // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 102–111. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).102-111.

REFERENCES

1. Stroligo K., Hsu C-L., Kouts T.Ch. *Financial Intelligence Units Working With Law Enforcement Authorities and Prosecutors*. Washington, D.C., World Bank Group Publ., 2018. 82 p. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/741651547823413372/Financial-Intelligence-Units-Working-With-Law-Enforcement-Authorities-and-Prosecutors>.
2. Bastykin A.I. Investigation of money laundering and financing of terrorism by the Investigative Committee of Russia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 3, pp. 493–501. DOI: 10.21638/spbu14.2021.301. (In Russ.).
3. Sakharova E.G. The use of the capabilities of Rosfinmonitoring by law enforcement agencies during the investigation of the legalization of proceeds of crime. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 4 (46), pp. 106–113. (In Russ.).
4. Surov O.A., Klimovich L.P. Using results of financial investigations in revealing legalization of criminal proceeds acquired as a result of illicit drug trafficking. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian law institute of the MIA of Russia*, 2016, no. 2 (23), pp. 37–45. (In Russ.).
5. Koltsov D.V. Types of “special investigation techniques” of the universal level. Operative-search look. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the management academy of the Ministry of interior of Russia*, 2023, no. 4 (68), pp. 118–130. DOI: 10.24412/2072-9391-2023-468-118-130. (In Russ.).
6. Sigalova O.Y. The state of interdepartmental interaction between law enforcement and regulatory authorities in order to counteract illegal capital withdrawal. *Nauchnyi portal MVD Rossii = Scientific portal of the Russian Ministry of the Interior*, 2022, no. 1 (57), pp. 73–82. (In Russ.).
7. Tisen O.N., Grinenko A.V. Using the Results of Rosfinmonitorings Work in Criminal Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian journal of criminology*, 2022, vol. 16, no. 4, pp. 492–504. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(4).492-504. (In Russ.).
8. Abramov O.A. Combatting legalization of illegally gained income: issues and ways to improve its efficiency abstract. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2018, no. 2 (45), pp. 27–33. (In Russ.).

9. Polyakov N.V. To the question of interaction of the bodies of the internal affairs of the Russian Federation with Rosfinmonitoring in the fight against illegal banking activities. *Nauchnyi komponent*, 2019, no. 4 (4), pp. 122–126. DOI: 10.51980/2686-939X_2019_4_122. (In Russ.).
10. Strakhov I.A., Kapustina N.V. Analysis of the effectiveness of interaction between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies in order to counter terrorism. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*, 2023, vol. 15, no. S3, available at: <https://esj.today/PDF/15FAVN323.pdf>. (In Russ.).
11. Kuzovleva N.F., Mityukova M.I., Kostina A.A. Enhancement of ways of interaction between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies and regulatory organizations. *Predstavitel'naya vlast' - XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy = Representative power – 21st century*, 2020, no. 5–6 (180–181), pp. 26–31. (In Russ.).
12. Danilkina V.M., Shuvaeva M.S. Selected Aspects of Financial Investigations. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 273–278. (In Russ.).
13. Akhpanov A.N., Madiyeva A.G. Some issues of countering financing terrorism and extremism. *Vestnik Evraziiskogo natsional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva = Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University*, 2019, no. 1 (126), pp. 66–71. (In Russ.).
14. Bondarenko O., Utkina M., Reznik O., Dumchikov M. Mechanisms for interaction of law enforcement agencies in the field of countering money laundering. *Journal of Money Laundering Control*, 2024, vol. 27, iss. 1, pp. 34–50. DOI: 10.1108/JMLC-01-2023-0006.
15. Pavlidis G. Financial information in the context of anti-money laundering: Broadening the access of law enforcement and facilitating information exchanges. *Journal of Money Laundering Control*, 2020, vol. 23, iss. 2, pp. 369–378. DOI: 10.1108/JMLC-10-2019-0081.
16. Zolkafilil S., Omar N., Syed Mustapha Nazri S.N.F. Implementation evaluation: a future direction in money laundering investigation. *Journal of Money Laundering Control*, 2019, vol. 22, iss. 2, pp. 318–326. DOI: 10.1108/JMLC-03-2018-0024.
17. Zakharova V.O., Samokhvalov I.A. About some features of the functioning of investigative and operational groups: errors and recommendations. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2023, vol. 16, no. 6, pp. 208–211. (In Russ.).
18. Larichev V.D., Kuchkina V.G. Concept and essence of investigative and investigative and operational groups. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Voronezh institute of the Ministry of the interior of Russia*, 2016, no. 1, pp. 118–124. (In Russ.).
19. Bastrygin A.S. Organizational and legal aspects of investigative group formation. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*, 2016, no. 117, pp. 216–233. (In Russ.).
20. Balovina I.V. Investigation group as an object of criminal procedure regulation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State service and personnel*, 2021, no. 5, pp. 25–26. (In Russ.).
21. Shkhagapsoyev Z.L., Khamgokov M.M. Comparative analysis of investigative and investigative operative groups. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2014, no. 6, pp. 76–80. (In Russ.).
22. Lubyagin M.S. The Investigative Team as an Object Of Criminal Procedure Legal Relations: A Methodological Analysis. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminological Readings*, 2022, no. 4 (38), pp. 11–22. DOI: 10.17150/2411-6122.2022.4.11-22. (In Russ.).
23. Gordeev A.Yu., Hor'yakov S.N. Procedural features of the preliminary investigation by the investigative group. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of law enforcement activity*, 2020, no. 3, pp. 19–27. (In Russ.).
24. Jayasekara S.D. Administrative model of financial intelligence units: an analysis of effectiveness of the AML/CFT regime. *Journal of Money Laundering Control*, 2022, vol. 25, iss. 3, pp. 511–525. DOI: 10.1108/JMLC-05-2021-0048.
25. Krainova N.A. Some trends of modern domestic state policy in the field of crime prevention. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 2, pp. 102–111. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(2).102-111.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королева Людмила Павловна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности *Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*
125167, Россия, г. Москва, пр. Ленинградский, 49/2
E-mail: LPKoroleva@fa.ru
ORCID: 0000-0002-8375-8524
ResearcherID: N-8494-2017
SPIN-код РИНЦ: 5336-2711

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Королева Л.П. Совершенствование взаимодействия Росфинмониторинга и правоохранительных органов при проведении расследований / Л.П. Королева // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 87–96. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).87-96.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Lyudmila P. Koroleva – PhD in Economics, Associate Professor; Leading Research Fellow, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems *Financial University under the Government of the Russian Federation*
49/2, Leningradskii pr., Moscow, 125167, Russia
E-mail: LPKoroleva@fa.ru
ORCID: 0000-0002-8375-8524
ResearcherID: N-8494-2017
RSCI SPIN-code: 5336-2711

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Koroleva L.P. Improvement of interaction between Rosfinmonitoring and law enforcement agencies in conducting investigations. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 87–96. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).87-96. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 342.962.6
DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(2).97-107

СРОКИ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СУДЬИ К ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.В. Никитина

*Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Хабаровск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
30 августа 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Дисциплинарная
ответственность,
дисциплинарное взыскание,
Закон о статусе судей,
конституционно-правовая
ответственность, независимость
судей, неприкосновенность
судей, освобождение от
ответственности, сроки
давности, статус судьи,
юридическая ответственность

Законодательно установленные сроки давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности являются дополнительной гарантией обеспечения их неприкосновенности и независимости. В статье отмечается отсутствие единообразной правоприменительной практики по вопросу исчисления указанных сроков и законодательно определенных правовых последствий их истечения в виде прекращения дисциплинарного производства, неприменение сроков давности при досрочном прекращении полномочий судей за нарушения, не признаваемые дисциплинарными проступками, что не способствует реализации предназначения института сроков давности в дисциплинарном производстве. Автором сформулированы предложения о внесении изменений и дополнений в Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» и Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей». Реализация этих предложений позволит обеспечить справедливость и предсказуемость решений о дисциплинарной ответственности судей, что в конечном итоге будет гарантировать их независимость.

LIMITATION PERIODS FOR BRINGING A JUDGE TO DISCIPLINARY RESPONSIBILITY: LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT PROBLEMS

Anna V. Nikitina

Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia

Article info

Received –
2024 August 30
Accepted –
2025 March 20
Available online –
2025 June 20

Keywords

Disciplinary responsibility,
disciplinary punishment, Law on
the status of judges, constitutional
and legal responsibility,

The subject. The existence of limitation periods for bringing to any type of legal liability is intended to ensure legal certainty and stability of legal relations, aimed at protecting a person from the threat of being subject to adverse consequences for an unreasonably long time.

The purpose of the study is to analyze the provisions of the Law of the Russian Federation “On the Status of Judges in the Russian Federation” establishing limitation periods for bringing a judge to disciplinary responsibility, and the practice of their application by the Supreme Court of the Russian Federation and qualification boards of judges. Objective of the study is to identify legislative and law enforcement defects of the institute of statutes of limitations for bringing judges to disciplinary responsibility; to formulate proposals aimed at solving these problems.

Methodology. General scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction and specific scientific methods – logical, comparative and systemic were used. The achievement of the set objectives was facilitated by the use of special legal methods – the formal-legal method and the method of legal modeling.

independence of judges, inviolability of judges, exemption from liability, statute of limitations, judge status, legal responsibility

Main results. Statutory limitation periods for bringing a judge to disciplinary responsibility are also an additional guarantee of ensuring their immunity and independence. The lack of uniform law enforcement practice on the issue of calculating these periods and legislatively defined legal consequences of their expiration in the form of termination of disciplinary proceedings, non-application of limitation periods in case of early termination of powers of judges for violation of anti-corruption restrictions, prohibitions and requirements that are not recognized as disciplinary offenses, do not contribute to the implementation of the purpose of the institute of limitation periods in disciplinary proceedings.

Conclusions include the author's proposals for amendments and additions to the Law of the Russian Federation "On the Status of Judges in the Russian Federation" and the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the judicial practice of applying legislation regulating issues of disciplinary responsibility of judges", the implementation of which will ensure the fairness and predictability of decisions on the disciplinary responsibility of judges, which will ultimately guarantee their independence.

1. Введение

Институт освобождения от юридической ответственности в связи с истечением сроков давности имеет межотраслевой характер; он известен практически всем отраслям российского права, обладающим в своем арсенале охранительными нормами [1; 2], будучи, однако, наиболее разработанным в уголовном и административном праве (см., напр.: [3–10]). В научной литературе отмечается, что «с помощью данного института закон освобождает участника правоотношений от ответственности или несения обязанности, ограничивая разумным сроком период неопределенности... что в конечном счете гарантирует соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, интересов государства, а также рациональную организацию деятельности правоприменителя» [11, с. 36–37]. Наличие давностных сроков призвано обеспечить правовую определенность и стабильность правоотношений, в определенной степени направлено на индивидуализацию и гуманизацию юридической ответственности.

Особое значение законодательно установленные сроки давности приобретают в случае привлече-

ния к ответственности судей как должностных лиц, наделенных особым правовым статусом, являясь дополнительной гарантией их неприкосновенности и независимости [12, с. 42–43; 13, с. 168; 14, с. 100].

2. Проблемы применения сроков давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности

Истечение определенных, установленных законом, сроков исключает применение дисциплинарного взыскания не только к «обычным» работникам, но и к государственным гражданским служащим¹, военнослужащим², сотрудникам Следственного комитета³, прокуратуры⁴, органов внутренних дел⁵, иным лицам, замещающим должности государственной и муниципальной службы. В аналогичном ключе решает данный вопрос Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей)⁶, п. 6 ст. 12.1 которого предусматривает, что «решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания не может быть принято по истечении шести месяцев со дня выявления дисциплинарного проступка, за исключением периода временной нетрудоспособности судьи, нахождения его в отпуске и времени проведения служебной про-

¹ Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.

² Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331.

³ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г.) «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 15.

⁴ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 25 декабря 2023 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

⁵ Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (ред. от 26 февраля 2024 г.) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

⁶ Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (с изм. от 27 ноября 2023 г.) «О статусе судей в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

верки, и по истечении двух лет со дня совершения дисциплинарного проступка».

Казалось бы, данная норма права обладает качеством правовой определенности и не должна вызывать проблем в процессе правоприменения. Однако в практике квалификационных коллегий судей и судов, рассматривающих административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) квалификационных коллегий судей, нередко возникают сложности, вызванные ее толкованием и применением.

Первая проблема связана с исчислением указанных сроков, в частности, с определением даты, с которой начинает течь шестимесячный срок, указанный в п. 6 ст. 12.1 Закона о статусе судей. Согласно разъяснению, данному в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной ответственности судей» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 13)⁷, «днем выявления дисциплинарного проступка, с которого начинается течение шестимесячного срока, считается день, когда председателю соответствующего или вышестоящего суда, органу судейского сообщества, уполномоченным на внесение соответствующего представления, обращения и заключения о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности, стало известно о совершении судьей дисциплинарного проступка». Подобное толкование соответствовало содержанию ч. 1 ст. 22 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» (далее – Закон об органах судейского сообщества)⁸ в редакции, действовавшей до 29 июля 2018 г., в соответствии с которой правом инициировать дисциплинарное производство в отношении судьи перед квалификационной коллегией судей обладали председатель соответствующего или вышестоящего суда либо орган судейского сообщества (например, Совет судей РФ или совет судей субъекта Российской Федерации). Действующая же редакция указанной статьи не наделяет председателей судов полномочиями обращаться в квалификационную коллегию судей с представлением о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности.

Вместе с тем зачастую именно председатель суда как должностное лицо, обладающее в отноше-

нии судей организационно-распорядительными полномочиями, обладает исходной информацией о совершении судьей дисциплинарного проступка и инициирует перед соответствующим советом судей проведение служебной проверки. Поэтому в таких случаях участники дисциплинарного производства (прежде всего привлекаемый к ответственности судья и его представитель), опираясь на разъяснения, данные в п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 13, ошибочно полагают, что сроки давности начинают течь с момента, когда о совершении дисциплинарного проступка узнал председатель суда. В связи с чем Верховному Суду РФ в решениях и определениях по делам о привлечении судей к дисциплинарной ответственности фактически приходится приводить аргументы о том, по какой причине не подлежат применению обязательные для него положения Постановления Пленума ВС РФ № 13.

Так, при рассмотрении административного дела по жалобе судьи районного суда В.С.Ю. на решение Квалификационной коллегии судей Приморского края о досрочном прекращении ее полномочий апелляционная коллегия Верховного Суда РФ отвергла как ошибочные доводы административного истца и ее представителей о том, что решение квалификационной коллегии судей принято за пределами срока давности. Судья была привлечена к дисциплинарной ответственности за факт непроцессуального общения с адвокатом по уголовному делу, который склонял ее к получению взятки. Отклонив предложение, судья, тем не менее, мер к урегулированию конфликта интересов не приняла, уполномоченные органы о склонении ее к совершению коррупционного правонарушения не уведомила. По мнению административного истца, о факте ее непроцессуального общения с адвокатом председателю Приморского краевого суда стало известно 3 июля 2020 г., когда этим судом было рассмотрено ходатайство следователя о производстве следственных действий в отношении судьи В.С.Ю. по уголовному делу, возбужденному в отношении адвоката, тогда как решение квалификационной коллегии принято 25 февраля 2021 г., т. е. за пределами шестимесячного срока со дня выявления дисциплинарного проступка. Поскольку дисциплинарное производство было инициировано руководителем следственного

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 6.

⁸ Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ (ред. от 8 декабря 2020 г.) «Об органах судейского сообщества в

Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 11. Ст. 1022.

управления Следственного комитета РФ по Приморскому краю, направившему обращение непосредственно в квалификационную коллегию судей, Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что днем выявления дисциплинарного проступка следует считать 10 февраля 2021 г., когда комиссией, образованной Квалификационной коллегией судей Приморского края, составлено заключение о наличии в действиях судьи В.С.Ю. признаков дисциплинарного проступка, сославшись при этом на ч. 1 ст. 22 Закона об органах судейского сообщества, которая в действующей редакции не наделяет председателей судов правом обращаться в квалификационную коллегию судей с инициативой о досрочном прекращении полномочий судьи в связи с совершением им дисциплинарного проступка⁹.

Таким образом, практика показывает, что существует необходимость приведения п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 13 в соответствие с действующей редакцией ч. 1 ст. 22 Закона об органах судейского сообщества.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ не разъясняет, с каким юридическим фактом следует связывать постановку органа судейского сообщества в известность о совершении судьей дисциплинарного проступка. В практике работы квалификационных коллегий судей распространен подход, при котором днем выявления дисциплинарного проступка считается дата составления дисциплинарной комиссией совета судей заключения о наличии в действиях судьи признаков дисциплинарного проступка¹⁰. Аналогичной позиции по большинству рассмотренных дел придерживается и Верховный Суд РФ¹¹, что демонстрирует и вышеприведенный пример.

Однако в некоторых случаях высшая судебная инстанция занимает иную позицию, сдвигая указанный срок на более позднюю или более раннюю дату. Например, в Решении Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № ДК23-43 указано, что днем выявления нарушений, расцененных

Высшей квалификационной коллегией судей РФ в качестве дисциплинарного проступка, следует считать день вынесения Президиумом Совета судей РФ постановления от 28 ноября 2022 г. об обращении в Высшую квалификационную коллегию судей РФ. Указанному обращению предшествовала проверка, проведенная дисциплинарной комиссией Совета судей РФ в период с 21 декабря 2022 г. по 20 января 2023 г. Аналогичное мнение высказал Верховный Суд РФ и в деле о прекращении отставки судьи Десятого арбитражного апелляционного суда Х.Э.Г.¹² Напомним, что президиум совета судей выносит постановление об обращении в квалификационную коллегию судей с инициативой о возбуждении дисциплинарного производства, основываясь на результатах проверки, проведенной дисциплинарной комиссией совета судей и отраженной в ее заключении.

В некоторых немногочисленных случаях Верховный Суд РФ связывает начало течения срока давности с датой поступления в совет судей информации от иных органов или должностных лиц о предположительном совершении судьей дисциплинарного проступка. Так, в одном из решений Дисциплинарная коллегия Верховного Суда РФ отметила, что «срок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности не истек, так как о совершении дисциплинарного проступка органу судейского сообщества стало известно... в день поступления информации из Следственного управления Следственного комитета России по Псковской области»¹³. В апелляционном определении по другому делу указано: «из материалов дисциплинарного производства видно, что о допущенных судьей нарушениях Совету судей Ростовской области... стало известно 12 июля 2023 г. из обращения начальника УФСБ по Ростовской области, а 17 июля 2023 г. по итогам проведенной проверки им (т. е. советом судей. – А. Н.) внесено обращение в Квалификационную коллегию судей Ростовской области о привлечении судьи, председателя суда Б.Г.Г. к дисциплинарной ответственности»¹⁴.

⁹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № АПЛ21-6Д. Здесь и далее судебные акты, если не указано иное, приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ См., напр.: Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 23 сентября 2021 г. // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2022. № 3. С. 24–27.

¹¹ См., напр., апелляционные определения Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 17 июня 2021 г. № АПЛ21-6Д, от 8 августа 2023 г. № АПЛ23-7Д, от 21 декабря 2023 г. № АПЛ23-15Д, от 27 июня 2024 г. № АПЛ24-7Д.

¹² Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 25 июля 2023 г. № АКПИ23-581.

¹³ Решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 21 февраля 2023 г. по делу № ДК23-9.

¹⁴ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28 мая 2024 г. № АПЛ24-5Д.

Как видим, практика Верховного Суда РФ по вопросу начала течения срока давности привлечения судей к дисциплинарной ответственности не отличается единообразием, нарушая принцип правовой определенности. В связи с этим полагаем, что в Постановлении Пленума ВС РФ № 13 должен найти отражение вопрос о том, с какого момента орган судейского сообщества считается поставленным в известность о факте совершении судьей дисциплинарного проступка. По нашему мнению, из трех представленных выше позиций Верховного Суда РФ наиболее логичной и отвечающей требованиям закона является третья – о том, что органу судейского сообщества становится известно о факте совершения дисциплинарного проступка в день обращения к нему должностного лица, органа публичной власти, гражданина или юридического лица с соответствующей информацией. Проведение служебной проверки способно подтвердить или опровергнуть этот факт. В том случае, если факт совершения дисциплинарного проступка был подтвержден в результате служебной проверки, время ее проведения исключается из шестимесячного срока в соответствии с п. 6 ст. 12.1 Закона о статусе судей.

Еще одна значимая правоприменительная проблема, связанная с течением сроков давности, вызвана тем, что в законах о статусе судей и об органах судейского сообщества, в Положении о порядке работы квалификационных коллегий судей¹⁵ отсутствуют правовые нормы, определяющие, какое решение необходимо принять квалификационной коллегией судей, если дисциплинарное производство возбуждено, а срок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности истек. Единственное, что указано в п. 7 ст. 28 Положения о порядке работы квалификационных коллегий судей, это то, что в случае истечения сроков давности не может быть принято решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания. Разъяснения по этому вопросу даны

в Решении Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 17 сентября 2015 г., в котором, в частности, указано, что «истечение срока привлечения судьи к дисциплинарной ответственности не является основанием для прекращения дисциплинарного производства. Если квалификационная коллегия судей придет к выводу, что факт совершения судьей дисциплинарного проступка установлен, но при этом срок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности истек... в резолютивной части решения квалификационная коллегия судей, признав совершение судьей дисциплинарного проступка, указывает, что дисциплинарное взыскание на судью не накладывается в связи с истечением срока привлечения к дисциплинарной ответственности»¹⁶.

По нашему мнению, подобный подход не соответствует сути института освобождения от ответственности в связи с истечением сроков давности. Решение подобного рода, принятое квалификационной коллегией судей, действительно, освобождает судью от дисциплинарного взыскания, но не исключает для него других неблагоприятных последствий, сходных с последствиями привлечения к дисциплинарной ответственности. В частности, судья, имеющий в своем «послужном списке» такое решение, может не пройти квалификационную аттестацию и не получить очередной квалификационный класс, а судье, претендующему на судейскую должность в ином суде, может быть отказано в назначении на должность по мотиву ранее совершенного дисциплинарного проступка. Не соответствует такой подход и правовой позиции Конституционного Суда РФ, по мнению которого «в основе установления сроков давности привлечения к ответственности лежит положение о том, что никто не может быть поставлен под угрозу возможного обременения на неопределенный или слишком длительный срок»¹⁷. В связи с этим более правильным представляется подход, при котором истечение сроков давности привлечения судьи к дисциплинар-

¹⁵ Утв. Высшей квалификационной коллегией судей РФ 22 марта 2007 г. (ред. от 21 ноября 2023 г.).

¹⁶ Решение Высшей квалификационной коллегии судей РФ от 17 сентября 2015 г. «Ответы на вопросы коллег».

¹⁷ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона “О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным

законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации” и статьи 116 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2007 год” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 33. Ст. 4948; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2021 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 части первой статьи 135, статьи 401.6 и пункта 1 части второй статьи 401.10 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина

ной ответственности должно влечь за собой исключение дисциплинарного производства, если оно еще не было возбуждено, и прекращение уже начавшегося дисциплинарного производства.

3. Дефекты правового регулирования

Сложности применения правовых норм о сроках давности в дисциплинарном производстве вызваны, в том числе, отдельными дефектами правового регулирования. Дело в том, что ст. 14 Закона о статусе судей предусматривает, что досрочное прекращение полномочий судьи может быть применено не только за совершение дисциплинарного проступка, но и за ряд иных нарушений, связанных с несоблюдением ограничений и запретов, установленных законодательством о противодействии коррупции, например за нарушение судьей или его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета иметь вклады и счета, хранить наличные денежные средства и ценности в зарубежных банках за пределами Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами (пп. 6.1 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей) и занятие не совместимой с должностью судьи деятельностью (пп. 7 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей) (подробнее об этом см.: [15]). Применительно к указанным основаниям позиция квалификационных коллегий судей, поддерживаемая Верховным Судом РФ, сводится к тому, что ответственность за данные нарушения не является дисциплинарной, несоблюдение предусмотренных законом запретов и (или) ограничений предусмотрено в качестве отдельных оснований для прекращения полномочий судьи в соответствии с пп. 6.1 и 7 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей, а потому гарантии, установленные ст. 12.1, в том числе исключение ответственности в связи с истечением сроков давности, не применимы.

Так, решением Квалификационной коллегии судей Республики Коми от 22 декабря 2021 г. досрочно прекращены полномочия судьи городского суда Ф.И. на основании пп. 6.1 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей в связи с несоблюдением запрета судьей и ее близким родственникам владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Обратившись в Верховный Суд РФ с административ-

ным иском заявлением об отмене указанного решения, бывшая судья ссылалась на то, что данное решение принято с нарушением шестимесячного срока привлечения ее к дисциплинарной ответственности, примененная к ней мера является чрезмерно строгой и несоразмерной допущенному нарушению; при принятии решения квалификационная коллегия судей не учла обстоятельства совершенного дисциплинарного проступка, а также данные, характеризующие ее личность, профессиональную деятельность, судейский опыт и качество ее работы. Верховный Суд РФ посчитал ошибочной ссылку административного истца на положения ст. 12.1 Закона о статусе судей, регулирующей дисциплинарную ответственность, отметив, что «основанием прекращения полномочий судьи в данном случае является не факт дисциплинарного проступка, за совершение которого на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи, а выявленный факт несоблюдения судьей и ее супругом запретов и ограничений. Данное обстоятельство является санкцией за совершение коррупционного правонарушения и самостоятельным основанием для прекращения полномочий судьи»¹⁸.

Указанная позиция Верховного Суда РФ со всей очевидностью может быть распространена и на председателей, заместителей председателей и судей Конституционного, Верховного судов РФ, кассационных и апелляционных судов, для которых основания досрочного прекращения полномочий установлены ст. 14.1 Закона о статусе судей на основании положений Конституции РФ, которые были внесены поправками 2020 г. (п. «е.3» ст. 83 и п. «л» ч. 1 ст. 102 Конституции РФ предусмотрели, что полномочия данных лиц прекращаются Советом Федерации по представлению Президента РФ)¹⁹. Помимо нарушения запретов, аналогичных тем, что перечислены выше, основаниями досрочного прекращения полномочий руководителей и судей судов высшего и среднего звена являются: совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи, несоблюдение ограничений, запретов и требований, установленных Федеральным законом «О противодействии

А.П. Атрощенко // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2021. № 40. Ст. 6943.

¹⁸ Решение Верховного Суда РФ от 10 марта 2022 г. по делу № АКПИ22-67.

¹⁹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2020. № 11. Ст. 1416.

коррупции», а также запретов, связанных со сменой гражданства Российской Федерации или приобретением права на постоянное проживание в иностранном государстве. Не останавливаясь подробно на проблемах реализации указанных норм, поскольку они уже были предметом отдельных научных исследований [16, с. 199–205; 17, с. 48; 18, с. 21; 19, с. 227–228], отметим лишь, что ни новые положения Конституции РФ, ни Закон о статусе судей не называют указанные нарушения дисциплинарными проступками, а досрочное прекращение полномочий судьи за их совершение – мерами дисциплинарной ответственности, что в целом логично, поскольку такая ответственность носит именно конституционно-правовой характер [20; 21]. При этом, соответственно, положения п. 6 ст. 12.1 Закона о статусе судей, устанавливающие сроки, по истечении которых исключается применение к судье дисциплинарного взыскания, к этим случаям не будут применимы. А специальное законодательство, подробно регулирующее механизм привлечения руководителей и судей высшего и среднего звена к ответственности, указанной в Конституции РФ, отсутствует.

Вместе с тем досрочное прекращение полномочий судьи в качестве крайней, наиболее жесткой меры ответственности судьи, лишаящей его всех гарантий, в отсутствие законодательно установленных сроков давности, истечение которых является универсальным, характерным для всех видов оснований освобождения от юридической ответственности [2, с. 7], не может не вызывать беспокойства, поскольку ставит под угрозу принцип неприкосновенности, являющийся важнейшей гарантией независимости судей и судебной власти в целом [22, с. 19]. Н.В. Витрук справедливо отметил: «устанавливая определенный срок давности, законодатель тем самым презюмирует, что за этот срок правонарушение потеряло общественную опасность и (или) сам правонарушитель не представляет общественной опасности; ответственность не может преследовать человека всю его жизнь. В этом состоит социальный смысл института давности в публичном праве» [23, с. 329].

Рассматривая дела, связанные с применением сроков давности, Конституционный Суд РФ выработал правовые позиции, распространяющиеся, по нашему мнению, в одинаковой мере на все виды юридической ответственности: «наличие сроков, в течение которых для лица во взаимоотношениях с государством могут наступать неблагоприятные последствия, представляет собой необходимое условие применения этих последствий»²⁰; «при регулировании вопросов ответственности законодатель связан требованием соблюдения баланса частных и публичных интересов и должен не только создавать условия для обеспечения неотвратимости ответственности, но и не допускать нахождения совершивших правонарушение лиц под угрозой преследования и наказания в течение неоправданно длительного времени»²¹. Эти позиции приобретают особую актуальность в связи с привлечением к ответственности именно судей как носителей независимой судебной власти, специальный статус которых гарантируется Конституцией РФ.

Полагаем в связи с этим, что законодательно должны быть установлены сроки давности для применения такой меры, как досрочное прекращение полномочий судьи по «правонарушающим» основаниям, не являющимся дисциплинарным проступком, которые могут быть аналогичными тем, что указаны в п. 6 ст. 12.1 Закона о статусе судей. Соответствующие дополнения могут быть внесены в ст. 14 и 14.1 Закона о статусе судей.

4. Заключение

Правовая определенность в вопросах установления и применения сроков давности при привлечении судей к дисциплинарной, конституционной и иной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий за нарушения, не признаваемые дисциплинарными проступками, служит дополнительной гарантией их независимости и неприкосновенности. В то же время отсутствие единообразной правоприменительной практики по вопросу исчисления указанных сроков и законодательно определенных правовых последствий их истечения, непри-

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 г. № 20-П.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонару-

шениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 8. Ст. 868.

менение сроков давности при досрочном прекращении полномочий судей за нарушения, не признаваемые дисциплинарными проступками, не способствуют реализации предназначения института сроков давности в дисциплинарном производстве. Для решения указанных проблем предлагается:

– дополнить п. 6 ст. 12.1 Закона о статусе судей положением о прекращении дисциплинарного производства в случае истечения сроков давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности;

– закрепить в ст. 14 и 14.1 Закона о статусе судей сроки давности применения досрочного прекращения полномочий судьи по основаниям, связанным с нарушением закона, но не являющимися дисциплинарными проступками;

– привести п. 9 Постановления Пленума ВС РФ № 13 «О судебной практике применения законодательства, регулирующего вопросы дисциплинарной

ответственности судей» в соответствие с положениями ст. 22 Закона об органах судейского сообщества в части перечня лиц, являющихся инициаторами дисциплинарного производства;

– в целях корректного исчисления сроков давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности включить в Постановление Пленума ВС РФ № 13 разъяснения о том, что органу судейского сообщества как инициатору дисциплинарного производства становится известно о факте совершенного дисциплинарного проступка в день обращения к нему должностного лица, органа публичной власти, гражданина или юридического лица с информацией, содержащей сведения о предполагаемом совершении судьей дисциплинарного проступка либо получения таких сведений другим способом.

Представляется, что указанные меры в конечном счете будут способствовать усилению независимости судей и судебной власти в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Торопкин С. А. Давность в российском праве: Проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Торопкин. – Н. Новгород, 2004. – 29 с.
2. Тихоненко И. Н. Основания освобождения от юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. Н. Тихоненко. – М., 1995. – 21 с.
3. Ендольцева А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Ендольцева. – М., 2005. – 50 с.
4. Ендольцева А. В. Правовые последствия истечения сроков давности совершенного преступления: российский и зарубежный опыт : моногр. / А. В. Ендольцева, Ю. В. Ендольцева. – М. : МГИМО-Университет, 2017. – 184 с.
5. Дугенец А. С. Процессуальные сроки в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Дугенец. – М., 1995. – 26 с.
6. Ефремова И. А. Институт освобождения от наказания в теории уголовного права, законодательной и судебной практике : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И. А. Ефремова. – Саратов, 2018. – 56 с.
7. Кузьмина О. Н. Институт освобождения от уголовной ответственности: генезис формирования, современное состояние, перспективы оптимизации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Кузьмина. – Краснодар, 2020. – 24 с.
8. Маликов С. В. Учение о времени и сроках в уголовном праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Маликов. – М., 2019. – 48 с.
9. Махмудова М. А. Сроки давности в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Махмудова. – Махачкала, 2011. – 28 с.
10. Мещерякова Т. Р. Сроки в законодательстве об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т. Р. Мещерякова. – Челябинск, 2011. – 24 с.
11. Архипов А. А. Сроки в налоговом праве : моногр. / А. А. Архипов. – М. : Статут, 2011. – 199 с.
12. Петухов Н. А. Правовое регулирование дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации / Н. А. Петухов, А. С. Мамыкин // Российское правосудие. – 2013. – № 10. – С. 38–51.
13. Овчаренко Е. Н. Проблема определения сроков давности привлечения судей к ответственности за нарушение присяги / Е. Н. Овчаренко // Проблемы законности. – 2013. – № 124. – С. 168–176.

14. Туганов Ю. Н. Пресекательные сроки дисциплинарной ответственности судей: проблемы и пути решения / Ю. Н. Туганов // Современное право. – 2011. – № 3. – С. 95–100.
15. Глазунова И. В. Досрочное прекращение полномочий судьи как мера юридической ответственности: проблемы правового регулирования и правоприменения / И. В. Глазунова, А. В. Никитина // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 126–135. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).126-135.
16. Кирющенко И. И. Досрочное прекращение полномочий судей в контексте конституционных преобразований / И. И. Кирющенко // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – Т. 17, № 4. – С. 196–209. – DOI: 10.33184/pravgos-2021.4.13.
17. Королева Е. В. Досрочное прекращение полномочий председателя суда Советом Федерации по представлению Президента РФ / Е. В. Королева // Российский судья. – 2021. – № 10. – С. 45–48.
18. Кошель А. С. Досрочное прекращение полномочий руководителей и судей высших судов в Российской Федерации как мера ответственности (на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации) / А. С. Кошель, О. Е. Шишкина // Журнал конституционного правосудия. – 2022. – № 1. – С. 12–22.
19. Никитина А. В. Поправки к Конституции РФ 2020 как новый этап развития законодательства об ответственности судей / А. В. Никитина // Конституция Российской Федерации: вчера, сегодня, завтра (к 30-летию со дня принятия) : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. К. А. Волков. – Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2024. – С. 223–228.
20. Очередыко В. П. Конституционно-правовая ответственность в системе юридической ответственности судей / В. П. Очередыко, К. А. Сафронова // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 4. – С. 52–57. – DOI: 10.24412/2073-0454-2021-4-52-57.
21. Клеандров М. И. О современных проблемах механизма ответственности судей за дисциплинарный проступок: правоприменительная практика, общие подходы. Часть 1. Прекращение полномочий судьи за тяжкое правонарушение после конституционных нововведений 2020 года – конституционная или дисциплинарная ответственность? / М. И. Клеандров // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 39–59. – DOI: 10.31857/S1026945224030044.
22. Лебедев В. М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние / В. М. Лебедев // Журнал российского права. – 2019. – № 11. – С. 5–24. – DOI: 10.12737/jrl.2019.11.1.
23. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности : моногр. / Н. В. Витрук. – М. : Норма, 2009. – 432 с.

REFERENCES

1. Toropkin S.A. *Prescription in Russian Law: Problems of theory and practice*, Cand. Diss. Thesis. Nizhny Novgorod, 2004. 29 p. (In Russ.).
2. Tikhonenko I.N. *Grounds for exemption from legal liability*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1995. 21 p. (In Russ.).
3. Endol'tseva A.V. *The institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement problems*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2005. 50 p. (In Russ.).
4. Endol'tseva A.V., Endol'tseva Yu.V. *The legal consequences of the expiration of the statute of limitations of the committed crime: Russian and foreign experience*, Monograph. Moscow, MGIMO University Publ., 2017. 184 p. (In Russ.).
5. Dugenets A.S. *Procedural deadlines in the proceedings on administrative offenses*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 1995. 26 p. (In Russ.).
6. Efremova I.A. *The Institute of exemption from punishment in the theory of criminal law, legislative and judicial practice*, Doct. Diss. Thesis. Saratov, 2018. 56 p. (In Russ.).
7. Kuz'mina O.N. *The Institute of exemption from criminal liability: the genesis of formation, current state, prospects for optimization*, Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2020. 24 p. (In Russ.).
8. Malikov S.V. *The doctrine of time and deadlines in criminal law*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2019. 48 p. (In Russ.).

9. Makhmudova M.A. *Limitation periods in criminal law*, Cand. Diss. Thesis. Mahachkala, 2011. 28 p. (In Russ.).
10. Meshcheryakova T.R. *Terms in the legislation on administrative offenses*, Cand. Diss. Thesis. Chelyabinsk, 2011. 24 p. (In Russ.).
11. Arkhipov A.A. *Deadlines in tax law*, Monograph. Moscow, Statut Publ., 2011. 199 p. (In Russ.).
12. Petuhov N.A., Mamykin A.S. Legal regulation of disciplinary responsibility of judges in the Russian Federation. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2013, no. 10, pp. 38–51. (In Russ.).
13. Ovcharenko O.M. The problem of determination of the limitation period for bringing judges under responsibility for violation of the judicial oath. *Problemy zakonnosti = Problems of legality*, 2013, no. 124, pp. 168–176. (In Russ.).
14. Tuganov Yu.N. Limitation periods of bringing to the judges as disciplinary responsibility: problems and ways of solving them. *Sovremennoe pravo*, 2011, no. 3, pp. 95–100. (In Russ.).
15. Glazunova I.V., Nikitina A.V. Early termination of a judge's powers as a measure of legal responsibility: problems of legal regulation and law enforcement. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 126–135. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).126-135.
16. Kiryushchenko I.I. Early termination of the powers of judges in the context of constitutional reforms. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The rule-of-law state: theory and practice*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 196–209. DOI: 10.33184/pravgos-2021.4.13. (In Russ.).
17. Koroleva E.V. Early termination of authorities of the presiding judge of a court by the Federation Council upon a recommendation of the president of the Russian Federation. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*, 2021, no. 10, pp. 45–48. (In Russ.).
18. Koshel A.S., Shishkina O.E. Early termination of powers of the heads and judges of the highest courts as a measure of responsibility (based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2022, no. 7, pp. 12–22. (In Russ.).
19. Nikitina A.V. Amendments to the Constitution of the Russian Federation 2020 as a new stage in the development of legislation on judicial responsibility, in: Volkov K.A. (ed.). *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii: vchera, segodnya, zavtra* (on the 30th anniversary of its adoption), Materials of the International scientific and practical conference, Khabarovsk, Pacific State University Publ., 2024, pp. 223–228. (In Russ.).
20. Ocheredko V.P., Safronova K.A. Constitutional and legal responsibility in the system of legal responsibility of judges. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2021, no. 4, pp. 52–57. DOI: 10.24412/2073-0454-2021-4-52-57. (In Russ.).
21. Kleandrov M.I. On modern problems of the mechanism of judges' responsibility for disciplinary misconduct; law enforcement practice, general approaches. Part 1. Termination of the powers of a judge for a serious offense after the constitutional innovations of 2020 – constitutional or disciplinary responsibility?. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 3, pp. 39–59. DOI: 10.31857/S1026945224030044. (In Russ.).
22. Lebedev V.M. Guarantees of judicial independence in the Russian Federation: concept, history of formation and current state. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 11, pp. 5–24. DOI: 10.12737/jrl.2019.11.1. (In Russ.).
23. Vitruk N.V. *General theory of legal responsibility*. Moscow, Norma Publ., 2009. 432 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Анна Васильевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия
680014, Россия, г. Хабаровск, Восточное шоссе, 49
E-mail: A_Nikitina@inbox.ru
SPIN-код РИНЦ: 8657-1647; AuthorID: 395573

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Anna V. Nikitina – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Civil Law
Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice
49, Vostochnoe shosse, Khabarovsk, 680014, Russia
E-mail: A_Nikitina@inbox.ru
RSCI SPIN-code: 8657-1647; AuthorID: 395573

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Никитина А.В. Сроки давности привлечения судьи к дисциплинарной ответственности: законодательные и правоприменительные проблемы / А.В. Никитина // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 97–107. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).97-107.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Nikitina A.V. Limitation periods for bringing a judge to disciplinary responsibility: legislative and law enforcement problems. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 97–107. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).97-107. (In Russ.).

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС МОНГОЛИИ. ОБЩАЯ ЧАСТЬ. НАКАЗАНИЕ

В.М. Степашин

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
01 июля 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Уголовный кодекс Монголии,
зарубежное уголовное право,
Общая часть уголовного права,
наказание

Изучаются особенности регулирования наказаний и их назначения в Уголовном кодексе Монголии как одном из новейших уголовных законов. Выявлены следующие специфические черты уголовного наказания и его назначения в Монголии: 1. Целями уголовной ответственности названы кара, восстановление прав, нарушенных преступлением, и возмещение ущерба или предупреждение совершения новых преступлений, а также ресоциализация. 2. Система наказаний существенно упрощена за счет исключения специальных наказаний для военнослужащих, а также дублирующих друг друга по содержанию видов наказания. В качестве основных могут быть назначены четыре вида наказаний: штраф, общественно полезные работы, ограничение прав на передвижение, лишение свободы. Смертная казнь исключена. Единственным дополнительным видом наказания является лишение права. 3. Смягчение наказания достигается путем установления понижающего коэффициента, применяемого не только к верхней, но и к нижней границе санкции. Назначение наказания при множественности преступлений допускает сложение штрафа с другими видами наказания. Исключена возможность назначения лишения свободы на срок, превышающий двадцать лет. 4. Условное осуждение на срок до пяти лет является альтернативной наказанию самостоятельной принудительной мерой – без назначения наказания в виде лишения свободы. 5. Единственным видом наказания юридических лиц является штраф. К нему могут быть присоединены принудительные меры. Делается вывод о необходимости использовать положительный опыт монгольского законодательства в решении вопросов наказания и его назначения.

THE CRIMINAL CODE OF MONGOLIA. THE GENERAL PART. PUNISHMENT

Vitaly M. Stepashin

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –
2024 July 01
Accepted –
2025 March 20
Available online –
2025 June 20

Keywords

Criminal Code of Mongolia, foreign
criminal law, General part of
criminal law, punishment

The subject. The Criminal Code of Mongolia, as one of the newest criminal laws, needs to be studied.

The purpose of the study is to identify the features of criminal punishment and its appointment in Mongolia.

The author uses method of formal legal interpretation of Mongolian Criminal Code.

Main results: (1) Criminal liability in Mongolia consists of punishments and coercive measures. Its goals include: punishment, restoration of rights violated by a crime, and compensation for damage or prevention of new crimes, as well as re-socialization. (2) The system of punishments has been significantly simplified. It is free from special punishments for military personnel, as well as types of punishment that duplicate each other in terms of content. There are 5 types of punishments in the current Criminal Code. Four of them can be assigned as the main ones: a fine, community service, restriction of movement rights, and imprisonment. The death penalty is excluded. The only additional type of punishment is deprivation of the right. The Court has been given a fairly wide margin of appreciation. (3) The procedure and grounds for bringing to criminal responsibility and exemption from criminal liability. The Law establishes general rules for criminal prosecution and special rules for sentencing. The latter also provide for the possibility of release from punishment, as well as the application of coercive measures (suspended sentence or restriction of rights) to the perpetrator. Mitigation of punishment is achieved by setting a reduction coefficient applied not only to the upper, but also to the lower limit of the sanction. The imposition of punishment for multiple crimes allows

for the addition of a fine with other types of punishment. The possibility of imposing imprisonment for a term exceeding twenty years is excluded. (4) Probation and compulsory measures. A suspended sentence of up to five years is an alternative to punishment as an independent compulsory measure, without imposing a custodial sentence. At the same time, the scope of application of probation is significantly narrowed. The court may attach all types of coercive measures to the prescribed punishment. (5) The specifics of sentencing minors under criminal law demonstrate the most vivid embodiment of the idea of humanizing the criminal policy of the state. The legislator ruled out the possibility of imposing a fine on minors, and transformed the punishment in the form of imprisonment into its sparing form - imprisonment in a special educational institution. 6. Liability of legal entities. The only form of punishment is a fine. Compulsory measures may be attached to it.

Conclusions. It is necessary to use the positive experience of Mongolian legislation in addressing issues of punishment and its appointment in Russia.

1. Введение

В Монголии действует Уголовный кодекс (далее – УК), который был принят 3 декабря 2015 г. (вступил в законную силу с 1 июля 2017 г.) и характеризуется многими новациями. Первый перевод полного текста УК Монголии был осуществлен Омской академией МВД РФ и Университетом внутренних дел Монголии¹. Он и взят за основу в настоящей работе. Как отмечалось в первой части [1], в доктрине новый УК Монголии получил высокую оценку [2, с. 107–109; 3, с. 119]. Не случайным потому видится заметный рост числа публикаций (см.: [4; 5] и мн. др.), посвященных законодательным решениям УК Монголии. Очевидна необходимость учета и использования положительного опыта монгольского уголовного законодательства в решении вопросов наказания и его назначения.

2. Уголовная ответственность

Во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 5.1 УК Монголии уголовная ответственность состоит из наказаний и принудительных мер. Во-вторых, существенной спецификой обладает ответственность несовершеннолетних (гл. 8). В-третьих, признание в качестве субъекта преступления не только физического, но и юридического лица обусловило наличие самостоятельной системы видов уголовной ответственности (гл. 9).

Целями уголовной ответственности (ч. 1 ст. 5.1) названы: кара физического лица или юридического лица, совершивших преступление, восстановление прав, нарушенных преступлением, и возмещение ущерба или предупреждение совершения новых преступлений, а также ресоциализация человека, совершившего преступление. Последняя цель преследуется лишь в отношении физических лиц.

3. Система наказаний

В отечественной доктрине активно исследуются прогрессивные положения о системе наказаний, нашедшие свое закрепление в УК Монголии [6]. В действующем УК Монголии – пять видов наказаний. Четыре из них могут быть назначены в качестве основных, и в перечне наказаний они расположены от самого мягкого к более строгому: штраф, общественно полезные работы, ограничение прав на передвижение, лишение свободы. Последним названо – и тем самым обособлено – лишение права, которое применяется в качестве дополнительного вида наказания.

Таким образом, ограничение свободы передвижения закреплено в качестве нового вида наказания. Конфискация имущества перенесена в категорию принудительных мер. Арест исключен как излишняя мера ввиду понижения минимального срока наказания в виде лишения свободы до 7 дней.

Особого внимания, тем более на фоне дискуссий о правомерности запрета смертной казни Конституционным Судом РФ [7], заслуживает полное исключение из УК Монголии смертной казни. До этого в январе 2012 г. президент Монголии Цахиагийн Элбэгдорж впервые ввел мораторий на смертную казнь, что было неоднозначно воспринято населением [8].

Штраф определяется в ч. 1 ст. 5.3 УК Монголии как возложение денежного взыскания на лицо, совершившее преступление, измеряемого в штрафных единицах. Его размер устанавливается тугриками в размере от ста до сорока тысяч единиц. При этом штраф может быть назначен судом с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до трех лет с учетом имущественного положения осужденного,

¹ Уголовный кодекс Монголии / пер. с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. пер. и предисл.

М.В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко. Омск: Ом. акад. МВД России, 2020. 144 с.

а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода.

Закон предусматривает последствия неуплаты штрафа, они довольно жесткие: замена только лишением свободы. При этом сумма, которую оплатил осужденный, учитывается при определении срока лишения свободы из расчета пятнадцать единиц за один день лишения свободы.

Кроме того, УК Монголии прямо исключает возможность замены остальных основных видов наказания штрафом. Не допускается назначение штрафа в качестве дополнительного наказания.

Понятие, схожие и отличительные признаки *штрафа* в современном российском и монгольском уголовном законе, порядок и практика назначения штрафа как физическим, так и юридическим лицам также находятся в центре внимания российских ученых, включая представителей Омской школы уголовного права [9–12]. Отмечается, что в практике монгольских судов при назначении штрафа не всегда учитывается имущественное положение осужденного и его семьи, а также возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода [13].

Наказанием в виде *общественно полезных работ* (ст. 5.4 УК Монголии) является установленная судом обязанность выполнения в интересах общества работы лицом, совершившим преступление, без оплаты. Ограничения в их применении установлены более корректно, нежели в российском уголовном законе. Во-первых, это наказание не может быть назначено лицам, признанным полностью утратившими трудоспособность. Во-вторых, беременным женщинам, женщинам, достигшим пятидесятипятилетнего возраста, мужчинам, достигшим шестидесятилетнего возраста, не назначаются работы, непосредственно влияющие на здоровье человека, что не исключает применения к указанным категориям лиц рассматриваемого наказания.

Заметно выше – по сравнению с УК РФ – количественные параметры общественно полезных работ: они предусмотрены на срок от двухсот сорока до семисот двадцати часов. При этом общественно полезные работы отбываются не свыше восьми часов в день. Установлены критерии определения срока и продолжительности отбывания наказания: обстоятельства совершения преступления, признаки вреда или ущерба и личность преступника.

Уклонение осужденного от отбывания общественно полезных работ влечет их замену лишением свободы из расчета, как в России, восемь часов об-

щественно полезных работ за один день лишения свободы.

Ограничение прав на передвижение (ст. 5.5) имеет определенные сходства с российским наказанием в виде ограничения свободы. Оно заключается: а) в установлении запрета лицу, совершившему преступление, на уход из места жительства или посещение им определенных мест под контролем правомочного органа, и б) возложении обязанностей по передвижению строго по установленным судом направлениям и изменению места жительства с согласия правомочного органа.

Кроме того, с учетом обстоятельств совершения преступления, размеров вреда или ущерба, личности преступника, суд может запретить общаться с определенным человеком или с другими людьми при установлении опасности, которую осужденный представляет для них. Продолжительность ограничения прав на передвижение предусмотрена на срок от одного месяца до пяти лет.

Уклонение осужденного от отбывания этого наказания влечет его замену лишением свободы с достаточным жестким коэффициентом: из расчета один день ограничения прав на передвижение за один день лишения свободы.

Лишение свободы (ст. 5.6 УК Монголии) – наиболее строгий вид наказания – определяется как ограничение свободы лица, совершившего преступление, с содержанием в специализированных учреждениях и делится на три вида: с содержанием на определенный срок в учреждении 1) открытого вида; 2) закрытого вида; 3) закрытого вида в строгой изоляции пожизненно.

Лишение свободы назначается на срок от семи дней до двадцати лет.

Суд самостоятельно решает вопрос об отбывании наказания в местах лишения свободы открытого или закрытого вида – в зависимости от обстоятельств совершения преступления, тяжести вреда или ущерба, причиненных преступлением, личности преступника. Жестких, максимально формализованных предписаний, предопределяющих вид пенитенциарного учреждения, аналогичных положениям ст. 58 УК РФ, в монгольском УК нет.

Сняты ограничения по применению пожизненного лишения свободы: оно не назначается только лицам, совершившим преступления до достижения восемнадцатилетнего возраста, хотя указание на это в УК Монголии избыточно ввиду невозможности назначения лишения свободы несовершеннолетним. Однако допустимость назначения лишения сво-

боды пожизненно мужчинам пожилого возраста и женщинам критически воспринята представителями монгольской уголовно-правовой науки [14]. Если осужденный отбыл двадцать пять лет пожизненного лишения свободы, судом решается вопрос об освобождении осужденного от отбывания наказания, а в случае отказа в освобождении этот вопрос обсуждается каждые последующие два года.

Единственным дополнительным видом наказания по УК Монголии является *лишение права* (ст. 5.7), которое, как и в России, предполагает установление запрета либо состоять на публичной службе, либо заниматься профессиональной деятельностью, либо запрещение иных прав лица, совершившего преступление. Продолжительность наказания составляет от одного года до восьми лет (ранее – до пяти лет).

Лишение права назначается обязательно в случае, если это предусмотрено Особенной частью УК Монголии, но может быть назначено и по усмотрению суда. Кроме того, монгольский законодатель недвусмысленно указывает на возможность дополнительно назначения этого наказания за совершение преступлений против половой неприкосновенности детей (гл. 12 УК Монголии), а также за преступления против детей (гл. 16 УК Монголии), совершенные их отцом, матерью, опекуном или попечителем.

Таким образом, система наказаний в Монголии существенно упрощена. Она избавлена от специальных наказаний для военнослужащих, а также дублирующих видов наказания. Суду предоставлено достаточно широкая свобода усмотрения в выборе вида наказания, ограничения в применении последних по кругу лиц минимальны. Самым строгим наказанием выступает лишение свободы, и только им заменяются все основные виды наказаний в случае уклонения осужденного от их отбывания. Лишь в редких случаях оно предусмотрено в санкциях норм Особенной части безальтернативно.

4. Порядок, основания привлечения к уголовной ответственности и освобождения от уголовной ответственности

В гл. 6 УК Монголии содержатся нормативные предписания, определяющие: общие правила привлечения к уголовной ответственности; специальные правила назначения наказания; правила освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Общие правила привлечения к уголовной ответственности имеют определенное сходство с установленными в ст. 60 УК РФ общими началами назначения наказания. Монгольский законодатель выделяет лишь один специальный принцип привлечения

к уголовной ответственности – гуманизма: при привлечении лица к уголовной ответственности не допускаются негуманность, жестокость, унижение чести и достоинства человека. Причем эта идея сформулирована более корректно, нежели в российском уголовном законе.

Специальные правила привлечения к уголовной ответственности, предполагающие ее смягчение, содержатся в ст. 6.7 УК Монголии. Наряду со смягчением наказания они предусматривают возможность освобождения от наказания, а также применения принудительных мер к виновному.

Основанием их применения является более низкая общественная опасность лица, обусловленная: 1) признанием вины в совершении преступления, которая была доказана; 2) возмещением причиненного в результате преступления ущерба или изъявлением желания его возместить; 3) исполнением лицом возложенных на него судом обязанностей в период применения принудительных мер в виде возложения обязанности или ограничения права без назначения наказания (в случае применения такой меры).

Формы смягчения ответственности, равно как и степень смягчения наказания и продолжительность условного осуждения, зависят от тяжести совершенного преступления, критериями которой выступают пределы лишения свободы, предусмотренного за преступления, либо только его максимальный срок, установленный в санкции нормы Особенной части. Смягчение наказания достигается путем установления понижающего коэффициента, применяемого не только к верхней, но и нижней границе санкции (см. табл.).

Следует отметить существенные особенности монгольских правил назначения наказания при множественности преступлений: 1) вопрос о сложении назначаемых наказаний либо об отдельном назначении наказания решается судом; 2) допускается сложение штрафа с другими видами наказания (тугрики в размере пятнадцати единиц приравниваются к одному дню лишения свободы); 3) общий размер наказания при сложении не может превышать максимального размера наказания в виде лишения свободы, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений, а по совокупности приговоров – максимального размера, предусмотренного для этого вида наказания, тем самым исключена возможность назначения лишения свободы на срок, превышающий установленную в Общей части его максимальную продолжительность; 4) правила назначения наказания по совокупности приговоров

Смягчение ответственности по УК Монголии

Срок лишения свободы, установленный за преступление	Формы смягчения ответственности
Не более трех лет	Освобождение от наказания, условное осуждение на срок до трех лет либо ограничение прав
Не более пяти лет	Условное осуждение на срок до пяти лет либо ограничение прав
Свыше двух и не более восьми лет	Наказание не более 1/2 максимального и не менее 1/2 минимального срока наказания
До двенадцати либо до пятнадцати лет	Наказание не более 2/3 максимального и не менее 2/3 минимального срока наказания
До двадцати лет и не установлено пожизненное лишение свободы	Наказание не более 3/4 максимального и не менее 3/4 минимального срока наказания
Пожизненное лишение свободы	Применение лишения свободы на определенный срок

применяются и к случаям осуждения за совершенное до вынесения приговора суда по первому делу преступление, о котором стало известно после вынесения первого приговора (ч. 1 ст. 6.9 УК Монголии). В России такая комбинация оценивается как совокупность преступлений (ч. 5 ст. 69 УК РФ).

5. Условное осуждение и принудительные меры

Глава 7 УК Монголии посвящена условному осуждению и применению принудительных мер. Само условное осуждение на срок до пяти лет является альтернативной наказанию самостоятельной принудительной мерой – без назначения наказания в виде лишения свободы. При этом сфера его применения существенно сужена: 1) оно назначается только в случае совершения преступления небольшой тяжести и 2) не может быть определено в случаях повторного совершения умышленных преступлений, а также членам организованной группы. Обязательным условием для назначения этой меры является признание вины; возмещение ущерба или изъявление желания возмещения ущерба (в последнем случае судом устанавливается срок возмещения).

Суд, учитывая обстоятельства совершения преступления и личность преступника, возлагает предусмотренные ч. 2 и 3 ст. 7.3 УК Монголии принудительные меры: несколько обязанностей (выполнять определенные работы и обязанности и др.) или уста-

навливает несколько ограничений (запрет на посещение определенного места и общение с определенными людьми; запрет на выполнение определенного вида деятельности и др.). Их невыполнение (нарушение), равно как и совершение условно осужденным в течение испытательного срока умышленного преступления, влекут отмену условного осуждения и назначение наказания. В случае совершения преступления по неосторожности суд решает вопрос об отмене или сохранении условного осуждения.

Эффективность применения условного осуждения признаётся довольно высокой. Так, общее число уклонившихся от исполнения обязанностей в Монголии составляет около 0,4 % всех условно осужденных [15; 16, с. 35].

Характерно, что перечисленные виды принудительных мер, а также принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества суд может присоединить к назначенному наказанию (ч. 1 ст. 7.2 УК Монголии). Назначаемые меры являются дополнительным видом наказания (ч. 2 ст. 6.4 УК Монголии), что свидетельствует об отождествлении наказания и принудительных мер медицинского характера [17].

Определенной спецификой обладает и конфискация имущества. В частности, принудительное изъятие имущества или доходов осуществляется в целях возмещения вреда, причиненного другим лицам, а также для оплаты расходов на проведение процесса по рассмотрению дела в размере, соответствующем вреду. Лишь если размер имущества или дохода, полученных в результате совершения преступления, превышает размер причиненного вреда, имущество или доходы передаются в государственный бюджет.

Завершают главу предписания об отсрочке исполнения приговора суда от отбывания наказания (ст. 7.6). Она может быть применена на срок до двух лет: 1) несовершеннолетнему, впервые совершившему преступление небольшой тяжести; 2) беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до трех лет, либо мужчине, имеющему ребенка и являющемуся единственным родителем.

6. Особенности назначения наказания несовершеннолетним

В Монголии принято около 60 законов и других нормативных актов, касающихся несовершеннолетних правонарушителей [18, с. 82–83]. Уголовная ответственность, применяемая к несовершеннолетнему, должна быть направлена на помощь найти свое место в обществе, получить образование, осо-

знать последствия совершенного им преступления и оградить от среды и людей, способствующих совершению преступлений, а также при необходимости должна быть направлена на воспитание несовершеннолетнего путем лишения свободы (ч. 2 ст. 8.1).

Предусмотренные особенности назначения наказания также вызывают интерес у представителей отечественной науки [19]²:

1. Несовершеннолетним могут быть назначены условное осуждение с возложением обязанностей, предусмотренных ч. 2 ст. 7.3 УК Монголии, и с последующим воспитательным воздействием на срок от одного года до трех лет, в период которого обязанности по воспитанию могут быть возложены на определенный коллектив, негосударственный орган, отца и мать, опекуна, попечителя, воспитателя и близких родственников либо на конкретного гражданина по его просьбе или с его согласия. Такие меры могут быть применены самостоятельно или присоединены к назначенному наказанию. Лишь несовершеннолетнему, совершившему тяжкое преступление, обязательно должно быть назначено наказание.

2. Видами наказаний для несовершеннолетних являются: общественно полезные работы; ограничение прав на передвижение; заключение в специальное учебно-воспитательное учреждение. Тем самым законодатель исключил возможность назначения несовершеннолетним штрафа, а лишение свободы трансформировал в его щадящую разновидность.

3. Продолжительность наказаний существенно сокращена (по сравнению с общими сроками).

Суд может назначить лицам, достигшим 18 лет и не достигшим 21 года, наказание и принудительные меры воспитательного характера по предусмотренным основаниям и в порядке гл. 8 УК Монголии.

7. Ответственность юридических лиц

Ответственности юридических лиц, активно обсуждаемой в российской доктрине [21; 22], посвящена закрывающая Общую часть УК Монголии гл. 9, в которой определены основания привлечения юридических лиц к уголовной ответственности; виды уголовной ответственности; гарантии ее неотвратимости [23; 24].

Единственным видом наказания для юридических лиц является штраф. К нему могут быть присоединены принудительные меры в виде: 1) лишения права (запрет осуществление одного или нескольких видов деятельности на срок от одного года до восьми лет либо меры в виде лишения права, предусмотренные Особой частью УК Монголии); 2) ликвидации; 3) конфискации имущества или дохода юридического лица.

8. Выводы

Уголовный кодекс Монголии по праву получил высокую оценку специалистов. Это уникальный нормативный акт ярко выраженной гуманистической направленности. Это живой и активно развивающийся Кодекс, впитывающий достижения уголовно-правовой мысли, реагирующий на новые вызовы и, главное, способный обеспечить достижение заявленных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степашин В. М. Уголовный Кодекс Монголии. Общая часть. Преступление / В. М. Степашин // Правоприменение. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 142–151. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151.
2. Раднаева Э. Л. Генезис развития уголовного законодательства в Монголии / Э. Л. Раднаева, Д. Сурэнжав // Экономика, политика, право: вчера, сегодня, завтра. Роль профсоюзов : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию образования ФНПР и 110-летию профсоюз. Движения (Улан-Удэ, 27 мая 2016 г.). – Улан-Удэ : Бурят. фил. Акад. труда и соц. отношений, 2016. – С. 105–109.
3. Ганмягмар Б. Э. Сравнительный анализ законодательства о профилактике преступлений в Монголии и России / Б. Э. Ганмягмар // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – № 4 (24). – С. 118–123.
4. Ганбат Э. Уголовное право РФ и Монголии: некоторые проблемы сравнительного анализа / Э. Ганбат // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Улан-Удэ, 15–16 июня 2007 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. ун-та, 2007. – С. 134–137.

² При этом иногда формулируются советы монгольскому законодателю [20, с. 322], что представляется некорректным.

5. Наваан Г. Некоторые вопросы реформы Уголовного кодекса Монголии / Г. Наваан // Международный пенитенциарный журнал. – 2016. – № 4. – С. 49–51.
6. Эрхитуева Т. И. Некоторые особенности системы видов наказания России и Монголии / Т. И. Эрхитуева // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16, № 3. – С. 357–362. – DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.357-362.
7. Рарог А. И. Еще раз о смертной казни / А. И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 6. – С. 661–668. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(6).661-668.
8. Хармаев Ю. В. О реформе уголовных наказаний в проекте нового Уголовного кодекса Монголии / Ю. В. Хармаев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3 (64). – С. 79–81. – DOI: 10.12737/article_593fc343bd0597.85858738.
9. Бабурин В. В. Уголовно-правовое регулирование и практика применения штрафа в Монголии / В. В. Бабурин, Л. В. Иногамова-Хегай, Ж. Энхтур // Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 3 (56). – С. 9–21.
10. Бавсун М. В. Влияние особенностей исполнения наказания в виде штрафа на степень репрессивности уголовно-правового воздействия / М. В. Бавсун, К. Н. Карпов, А. А. Кузнецов // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 355–364. – DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).355-364.
11. Огорелков Д. А. Наказание в виде штрафа по уголовному законодательству России и Монголии: истоки и современность / Д. А. Огорелков // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2022. – № 1 (57). – С. 178–183. – DOI: 10.36511/2078-5356-2022-1-178-183.
12. Огорелков Д. А. Отличия в регламентации наказания в виде штрафа в уголовном законодательстве России и Монголии / Д. А. Огорелков // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Самара, 3–4 июня 2021 г. – Самара : СЮИ ФСИН России, 2021. – С. 154–156.
13. Энхтур Ж. Правила назначения уголовного наказания в виде штрафа в России и Монголии / Ж. Энхтур // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 23 мая 2019 г.) в рамках междунар. юрид. форума «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития». — Новосибирск : НГУЭУ ; Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2019. – С. 167–174.
14. Наваан Г. Новые тенденции в развитии института наказания в Монголии / Г. Наваан // Преступление, наказание, исправление : III Междунар. пенитенциар. форум (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : сб. тез. выступлений и докл. участников : в 8 т. – Рязань : Акад. права и управления Федер. службы исполнения наказаний, 2017. – Т. 1. – С. 38–42.
15. Баасанцэрэн А. Правовая природа условного осуждения по уголовному законодательству Монголии / А. Баасанцэрэн // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67), № 3. – С. 61–69.
16. Эрхитуева Т. И. Сравнительное исследование оснований применения условного осуждения по уголовному законодательству России и Монголии / Т. И. Эрхитуева // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. – 2020. – № 1. – С. 33–40. – DOI: 10.18101/2658-4409-2020-1-33-40.
17. Корнеев С. А. Социально-правовая природа принудительных мер медицинского характера в соответствии с уголовным законодательством России и Монголии / С. А. Корнеев // Вестник Югорского государственного университета. – 2021. – Т. 17, № 3. – С. 91–98. – DOI: 10.17816/byusu20210391-98.
18. Хармаев Ю. В. К вопросу о преступности несовершеннолетних в Российской Федерации и Монголии / Ю. В. Хармаев, И. Батчулуун // Вестник Югорского государственного университета. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 79–84. – DOI: 10.17816/byusu20180279-84.
19. Сыренова Е. С. Назначения наказания несовершеннолетним по уголовному законодательству России и Монголии / Е. С. Сыренова // Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Байк. юрид. декады, посвящ. 90-летию БГПИ-БГУ им. Доржи Банзарова, Улан-Удэ, 2–3 дек. 2021 г. – Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т им. Д. Банзарова, 2022. – С. 334–340.
20. Алпатова С. Ю. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Монголии / С. Ю. Алпатова, А. Н. Павлухин, Н. Д. Эриашвили // Образование и право. – 2021. – № 10. – С. 318–322. – DOI: 10.24412/2076-1503-2021-10-318-322.

21. Бытко Ю. И. Почему в России до сих пор не принят закон об уголовной ответственности юридических лиц? / Ю. И. Бытко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – Вып. 2 (44). – С. 352–373. – DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.

22. Кузнецова Н. И. И снова об уголовной ответственности юридических лиц: два взгляда на проблему (на примере экологических преступлений) / Н. И. Кузнецова, М. Н. Урда // Всероссийский криминологический журнал. – 2023. – Т. 17, № 6. – С. 567–576. – DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576.

23. Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Монголии / А. В. Федоров // Российский следователь. – 2022. – № 4. – С. 73–80.

24. Федоров А. В. Институт уголовной ответственности юридических лиц в Монголии / А. В. Федоров // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2022. – № 2 (36). – С. 14–31. – DOI: 10.54217/2411-1627.2022.36.2.002.

REFERENCES

1. Stepashin V.M. The Criminal Code of Mongolia. The General Part. Crime. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 3, pp. 142–151. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(3).142-151.

2. Radnaeva E.L., Surezhav D. Genesis of the development of criminal legislation in Mongolia, in: *Ekonomika, politika, pravo: vchera, segodnya, zavtra. Rol' profsoyuzov*, collection of scientific articles based on materials from international scientific and practical conference, dedicated to the 25th anniversary of the formation of the Federation of Independent Trade Unions of Russia and the 110th anniversary of the trade union movement, Ulan-Ude, Buryat Branch of Academy of Labor and Social Relations Publ., 2016, pp. 105–109. (In Russ.).

3. Ganmyagmar B.E. Comparative analysis of crime prevention legislation in Mongolia and Russia. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologii = Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*, 2017, no. 4 (24), pp. 118–123. (In Russ.).

4. Ganbat E. Criminal law of the Russian Federation and Mongolia: some problems of comparative analysis, in: *Sravnitel'noe pravovedenie v stranakh Aziatsko-Tikhoookeanskogo regiona*, Proceedings of the international scientific and practical conference (Ulan-Ude, June 15-16, 2007), Ulan-Ude, Buryat University Publ., 2007, pp. 134–137. (In Russ.).

5. Navaan G. Some issues of reform of the criminal code of Mongolia. *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi zhurnal = International Penitentiary Journal*, 2016, no. 4, pp. 49–51. (In Russ.).

6. Erkhitueva T.I. Some features of the system of types of punishment in Russia and Mongolia. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Criminal executive law*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 357–362. DOI: 10.33463/2687-122X.2021.16(1-4).3.358. (In Russ.).

7. Rarog A.I. Death Penalty Revisited. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 6, pp. 661–668. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(6).661-668. (In Russ.).

8. Kharmaev Yu.V. On the reform of criminal penalties in the draft of the new Criminal Code of Mongolia. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2017, no. 3 (64), pp. 79–81. DOI: 10.12737/article_593fc343bd0597.85858738. (In Russ.).

9. Baburin V.V., Inogamova-Hegai L.V., Enkhtur Zh. The practice of criminal penalties in the form of fines in Mongolia. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass institute*, 2023, no. 3 (56), pp. 9–21. (In Russ.).

10. Bavsun M.V., Karpov K.N., Kuznetsov A.A. The Impact of the Specifics of Enforcing Fines on the Repressive Power of Criminal Law Measures. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 3, pp. 355–364. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(3).355-364. (In Russ.).

11. Ogorelkov D.A. Penalty in the form of a fine under the criminal legislation of Russia and Mongolia: origins and modernity. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (57), pp. 178–183. DOI: 10.36511/2078-5356-2022-1-178-183. (In Russ.).

12. Ogorelkov D.A. Differences in the regulation of punishment in the form of a fine in the criminal legislation of Russia and Mongolia. *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt*, Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Samara, June 3-4, 2021, Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2021, pp. 154–156. (In Russ.).

13. Enkhtur Zh. Rules for the appointment of a criminal penalty in the form of a fine in Russia and Mongolia, in: *Razvitie uголовно-ispolnitel'noi sistemy: organizatsionnye, pravovye i ekonomicheskie aspekty*, Proceedings of the international Scientific and practical conference (Novosibirsk, May 23, 2019) within the framework of the international legal forum "Law and Economics: national Experience and Development Strategies", Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM) Publ.; Novokuznetsk, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service Publ., 2019, pp. 167–174. (In Russ.).
14. Navaan G. New trends in the development of the institution of punishment in Mongolia, in: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, III International penitentiary forum (Ryazan, November 21-23, 2017), abstracts of reports of participants, in 8 volumes, Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service Publ., 2017, vol. 1, pp. 38–42. (In Russ.).
15. Baasantseren A. The legal nature of probation the criminal legislation of Mongolia. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki = Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*, 2015, vol. 1 (67), no. 3, pp. 61–69. (In Russ.).
16. Erkhiteueva T.I. The grounds of suspended sentencing application under the criminal laws in Russian Federation and Mongolian People's Republic. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Yurisprudentsiya*, 2020, no. 1, pp. 33–40. DOI: 10.18101/2658-4409-2020-1-33-40. (In Russ.).
17. Korneev S.A. The socio-legal nature of compulsory medical measures in accordance with the criminal legislation of Russia and Mongolia. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 91–98. DOI: 10.17816/byusu20210391-98. (In Russ.).
18. Kharmaev Y.V., Batchuluun I. To the question of the crime of minors in Russia and Mongolia. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yugra State University Bulletin*, 2018, vol. 14, no. 2, pp. 79–84. DOI: 10.17816/byusu20180279-84. (In Russ.).
19. Syrenova E.S. Sentencing of minors under the criminal legislation of Russia and Mongolia, in: *Druzhestvennoe k rebenku pravosudie i vosstanovitel'nye tekhnologii*, Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference within the framework of the Baikal Legal Decade, dedicated to the 90th anniversary of BSPI-BSU named after Dorzhi Banzarov, Ulan-Ude, December 2-3, 2021, Ulan-Ude, Dorzhi Banzarov Buryat State University Publ., 2022, pp. 334–340. (In Russ.).
20. Alpatova S. Yu., Pavlukhin A. N., Eriashvili N. D. Criminal liability of minors under the legislation of Mongolia. *Obrazovanie i pravo*, 2021, no. 10, pp. 318–322. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-10-318-322. (In Russ.).
21. Bytko Yu.I. Why has not Russia adopted the law on criminal liability of legal entities yet?. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2019, iss. 2 (44), pp. 352–373. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-352-373.
22. Kuznetsova N.I., Urda M.N. Back to the problem of criminal liability of legal entities: two views on the problem (using the example of environmental crimes). *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2023, vol. 17, no. 6, pp. 567–576. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(6).567-576. (In Russ.).
23. Fedorov A.V. The Criminal liability of legal entities in Mongolia. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2022, no. 4, pp. 73–80. (In Russ.).
24. Fedorov A.V. Institute of Criminal Liability of Legal Entities in Mongolia. *Rassledovanie prestuplenii: problema i puti ikh resheniya = Criminal investigation: problems and ways of their solution*, 2022, no. 2 (36), pp. 14–31. DOI: 10.54217/2411-1627.2022.36.2.002. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Степашин Виталий Михайлович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: stivomsk@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 9569-9315

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Vitaly M. Stepashin – Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: stivomsk@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 9569-9315

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Степашин В.М. Уголовный кодекс Монголии. Общая часть. Наказание / В.М. Степашин / Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 108–117. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).108-117.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Stepashin V.M. The Criminal Code of Mongolia. The General Part. Punishment *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 108–117. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).108-117. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 347.44:124

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129

СВОБОДА ДОГОВОРА: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ПРИНЦИПА В ЭПОХУ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

В.А. Болдырев¹, В.А. Максимов²

¹ Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия,

г. Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры
Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 февраля 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Демонстрируются новые подходы к пониманию исследователями принципа свободы договора и его ограничений. Приводятся доказательства, что циклы роста и уменьшения свободы договора находятся в органической связи не только с количеством правовых норм, регулирующих гражданские отношения, но и с другими факторами, к числу которых относятся институциональные преобразования и изменения подхода к официальному толкованию права. Они меняют уровень готовности судов принимать во внимание содержание актов автономного регулирования общественных отношений.

Ключевые слова

Правовой принцип, гражданское

право, автономное

регулирование,

централизованное

регулирование, динамизм

законодательства, смарт-

контракт, форма договора,

контент-анализ, статистические

методы

FREEDOM OF CONTRACT: THE EVOLUTION OF A LEGAL PRINCIPLE IN THE ERA OF INFORMATION

Vladimir A. Boldyrev¹, Vitaly A. Maksimov²

¹ North-Western branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2024 February 28

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

The subject of the article is new patterns observed in approaches to the principle of freedom of contract from legal science and law enforcement practice.

The purpose of the article is to show the directions of evolution of the principle of freedom of contract in connection with the influence of information technology on civil circulation and changes in the significance of this principle for law enforcement.

Main results, scope of application. In science, there is a transformation of ideas about the principle of freedom of civil contract. To the provisions of the codified civil law, reflecting the basic postulates of the principle of freedom of contract, modern researchers add freedom to choose the form, as well as the method (order) of its conclusion. This principle turns out to be actually limited by a technological innovation – a smart contract, for which the possibility of changing and terminating the contract, as a rule, is absent. The expansion of freedom of contract is observed in the circulation of new objects of civil rights –

of legislation, smart contract, form of agreement, content analysis, statistical methods

cryptocurrencies. Research in the field of neurophysiology (neuromarketing) calls into question human free will, and with it the freedom of contract. The collected statistical data characterizing the content of judicial acts allows us to state a pattern in recent years – a lesser orientation of courts considering economic disputes towards the principle of freedom of contract. The increasing role of centralized legal regulation of civil relations leads to a decrease in the role of autonomous regulation, and therefore a decrease in the importance of the principle of freedom of contract. The observed trend of growth in the number of norms in legislative acts can hardly be called positive – its continuation can lead to a deterioration in the skills of participants in civil transactions to develop flexible economic decisions, a decrease in responsibility and the level of legal culture. The results obtained will be useful for improving lawmaking.

The research methodology is represented by statistical, formal logical, formal dogmatic and comparative research methods.

Conclusions. Cycles of growth and decline in the importance of the principle of freedom of contract for law enforcement practice are in organic connection with the number of legal norms regulating civil relations, institutional transformations and changes in the approach to the official interpretation of the law. Lawmakers should ensure greater stability of legislation regulating this area of civil relations.

1. Принцип свободы договора в законе и научных исследованиях

Гражданско-правовые принципы оказывают должное воздействие на общественные отношения, лишь когда работают слаженно и в системе с иными основами правового регулирования, отраженными в нормах смежных отраслей права. Свобода гражданско-правового договора как социальное явление связана со свободой труда [1, р. 502] и поддержкой незанятых граждан [2]: их отсутствие сводит на нет возможности, предоставленные гражданским законодательством, поскольку принудительный труд и нужда, заставляющая человека искать средства к существованию, делают рассуждения о принципе свободы договора бесплодными.

Для гражданского права характерна широчайшая свобода участников регулируемых общественных отношений в установлении, изменении и прекращении по своему усмотрению прав и обязанностей [3, с. 193]. Свобода договора является частью большего по содержанию принципа – диспозитивности гражданско-правового регулирования [4, с. 156]. Однако обособлению свободы договора как самостоятельного принципа гражданского права способствует то, «что он в гражданском праве, в отличие от большинства других принципов, имеет определенное, четкое, цельное содержание, в том числе благодаря специально ему посвященной ст. 421 ГК (Гражданского кодекса. – В. Б., В. М.) РФ» [4, с. 159].

Свобода договора имеет и такую сторону, признаваемую в российской цивилистической науке, как возможность выбирать форму соглашения [4, с. 174].

Она закреплена в тексте кодифицированного закона (ст. 434 ГК РФ) как правовая формула, но не названа правотворцем прямо как часть правового принципа.

Нельзя сказать, что понимание свободы договора тождественно в различных национальных правовых традициях, как сформированных (консервативных), так и находящихся на этапе формирования. «Согласно традиции гражданского права, – пишет индонезийский исследователь Д.К. Харджоно, – принцип свободы договора состоит из: а) свободы заключать или не заключать договор; б) свободы выбора, с какой стороной заключить договор; в) свободы определения содержания договора; г) свободы определять форму соглашения; д) свободы определять способ заключения договора» [5, р. 652].

Хотя для российской научной традиции [6, с. 510; 7, с. 840] в целом не характерно упоминание способа (порядка) заключения договора в качестве отдельной стороны свободы договора, те специалисты, которые занимаются вопросами правового обеспечения цифровой экономики, обычно говорят и о ней: «В соответствии с принципом свободы договора стороны свободны в выборе условий договора, порядка его заключения, формы соглашения сторон, в том числе имеют право предусмотреть условие о применении к своим договорным отношениям технологий, обеспечивающих автоматическое исполнение обязательств» [8, с. 63].

Цифровизация и информатизация постепенно меняют восприятие принципа свободы договора. В.А. Процевский пишет: «Наука права в контексте новейших технологических достижений сталкивается с

новыми проблемами толкования принципа свободы воли и его реализации в юридической практике» [9, с. 57].

Практика заключения смарт-контрактов на основе технологии блокчейн [10] и использования других цифровых инструментов установления и исполнения обязательств, становясь массовой, ведет к переосмыслению традиционного цивилистического подхода. Применительно к смарт-контрактам, предполагающим автоматическое исполнение обязательств при наступлении определенных условий, воля сторон на определенном этапе теряет значение: свобода договора, предполагающая возможность по обоюдному согласию его изменить или расторгнуть, оказывается технологически ограниченной [11, с. 140]. Даже если считать, что свобода договора действует только на стадии его заключения (до его заключения), а «после вступления договора в силу действует не принцип свободы договора, а принцип, согласно которому гражданско-правовые обязанности должны исполняться» [12, с. 60], нельзя отрицать технологическое ограничение последующего выражения воли контрагентов с целью корректировки возникших договорных обязательств.

А.А. Волос справедливо указывает, что «принципы добросовестности, юридического равенства субъектов экономического оборота, судебной защиты гражданских прав и другие по своему содержанию не в полной мере подходят под новые реалии, сформированные современными технологиями» [13, с. 4]. Автор, отмечая, что участники гражданских отношений свободны в заключении договора с использованием различных технологий, делает вывод, согласно которому смарт-контракт – «инструмент, способствующий реализации на практике принципа свободы договора» [13, с. 85]. При этом он же сообщает об ограничении для смарт-контракта возможности изменить или расторгнуть договор, а также о сдвиге в сторону стандартизации его условий [13, с. 91].

Восприятие принципа свободы договора в условиях гиг-экономики, где способность к труду фрилансеров и информационные возможности цифровых платформ неразрывно связаны, меняется. Данная модель отношений «приводит к злоупотреблениям со стороны экономически более сильных субъектов, поскольку формальное юридическое равенство еще не означает фактическое равенство переговорных возможностей» [14, с. 319]. А значит, имеющееся в ряде случаев смещение подхода законодателя в сторону императивного регулирования

договорных отношений может рассматриваться и как следствие цифровизации общества.

Изменение одного параметра, как правило, можно характеризовать, используя категории «больше» или «меньше». В нашем случае слово «трансформация», при которой меняется множество параметров – какие-то в большую, какие-то в меньшую сторону, – отражает ситуацию более точно. Подход к свободе договора как правовому явлению со стороны ученых и законодателя трансформировался. Так, справедливо констатируется усиление роли принципа свободы договорного регулирования «в признании силы за непоименованными договорными конструкциями, используемыми сторонами в целях урегулирования нетипичных гражданско-правовых отношений» [12, с. 55]. Но в других разрезах принцип свободы договора может выглядеть совершенно иначе: неопределенность границ между конструктивной юридической инновацией и обходом закона за счет выработки новых непоименованных договоров просто опасна [15, с. 79].

Свобода гражданско-правового договора расширилась по еще одному параметру – объектам гражданских прав, могущих обращаться на свободном рынке. «Свобода договора требуется и для разрешения вопроса о признании силы за договорами в отношении объектов, не предусмотренных текущим законодательством, но и не запрещенных им прямо», – пишет Е.Д. Суворов [16, с. 118]. Криптовалюты попали в гражданский оборот на легальных основаниях, поскольку действовал принцип свободы гражданско-правового договора, а запрета на оборот соответствующей категории объектов гражданских прав не существовало. Когда же оборот криптовалюты был отлажен, ограничение его законными средствами стало затруднительно. История оборота криптовалюты полностью вписывается в дилемму Коллингриджа: на раннем этапе работы технологии затруднительно определить ее эффект, а позже – трудно подчинить технологию вырабатываемым обществом и государством нормам [17; 18].

Мы видим, как учение о свободе договора претерпевает трансформацию под напором доводов, полученных в ходе современных научных исследований в области нейромаркетинга. Применение знаний о свойствах человеческой психики в целях побудить к приобретению товара, игра на эмоциях человека, чтобы склонить к совершению сделки, стали повседневностью цифрового и реального мира. Как справедливо отмечает П.Л. Лихтер, «интенсивное воздействие на покупателя в условиях асимметрично-

сти информации по сделке содержит риски искажения основных гражданско-правовых принципов» [19, с. 670]. Говоря о маркетинговых мероприятиях, автор заключает, что «практика преддоговорного воздействия в отдельных случаях содержит признаки искажения принципов свободы договора и добросовестности» [19, с. 661]. К сожалению, «антропологический поворот», приведший в юриспруденции «к тому, что современное понимание права утратило объективный масштаб, стало восприниматься не более чем как часть сознания индивида» [20, с. 72], оказался в диссонансе с экономическими практиками манипулирования человеком на основе знания его природы и слабостей, которые позволяют эффективно управлять массами. Ориентация позитивного права на нужды индивида в условиях, когда экономические практики ориентированы на потребности масс, приводит к кардинальному снижению действенности ранее принятых и новых юридических норм.

«В текущих условиях, когда в целом подвергаются изменениям основные категории гражданского права – субъекты (идентификация личности), объекты (токенизация), сделки (способы волеизъявления в цифровой экономике), исполнение обязательств (смарт-контракты), основное, что у права останется неизменным, – это его принципы», – отмечает Е.Д. Суворов [16, с. 114]. С автором можно согласиться, но с одной очень важной оговоркой: понимание принципов права с течением времени может меняться, и свидетельством тому является изменение подхода к пониманию принципа свободы договора. Действительно, он сам, говоря о процессе токенизации, сообщает, что «свободное согласие (проявление принципа свободы договора) на соединение права с цифровым активом является основанием для последующего ограничения свободы договора в части отчуждения права» [16, с. 118]. Здесь мы видим, что процесс токенизации сказывается на содержании права, при котором возможность договорного распоряжения объектом гражданских прав оказывается ограниченной: ты не можешь распорядиться принадлежащим тебе правом иначе как через цифровую платформу. Совершение классической письменной сделки относительно соответствующего объекта уже не имеет желаемых последствий.

Ограничение свободы договора, неизбежно сопутствующее увеличению централизации правового регулирования отношений, может затрагивать интересы широких групп лиц, сказываться не только на интересах частных инвесторов, но и собираемости налогов, особенно когда речь идет о регулирова-

нии корпоративных отношений [21, р. 523]. Выявление и объяснение корреляционных зависимостей между различными видами свободы человека и малых социальных групп в большом социуме, безусловно, имеет существенное значение для понимания ее природы и описания основных групп факторов, ее определяющих.

Рассмотрение свободы гражданско-правового договора как явления из области позитивного права вне доктринального, социального и технологического контекстов способно создать ложное представление о самой сути данного явления. Сказанное выше дает возможность перейти к той части нашего исследования, которая основана на статистических данных и выявляемых на основе их анализа закономерностях. Очень важно наблюдать, что происходит в области практического применения существующих правовых норм и как меняется позитивное право в связи с изменением условий жизни. Этому и посвящена дальнейшая часть настоящей работы, которую мы считаем необходимым снабдить важным предупреждением. Как известно, «правительство просто не может вести бизнес как частное лицо» [22, р. 514]. Поиск критериев выбора процедур, призванных способствовать заключению выгодных договоров в интересах публично-правовых образований, – работа чрезвычайно непростая [23]. Выводы, предложенные авторами по результатам проведенного исследования, могут распространяться на сферу обязательственных отношений с участием государства и муниципальных образований с осторожностью.

2. Свобода договора в актах правосудия по экономическим спорам

Оценка значимости правовых явлений на основе метода контент-анализа законодательства и выносимых на основании него судебных актов – направление исследований, значение которого до сих пор не оценено в полной мере. Известно, что судьи готовы использовать подтвержденные наукой данные [24], с одной стороны, и склонны подбирать слова, защищающие их рассуждения [25], с другой. Работа, направленная на установление причин, по которым частота упоминания терминов судами существенно меняется вместе с содержанием актов официального толкования права, институциональными преобразованиями, изменениями правовой политики, позволяет видеть, что на принятие решений серьезно влияют не только нормы права и установленные в ходе судебного разбирательства факты, но и иные обстоятельства.

Используемые современным исследователем поисковые системы официальных интернет-порталов и электронных библиотек облегчили сбор сведений, характеризующих упоминание различных терминов и словосочетаний, однако задачу интерпретации полученной информации стало решать сложнее в связи с нахождением в базах данных документов низкого качества, поток которых стал побочным следствием цифровизации.

Справочные правовые системы ограниченно пригодны для использования в целях определения того, насколько правовая категория востребована судебной практикой. Это связано с особенностями проводимой выборки судебных актов для размещения в соответствующих базах данных [26, с. 233]. К сожалению, объединенная база данных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, которая способствовала бы выработке единообразной прак-

тики, к настоящему времени отсутствует [27, с. 109]. Контент-анализ судебных актов оказывается эффективным при использовании возможностей государственного информационного ресурса «Банк решений арбитражных судов» (<https://ras.arbitr.ru/>; далее – БРАС), в который судебные акты попадают без прохождения специальных фильтров.

На первом этапе мы оценили общее число случаев использования терминов «автономия воли» и «свобода договора» в судебных актах, вынесенных в 2010–2014 гг. Высшим Арбитражным Судом (далее – ВАС) РФ и в 2014–2023 гг. – Верховным Судом (далее – ВС) РФ, размещенных в БРАС, т. е. тех, которые вынесены при отправлении экономического правосудия в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ (табл. 1). Основную ценность для нас представляли данные о доле судебных актов, содержащих названные термины, а не абсолютные показатели.

Таблица 1

Упоминание автономии воли и свободы договора в актах экономического правосудия, вынесенных судом высшего звена (2010–2023)

Суд	Год	Число актов экономического правосудия высшего суда		Доля судебных актов, содержащих слова «свобода договора», %
		всего	содержащих слова «свобода договора»	
ВС РФ	2023	39 252	2 768	7,05
	2022	37 192	3 230	8,68
	2021	34 983	3 192	9,12
	2020	29 541	2 970	10,05
	2019	33 316	3 621	10,86
	2018	29 682	3 524	11,87
	2017	25 259	3 238	12,81
	2016	22 970	2 871	12,49
	2015	21 979	3 474	15,80
	2014	8 230	948	11,51
ВАС РФ	2014	15 679	4 560	29,08
	2013	27 632	6 422	23,24
	2012	24 824	5 528	22,26
	2011	23 232	5 660	24,36
	2010	23 345	5 351	22,92

Сведения о числе случаев представлены на основании отчета автоматизированной поисковой системы – без содержательной проверки судебных актов, а относительные показатели – с точностью до второго знака после запятой (округление к меньшему).

В 2010–2014 гг. наблюдалась тенденция к росту доли судебных актов ВАС РФ, содержащих упоминание свободы договора.

После передачи ВС РФ полномочий, связанных с проверкой судебных актов арбитражных судов, т. е. в 2014–2023 гг., наблюдается постепенная и совершенно отчетливая тенденция к снижению доли актов, содержащих упоминание свободы договора.

В 2014 г. функционировали две высшие инстанции, отправлявшие экономическое правосудие: ВАС РФ (по 6 августа) и ВС РФ (после 6 августа)¹. Важно

¹ Статья 2 Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6.

Ст. 548). Последние три постановления ВАС РФ (о возвращении надзорной жалобы без рассмотрения) датированы 1 августа 2014 г.

заметить, что в этот же период официальное понимание свободы договора оказалось закреплено в акте официального толкования права – Постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах», ставшем заключительной вехой в его функционировании и возвестившем о начале нового периода «фазы возрождения» [28, р. 535] договорной свободы в стране. Указанное постановление несло юридическому сообществу важный посыл: определить характер нормы – является ли она императивной или диспозитивной – можно, принимая во внимание «те цели, которые преследовал законодатель, устанавливая данное правило» (т. е. на основе телеологического толкования). Степень договорной свободы после появления данного акта толкования и ликвидации ВАС РФ стала снижаться, о чем свидетельствует приведенная статистика.

Показательно, что в «переходном» 2014 г. акты ВАС РФ содержали термин «свобода договора» почти в три раза чаще, чем акты ВС РФ (29,08 % против

11,51 %). Данное обстоятельство, на наш взгляд, говорит о том, что судьи ликвидированного юрисдикционного органа были в большей мере склонны полагаться на регулирование общественных отношений соглашениями сторон. И наоборот, ВС РФ в большей мере ориентирован на регулирование общественных отношений нормативными правовыми актами, а не договорами.

Учитывая, что ВС РФ состоит из небольшого числа судей (всего 170)², и при этом на долю Судебной коллегии по экономическим спорам приходится лишь их часть, мы предположили, что изменения подхода могли не носить системного характера, а быть обусловлены правовыми позициями конкретных лиц, рассматривавших дела. Для проверки данного предположения была изучена практика использования термина «свобода договора» в судебных актах, размещенных в БРАС, без уточнения вынесшего их органа (табл. 2). Предположение оказалось опровергнуто.

Таблица 2

Упоминание автономии воли и свободы договора в судебных актах арбитражных судов (2010–2023 гг.)

Год	Число судебных актов в Банке решений арбитражных судов		Доля судебных актов, содержащих слова «свобода договора», %
	всего	содержащих слова «свобода договора»	
2023	10 406 016	162 611	1,56
2022	8 811 901	140 935	1,59
2021	7 523 768	124 834	1,65
2020	6 172 816	107 897	1,74
2019	5 839 791	104 949	1,79
2018	5 283 093	92 916	1,75
2017	4 655 093	81 997	1,76
2016	4 045 796	78 899	1,95
2015	3 416 852	73 554	2,15
2014	3 116 971	62 560	2,00
2013	2 807 714	50 090	1,78
2012	2 850 631	44 647	1,56
2011	2 518 227	38 254	1,51
2010	2 461 441	36 569	1,48

Наблюдается рост доли документов, содержащих упоминания свободы договора, в 2010–2015 гг. В 2016–2023 гг. доля судебных актов, упоминающих свободу договора, снижается. Полученные данные приводят нас к выводу об общей закономерности последних лет – меньшей ориентации судов, рассматривающих экономические споры, на принцип свободы договора. Уменьшение доли актов оказалось заметным через год после перехода полномо-

чий ВАС РФ к ВС РФ, в течение которого сохранялась инерция правоприменительной практики.

Доля судебных актов, содержащих термин «свобода договора», в числе актов, вынесенных высшими судами (ВАС РФ и ВС РФ), многократно выше, чем доля актов, содержащих термин «свобода договора», вынесенных всеми арбитражными судами при отправлении экономического правосудия, поскольку большинство судебных актов первой и апел-

² Статья 3 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 6. Ст. 550).

ляционной инстанции являются промежуточными для соответствующей стадии. В них разрешаются процессуальные вопросы (о принятии искового заявления, назначении судебного заседания, применении обеспечительных мер, назначении экспертизы, истребовании доказательств, судебных издержках, процессуальном правопреемстве и пр.). Вопросы применения материального права, в том числе вопросы о применимости нормы о свободе договора, получают оценку только в итоговом процессуальном акте, которым для суда первой инстанции является решение. Высшие суды выносят судебные акты по сугубо процессуальным вопросам гораздо реже. Норма о свободе договора носит общий характер, и ее прямое применение к общественным отношениям судами первой инстанции всегда будет осуществляться осторожно, с оглядкой на практику вышестоящих инстанций или акты официального толкования права.

3. Свобода договора и централизованное регулирование гражданских отношений

Предпринимаемые в отечественной науке попытки связать правовые учения о свободе договора и научные данные, относящиеся к области нейрофизиологии [29], когда они осуществляются прямо, без формирования основательного подхода к проблематике регулирования общественных отношений, по нашему убеждению, будут давать не столь значительный эффект, которого можно ожидать от подхода системного – взгляда с позиции укрупненного представления о нормативных и ненормативных регуляторах поведения человека.

В научной литературе последних лет часть материала оказывается посвящена проблематике индивидуального и децентрализованного (автономного) регулирования общественных отношений. Обоснование единой концепции, описывающей систему регуляторов, действующих на человеческое поведение, в которой иерархия (приоритет) правил поведения была достаточно понятной, является задачей чрезвычайной сложности, а готовность приступить к ее исследованию может считаться научной смелостью [30].

Договоры, односторонние сделки, решения собраний, учредительные документы, локальные нормативные акты, наконец, заверения об обстоятельствах, несомненно, относятся к осознанным поведенческим актам, действующим на людей. Разумеется, договор является самым распространенным инструментом, определяющим поведение людей, вступающих в имущественные отношения. Как следствие,

применительно к нему и используется категория, призванная охарактеризовать состояние выбора – спектр возможностей, открывающийся перед потенциальным участником гражданского правоотношения.

Какой договор, с кем и на каких условиях будет заключен – те параметры, в которых потенциальный участник общественных отношений оказывается нередко связанным императивными нормами закона, а при возникновении договорных отношений (в случае отсутствия иной зафиксированной воли сторон) также нормами диспозитивными. Упоминание о свободе договора в судебном акте, как правило, оказывается способом обращения к вопросу о возможности или невозможности отступить от правила поведения, изложенного в нормативном правовом акте, установить такое правило самостоятельно.

Само обращение к проблематике децентрализованного регулирования общественных отношений оказалось возможным благодаря предшествовавшим достижениям технических наук, проблематике обратной связи [31, с. 27] и функционирования сложных саморегулирующихся систем [32].

Естественные и технические науки (достижения которых активно используются когнитивистикой) создали прочный фундамент для формирования новых правовых взглядов. Сделанное отступление, попытка перебросить мост между проблематикой частного права, техническими и естественными науками, не случайно. Оно позволит нам выйти на решение проблемы, предложить объяснение того, почему свобода договора как явление, как состояние осознанного выбора, имела тенденцию к уменьшению и почему эта тенденция не может рассматриваться как постоянная, а является одной из закономерностей нашего мира – цикличности большинства происходящих в нем процессов.

Установление корреляции между объемом гражданского законодательства и числом ссылок на свободу договора в судебных актах – задача отдельного исследования. Тем не менее понимание общих закономерностей и связей между централизованным и децентрализованным регулированием, на наш взгляд, имеет большое значение.

Достаточно надежным, хотя далеко не бесспорным способом оценки роста количества правовых норм является подсчет числа знаков (символов с пробелами) в редакциях закона, полученных с помощью открытой сетевой версии справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (табл. 3). Недостатком такого метода оценки является то, что редакции законов, сведения о которых мы приводим, содержат

также указания на законодательные акты, вносящие изменения, что несколько увеличивает объем тек-

ста. Кроме того, количество норм и объем текста – отнюдь не одно и то же.

Таблица 3

Размеры частей ГК РФ на различные даты

Дата, на которую приводятся характеристики текста закона	Часть 1 (принята 30 ноября 1994 г.)		Часть 2 (принята 26 января 1996 г.)		Часть 3 (принята 26 ноября 2001 г.)		Часть 4 (принята 18 декабря 2006 г.)	
	номер редакции закона	кол-во знаков	номер редакции закона	кол-во знаков	номер редакции закона	кол-во знаков	номер редакции закона	кол-во знаков
Дата принятия закона	1	369 051	1	511 079	1	108 936	1	439 842
Дата завершения исследования – 13 февраля 2024 г.	118	765 830	71	599 541	30	151 940	42	575 351

Сравнение размеров редакций законов на момент их принятия и период завершения настоящего исследования показывает увеличение части 1 ГК РФ в 2,07 раза, части 2 ГК РФ – в 1,17 раза, части 3 ГК РФ – в 1,39 раза, части 4 ГК РФ – в 1,30 раза. Увеличение объема ранее принятых нормативных правовых актов – явление системное, причем для кодифицированных гражданских законов динамика гораздо ниже, чем для некодифицированных [33].

Увеличивающаяся роль централизованного правового регулирования гражданских отношений приводит к уменьшению роли автономного регулирования, а значит, и снижению значения принципа свободы договора. Наблюдаемую тенденцию роста количества норм в законодательных актах трудно назвать позитивной – ее сохранение может привести к ухудшению у участников гражданского оборота навыков выработки гибких экономических решений, снижению ответственности и уровня правовой культуры.

4. Заключение

Чем выше воздействие актов централизованного регулирования общественных отношений (нормативных правовых актов), тем ниже роль актов децентрализованного регулирования, в том числе договоров. Свобода договора ниже, если число императивных норм выше. Однако при таком подходе доля актов арбитражных судов, содержащих упоминание свободы договора, должна была падать весь исследуемый период (2010–2023), а наблюдается лишь в части этого периода (2015–2023). Следовательно, существовали иные факторы, оказавшие влияние на содержание судебных актов судов.

Как видится, важнейшим новым сигналом для арбитражных судов стала сама ликвидация ВАС РФ и передача его функций ВС РФ. На том закончилась история различного толкования законов арбитражными

судами и судами общей юрисдикции. Интерпретационный дуализм предшествовавшего периода располагал к большей свободе юридического мышления и, как следствие, способствовал поддержанию принципа свободы договора – основы регулирования гражданских отношений. Происшедшие организационные изменения наряду с принятием акта официального толкования права оказали существенное влияние на функционирование судебной системы.

Циклы роста и уменьшения свободы договора находятся в органической связи не только с количеством правовых норм, регулирующих гражданские отношения, но и с другими факторами: типом экономики, проводимой правовой политикой, правовым просвещением, состоянием правопорядка, уровнем цифровизации общества, институциональными преобразованиями и изменением подхода к официальному толкованию закона. Концентрация внимания на одном факторе при проведении научных исследований и попытки задать такие его параметры при реализации мер правовой политики, которые будут решающим образом влиять на состояние социума, не только не приведут к улучшению качества регулирования общественных отношений, но и сильнее дестабилизируют существующую ситуацию. Рост числа выносимых арбитражными судами актов, который подтверждается данными настоящего исследования, свидетельствует о том, что увеличение числа правовых норм не способствует уменьшению числа споров между хозяйствующими субъектами. Решение проблемы мы видим в переключении внимания законодателя на качество законодательных решений, тонкую настройку и построение иерархии всех видов актов децентрализованного регулирования имущественных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bose P. Paying for freedom: Indentured labour and strategic default / P. Bose, R. A. Compton, A. K. Basu // *Economic Modelling*. – 2020. – Vol. 89. – P. 502–511. – DOI: 10.1016/j.econmod.2019.11.023.
2. Гусева Т. С. Проблемы эффективности правового регулирования отношений в сфере содействия занятости населения и социальной защиты безработных в Российской Федерации / Т. С. Гусева, Ю. И. Клепалова // *Журнал российского права*. – 2023. – Т. 27, № 8. – С. 54–69. – DOI: 10.61205/jrp.2023.091.
3. Груздев В. В. О методе гражданского права / В. В. Груздев // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 417. – С. 191–194. – DOI: 10.17223/15617793/417/27.
4. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова – М. : Статут, 2006. – 269 с.
5. Harjono D. K. Standard Agreements in the Concept of Freedom of Contract / D. K. Harjono // *Russian Law Journal*. – 2023. – Vol. XI, iss. 3. – P. 652–657. – DOI: 10.52783/rj.v11i3.1254.
6. Гонгало Б. М. Избр. : в 5 т. / Б. М. Гонгало. – М. : Статут, 2015–2021. – Т. 3 : Гражданское право. – 2021. – 542 с.
7. Гражданское право : учеб. : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. – М. : ТК Велби, 2008. – Т. 1. – 1008 с.
8. Волос А. А. Смарт-контракт и принцип свободы договора / А. А. Волос // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2020. – № 1. – С. 59–64.
9. Процевский В. А. Значение свободы воли в договорных гражданско-правовых отношениях / В. А. Процевский // *Власть Закона*. – 2021. – № 3 (47). – С. 49–58.
10. Khan Sh. N. Blockchain smart contracts: Applications, challenges, and future trends / Sh. N. Khan, F. Loukil, Ch. Ghedira-Guegan, E. Benkhelifa, A. Bani-Hani // *Peer-to-Peer Networking and Applications*. – 2021. – Vol. 14. – P. 2901–2925. – DOI: 10.1007/s12083-021-01127-0.
11. Кузнецова С. С. Актуальные вопросы реализации и защиты прав человека в практике применения технологии смарт-контракта / С. С. Кузнецова // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 134–149. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).134-149.
12. Кузнецова О. А. Свобода договорного регулирования / О. А. Кузнецова // *Современный юрист*. – 2020. – № 1 (30). – С. 55–69.
13. Волос А. А. Трансформация теории принципов гражданского права в современных условиях цифровизации общества : моногр. / А. А. Волос. – М. : Проспект, 2024. – 184 с.
14. Миронова С. М. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики / С. М. Миронова, Д. В. Кожемякин, А. Е. Пономарченко // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 314–329. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).314-329.
15. Татар О. В. Эволюция и трансформация непоименованных договоров посредством принципа свободы договора: синтез научных работ / О. В. Татар // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2022. – Вып. 55. – С. 70–85. – DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-70-85.
16. Суворов Е. Д. Применение принципов договорного права к договорным отношениям, осложненным цифровым элементом / Е. Д. Суворов // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75, № 1. – С. 109–121. – DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.109-121.
17. Collingridge D. *The social control of technology* / D. Collingridge. – New York : St. Martin's Press, 1980. – 200 p.
18. Середкина Е. В. Оценка технологий: история становления, эволюция, новые вызовы / Е. В. Середкина // *Социально-гуманитарные знания*. – 2021. – № 4. – С. 202–211.
19. Лихтер П. Л. Нейромаркетинг и свобода воли в гражданском праве / П. Л. Лихтер // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. – 2020. – Т. 24, № 3. – С. 658–672. – DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-3-658-672.
20. Лихтер П. Л. «Антропологический поворот» в правовой науке: благо или зло? / П. Л. Лихтер // *Государство и право*. – 2019. – № 4. – С. 66–74. – DOI: 10.31857/S013207690004655-2.
21. Manesh M. *The Corporate Contract and the Internal Affairs Doctrine* / M. Manesh // *American University Law Review*. – Vol. 71. – P. 501–577.

22. Castellano N. E. «Other Transactions» Are Government Contracts, and Why It Matters / N. E. Castellano // *Public Contract Law Journal*. – 2019. – Vol. 48, No. 3. – P. 485–514.
23. Ден Де Ун. Критерии эффективного применения конкурентных процедур для удовлетворения государственных и муниципальных нужд / Ден Де Ун // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 54–64. – DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-2-54-64.
24. Tuffour K. A. The bearing of Scientific Data on Legal Reasoning / K. A. Tuffour // *UCC Law Journal*. – 2022. – Vol. 2, iss. 2. – P. 13–40. – DOI: 10.47963/ucclj.v2i2.1117.
25. Tampubolon M. Judicial breakfast as an external factor in judicial decision making in courts / M. Tampubolon, T. Situmeang, P. Saragih // *F1000Research*. – 2023. – Vol. 12. – Art. 9. – DOI: 10.12688/f1000research.126482.1.
26. Болдырев В. А. Справочные правовые системы: как предопределить будущее, упорядочив прошлое / В. А. Болдырев, К. Г. Сварчевский // *Вестник Томского государственного университета*. – 2022. – № 482. – С. 232–238. – DOI: 10.17223/15617793/482/24.
27. Алексеевская Е. И. Условия использования судебных актов для машинного обучения (на примере отдельных решений о защите права собственности) / Е. И. Алексеевская // *Правоприменение*. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 102–114. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).102-114.
28. Karapetov A. G. Freedom of Contract in Respect of Price Terms in Russian Law: With a Special Focus on Price Terms in Standard Form Contracts / A. G. Karapetov, A. M. Shirvindt // *Control of Price Related Terms in Standard Form Contracts* / eds. Y. M. Atamer, P. Pichonnaz. – Cham : Springer, 2020. – P. 531–560. – (Ius Comparatum – Global Studies in Comparative Law; Vol. 36). – DOI: 10.1007/978-3-030-23057-9_21.
29. Овчинников С. Н. Принцип свободы договора и нейрофизиология / С. Н. Овчинников // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2021. – № 5-4 (56). – С. 132–137. – DOI: 10.24412/2500-1000-2021-5-4-132-137.
30. Груздев В. В. Автономное гражданско-правовое регулирование : дис. ... д-ра юрид. наук / В. В. Груздев. – Курск, 2021. – 378 с.
31. Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. / В. В. Ершов. – М. : РГУП, 2020. – 564 с.
32. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М. : АСТ, 2019. – 288 с.
33. Болдырев В. А. Динамичность гражданского законодательства: проблема соответствия когнитивным способностям человека / В. А. Болдырев // *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 5 сент. 2022 г.)* / отв. ред. А. М. Бычкова. – Иркутск : Иркут. ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. – С. 21–25.

REFERENCES

1. Bose P., Compton R.A., Basu A.K. Paying for freedom: Indentured labour and strategic default. *Economic Modelling*, 2020, vol. 89, pp. 502–511. DOI: 10.1016/j.econmod.2019.11.023.
2. Guseva T.S., Klepalova J.I. Effectiveness of Legal Regulation in the Field of Ensuring Employment and Social Protection of the Unemployed in the Russian Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 27, no. 8, pp. 54–69. DOI: 10.61205/jrp.2023.091. (In Russ.).
3. Gruzdev V.V. On the method of civil law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 417, pp. 191–194. DOI: 10.17223/15617793/417/27. (In Russ.).
4. Kuznetsova O.A. *Norms and principles of Russian civil law*. Moscow, Statut Publ., 2006. 269 p. (In Russ.).
5. Harjono D.K. Standard Agreements in the Concept of Freedom of Contract. *Russian Law Journal*, 2023, vol. XI, iss. 3, pp. 652–657. DOI: 10.52783/rlj.v11i3.1254.
6. Gongalo B.M. *Selected works*, in 5 volumes. Moscow, Statut Publ., 2015–2021. Vol. 3: Civil Law. 2021. 542 p. (In Russ.).
7. Sergeev A.P. (ed.). *Civil law*, Textbook, in 3 volumes. Moscow, TK Velbi Publ., 2008. Vol. 1. 1008 p. (In Russ.).
8. Volos A.A. Smart-contract and principle of the contractual freedom. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2020, no. 1, pp. 59–64. (In Russ.).

9. Protsevskiy V.A. The importance of free will in contractual relationships. *Vlast' Zakona = The Power of Law*, 2021, no. 3 (47), pp. 49–58. (In Russ.).
10. Khan Sh.N., Loukil F., Ghedira-Guegan Ch., Benkhelifa E., Bani-Hani A. Blockchain smart contracts: Applications, challenges, and future trends. *Peer-to-Peer Networking and Applications*, 2021, vol. 14, pp. 2901–2925. DOI: 10.1007/s12083-021-01127-0.
11. Kuznetsova S.S. Topical issues of the realization and protection of human rights in the practice of smart contract technology application. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 134–149. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).134-149.
12. Kuznetsova O.A. Freedom of contract regulation. *Sovremenniy jurist*, 2020, no. 1 (30), pp. 55–69. (In Russ.).
13. Volos A.A. *Transformation of the theory of principles of civil law in modern conditions of digitalization of society*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2024. 184 p. (In Russ.).
14. Mironova S.M., Kozhemyakin D.V., Ponomarchenko A.E. Adaptation of the legal regulation of labor, civil, tax relations to the gig economy. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 314–329. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).314-329.
15. Tatar O.V. Evolution and Transformation of Innominate Contracts Through the Principle of Freedom of Contract: a Synthesis of Scientific Works. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, iss. 55, pp. 70–85. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-55-70-85. (In Russ.).
16. Suvorov E.D. Application of the Principles of Contract Law to Contractual Relations complicated by a Digital Element. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 1, pp. 109–121. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.182.1.109-121. (In Russ.).
17. Collingridge D. *The social control of technology*. New York, St. Martin's Press, 1980. 200 p.
18. Seredkina E.V. Technology assessment: history of formation, evolution, new challenges. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2021, no. 4, pp. 202–211. (In Russ.).
19. Likhтер P.L. Neuromarketing and free will in civil law. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2020, vol. 24, no. 3, pp. 658–672. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-3-658-672. (In Russ.).
20. Likhтер P.L. “Anthropological turn” in law: for the better or for the worse?. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 4, pp. 66–74. DOI: 10.31857/S013207690004655-2. (In Russ.).
21. Manesh M. The Corporate Contract and the Internal Affairs Doctrine. *American University Law Review*, vol. 71, pp. 501–577.
22. Castellano N.E. «Other Transactions» Are Government Contracts, and Why It Matters. *Public Contract Law Journal*, 2019, vol. 48, no. 3. pp. 485–514.
23. Den De Un. Criteria for the Effective Application of Competitive Procedures to Meet State and Municipal Needs. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 2023, vol. 13, no. 2, pp. 54–64. DOI: 10.21869/2223-1501-2023-13-2-54-64. (In Russ.).
24. Tuffour K.A. The bearing of Scientific Data on Legal Reasoning. *UCC Law Journal*, 2022, vol. 2, iss. 2, pp. 13–40. DOI: 10.47963/ucclj.v2i2.1117.
25. Tampubolon M., Situmeang T., Saragih P. Judicial breakfast as an external factor in judicial decision making in courts. *F1000Research*, 2023, vol. 12, art. 9. DOI: 10.12688/f1000research.126482.1.
26. Boldyrev V.A., Svarchevskiy K.G. Legal reference systems: How to determine the future by ordering the past. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2022, no. 482, pp. 232–238. DOI: 10.17223/15617793/482/24. (In Russ.).
27. Alekseevskaya E.I. Terms of use of judicial acts for machine learning (analysis of some judicial decisions on the protection of property rights). *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 4, pp. 102–114. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).102-114.
28. Karapetov A.G., Shirvindt A.M. Freedom of Contract in Respect of Price Terms in Russian Law: With a Special Focus on Price Terms in Standard Form Contracts, in: Atamer Y.M., Pichonnaz P. (eds.). *Control of Price Related Terms in Standard Form Contracts*, *Ius Comparatum – Global Studies in Comparative Law*; vol. 36, Cham, Springer Publ., 2020, pp. 531–560. DOI: 10.1007/978-3-030-23057-9_21.

29. Ovchinnikov S.N., Yakovlenko I.A. The principle of freedom of contract and neurophysiology. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 5-4 (56), pp. 132–137. DOI: 10.24412/2500-1000-2021-5-4-132-137. (In Russ.).

30. Gruzdev V.V. *Autonomous civil legal regulation*, Doct. Diss. Kursk, 2021. 378 p. (In Russ.).

31. Ershov V.V. *Regulation of legal relations*, Monograph. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2020. 564 p. (In Russ.).

32. Wiener N. *Cybernetics and society*. Moscow, AST Publ., 2019. 288 p. (In Russ.).

33. Boldyrev V.A. Dynamics of civil legislation: the problem of compliance with human cognitive abilities, in: Bychkova A.M. (ed.). *Problemy sovremennoy zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran*, Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference (Irkutsk, September 5, 2022), Irkutsk, Irkutsk Law Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice Publ., 2022, pp. 21–25. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Болдырев Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия
197046, Россия, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 5

E-mail: vabold@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1454-6886

ResearcherID: H-1270-2016

Scopus AuthorID: 58024703600

SPIN-код РИНЦ: 6155-1648; AuthorID: 277543

Максимов Виталий Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации
191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Литейный пр., 44

E-mail: maximovva@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 6458-4854; AuthorID: 780104

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Болдырев В.А. Свобода договора: эволюция правового принципа в эпоху информатизации / В.А. Болдырев, В.А. Максимов // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 118–129. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vladimir A. Boldyrev – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Civil Law Department
North-Western branch of the Russian State University of Justice

5, Aleksandrovskii park, St. Petersburg, 197046, Russia

E-mail: vabold@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1454-6886

ResearcherID: H-1270-2016

Scopus AuthorID: 58024703600

RSCI SPIN-code: 6155-1648; AuthorID: 277543

Vitaly A. Maksimov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteinyi pr., St. Petersburg, 191014, Russia

E-mail: maximovva@mail.ru

RSCI SPIN-code: 6458-4854; AuthorID: 780104

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Boldyrev V.A., Maksimov V.A. Freedom of contract: the evolution of a legal principle in the era of information. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 118–129. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).118-129. (In Russ.).

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПКИ У ЕДИНСТВЕННОГО ПОСТАВЩИКА ОТДЕЛЬНЫМИ ВИДАМИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОСНОВАНИЯ, ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА

Ю.Н. Белова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

08 июля 2024 г.

Дата принятия в печать –

30 сентября 2024 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Закупки, единственный поставщик, конкурентная закупка, эффективность закупочной деятельности, несостоявшиеся торги, заключение договора, слабая сторона, понуждение к заключению договора

Анализируются правовые особенности закупки у единственного поставщика в сравнении с другими способами закупки, осуществляемыми отдельными видами юридических лиц, а также исследуется проблематика заключения договора с единственным поставщиком. Предлагается исходить из принципа исключительности закупки у единственного поставщика, а также максимально отказаться от неопределенности при заключении договора с единственным поставщиком. Отмечается отсутствие единого подхода к осуществлению закупок такого рода, конкретного состава документов, которыми будет обладать потенциальный единственный поставщик до заключения договора, что снижает правовую определенность отношений, возникающих в процессе закупки.

LEGAL MECHANISMS FOR PURCHASING FROM A SOLE SUPPLIER BY CERTAIN TYPES OF LEGAL ENTITIES: GROUNDS, FEATURES OF RECOGNITION AND CONCLUSION OF A CONTRACT

Julia N. Belova

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 July 8

Accepted –

2024 September 30

Available online –

2025 June 20

Keywords

Procurement activities, the sole supplier, competitive procurement, efficiency of procurement activities, failed tenders, conclusion of a contract, weak side, coercion to conclude a contract

The subject. The author makes an analysis of the legal particularities of purchasing from a sole supplier as compared to other procurement methods applied by certain types of legal entities under the requirements of the Procurement Law, as well as examines the legal issues of concluding a contract with a sole supplier. The object of this study is the relations between the customer and potential sole suppliers within the procurement process and subsequent entry into of the contract, including in case of sole supplier's evasion to conclude the contract and the customer's need to force the sole supplier to conclude the contract.

The purpose of the study is to examine the civil law relations that develop when a customer chooses a non-competitive method of purchasing from a sole supplier, concludes a contract with it, as well as to identify legal issues such relations in theory and practice.

The research methodology is a combination of both general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction, statistical method) and specific scientific methods (legal comparative and formal legal methods, as well as legal modeling). The statistical method has been actively used in the evaluation of numerical data. The application of specific scientific methods allowed the author to develop recommendations on improvement of legal regulations and optimizing the customer's procurement procedures.

The main results and practical application are as follows. The study introduces a number of characteristics that assess the regulator's impact on the purchasing relations. The stage of pre-contractual relations with a sole supplier is considered by the author both in the context of entering into contractual relations and recognizing the status of a sole supplier in

accordance with the Procurement Law. The lack of a unified approach to procurement of this kind, and a specific set of documents that a potential sole supplier will have before concluding a contract, reduces the legal certainty of the relationships that arise during the procurement process.

Conclusions. The author proposes to apply a reasonable approach to select a procurement method, including based on the exceptional nature of procurement from a sole supplier, as well as to avoid uncertainty, to the extent possible, when concluding a contract with a sole supplier.

1. Введение

Одним из поводов обращения к вопросу о рассмотрении особенностей осуществления закупки у единственного поставщика в рамках Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон о закупках)¹ явилось отсутствие четкого нормативного регулирования и различие в понимании этого явления участниками закупочной процедуры, судебными и контрольно-надзорными органами.

Согласно отчету Минфина России, по результатам мониторинга закупок отдельными видами юридических лиц за 2023 г. в общей структуре закупок число конкурентных способов закупок с небольшим отрывом превышает неконкурентные (55 % против 45 %), по стоимостному объему сумма неконкурентных закупок за 2023 г. составляет 46 % от общего объема закупок отдельными видами юридических лиц², что говорит об огромном значении закупок у единственного поставщика в общем массиве складывающихся по результатам закупочных процедур правоотношений. При этом, по данным исследования Торгово-промышленной палаты РФ «Бизнес-барометр коррупции», в 2023 г. закупки, осуществляемые в рамках Закона о закупках, 42,25 % респондентов были признаны «коррупцированной сферой деятельности»³.

Анализ указанных данных в совокупности говорит о росте числа закупок у единственного поставщика, в том числе в силу предоставленной законода-

тельством о закупочной деятельности отдельных видов юридических лиц особой свободой заказчика по определению оснований и процедуры осуществления неконкурентной закупки в целом, в том числе формированию условий договора с единственным поставщиком, что вызывает необходимость правовой оценки имеющихся подходов к определению оснований и порядку осуществления закупок у единственного поставщика в рамках Закона о закупках.

В отличие от Закона о закупках, Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе)⁴ более детально регламентирует как основания закупки у единственного поставщика, так и процесс осуществления такой закупки. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках⁵ в ст. 30 определяет основания осуществления закупок «из единственного источника», что дает основания полагать о схожей правовой природе данного явления с производением закупки у единственного поставщика в рамках Закона о контрактной системе и Закона о закупках.

Следует отметить, что регулятор в Законе о закупках особо выделяет закупку у единственного поставщика среди других неконкурентных способов осуществления закупки, которые заказчик вправе предусмотреть в своем локальном положении о закупках.

Если интересы участника конкурентной закупки раскрыты в Законе о закупках через ряд его

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

² Сводный аналитический отчет о результатах мониторинга закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц за 2023 г. // Минфин России: офиц. сайт. С. 48. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/contracts/purchases?id_57=307313.

³ ТПП России представила результаты исследования «Бизнес-барометр коррупции» за 2023 год // Торгово-промышленная палата Российской Федерации: офиц. сайт. 2023. 8 дек. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/5239282/>.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

⁵ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о публичных закупках (принят в г. Вене 1 июля 2011 г. на 44-ой сессии ЮНСИТРАЛ). URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/procurement/modellaw/public_procurement.

правомочий: возможность ознакомления с условиями закупки, участие в ее проведении, обжалование ее итогов, – то в отношении вовлечения единственного поставщика в процесс закупочной деятельности заказчика Закон о закупках говорит весьма уклончиво, ссылаясь на регулирование положением о закупках заказчика.

Важно принимать во внимание, что для заказчика нормативно не установлены ограничения по количеству заключаемых с единственным поставщиком договоров и по предельной стоимости конкретной закупки, а также по их суммарному объему⁶, что создает для него фактически неограниченные возможности по осуществлению неконкурентных закупок на основе положения о закупках.

По мнению Н.А. Власенко, создание правовой неопределенности является своего рода «средством правового регулирования», так как в силу отсутствия необходимости или невозможности правового регулирования создается требуемая свобода правоотношений [1, с. 43].

Статус закупки у единственного поставщика среди других способов закупок максимально неопределен, отдан на откуп самим заказчиком, из чего можно было бы предположить, что этот способ закупки может в большей степени соответствовать одной из основных целей Закона о закупках – «своевременному и полному удовлетворению потребностей» заказчика. При этом нельзя не отметить, что цели закупочной деятельности, применительно к складывающимся в закупочной деятельности отношениям, не могут рассматриваться по отдельности. Цель соблюдения конкуренции при осуществлении закупочной деятельности может являться не только мерой поддержки потенциальных участников рынка, но и возможностью для заказчика удовлетворить свои потребности по минимальной цене на самых благоприятных условиях. При этом в случае с закупкой у единственного поставщика, в особенности в отсутствие должного регулирования данного вопроса в положении о закупочной деятельности заказчика, существует риск недостижения поставленных заказчиком целей закупки.

В подтверждение изложенной выше точки зрения о том, что регулятор не раскрывает содержание закупки у единственного поставщика, является и тот

факт, что он не выделяет такой самостоятельный способ закупки, как закрытая неконкурентная закупка – по аналогии с отраженными в Законе о закупках закрытыми конкурентными способами закупки [2, с. 216].

2. Основания осуществления закупки у единственного поставщика

Говоря о гражданско-правовом характере отношений, складывающихся вокруг Закона о закупках, О.А. Беляева указывает на то, что «понятие “закупка” охватывает преддоговорные и договорные отношения между заказчиками и участниками закупки» [3, с. 15]. При этом автор отмечает, что закон позволяет определить закупку «как совокупность последовательных действий заказчика (юридическую процедуру), нацеленных на выбор контрагента для заключения с ним конкретного договора» [4, с. 25]. В двух этих определениях по-разному оценивается статус участника закупки: «пассивный» или «активный», – что в целом отражает суть закупочной деятельности, находящейся на пересечении частных-правовых и публичных интересов.

Путем судебного толкования норм Закона о закупках Верховный Суд РФ установил, что любая корпоративная закупка у единственного поставщика должна иметь под собой основание, предусмотренное положением о закупочной деятельности заказчика. При этом «вольная» на осуществление заказчиком любых закупок у единственного поставщика является недопустимой. Также Верховный Суд РФ высказал позицию в отношении того, при каких обстоятельствах и исходя из каких потребностей заказчика целесообразно производство закупки у единственного поставщика, указав на необходимость «разумных и объективных причин»⁷, объясняющих неэффективность конкурентной процедуры, в том числе в силу срочности, обстоятельств непреодолимой силы, узкой направленности закупки, а также, в отдельных случаях, по результатам несостоявшейся конкурентной закупочной процедуры.

В нормативной базе можно встретить отдельные акты – дозволения, разрешающие производить закупку отдельных групп товаров, работ, услуг у единственного поставщика. В Законе о закупках такое разрешение было установлено после начала специальной военной операции на территории Укра-

⁶ Письмо Минфина России от 28 декабря 2018 г. № 24-05-08/96208 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-

ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 мая 2018 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

ины в отношении всего необходимого для выполнения гособоронзаказа и создания соответствующих запасов. В 2024 г. была предусмотрена возможность закупки российского программного обеспечения у единственного поставщика, который является его разработчиком⁸.

Таким образом, объективно определяются два подхода законодателя к регулированию закупки у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц:

1) законодатель допускает самостоятельное разумное определение заказчиком оснований закупки у единственного поставщика;

2) регулятор определяет основания, установление которых в положении о закупках презюмируются им как изначально обоснованные.

Предложенное А.В. Ермаковой деление оснований закупки у единственного поставщика на группы: уникальность поставщика, малая закупка, конкурентная закупка, несостоявшаяся конкурентная закупка, закупка из интересов бизнеса [5, с. 15] – представляется возможным дополнить закупками в чрезвычайных обстоятельствах, срочными закупками, закупками, исходящими из интересов безопасности.

Ф.А. Тасалов полагает, что основой построения отношений с единственным поставщиком во многом выступает надежность связей «с поставщиком, в квалификации и способности которого никто не сомневается», без рисков проведения конкурентной процедуры, которая сопряжена с отсутствием гарантий надлежащего исполнения обязательств [6, с. 142]. Несмотря на негативные стороны выстраивания кооперационных связей в нарушение требований законодательства о защите конкуренции, нельзя не признать, что долгосрочные экономические связи между контрагентами являются по сути отражением теорий реляционных контрактов и конвенционализма, основанных не на юридических условиях договора, а на социальных обязательствах, партнерстве и действии в интересах общей кооперации [7, с. 58; 8, р. 1770–1772], что особенно характерно для крупных корпоративных заказчиков, составляющих основу отдельных видов юридических лиц в соответствии с Законом о закупках.

Согласно позиции, изложенной Д.А. Казанцевым, Закон о закупках «был рассчитан на экспертизу

более высокого порядка как в части исполнения, так и в части контроля», что требовало от заказчика при разработке положения о закупке высокого уровня ответственности при определении оснований закупки у единственного поставщика и дальнейшей реализации этих положений [9, с. 181]. А.А. Филимонов обращает внимание на необходимость повышения «правовой культуры» потенциальных участников закупки, направленной на избежание создания антиконкурентных соглашений [10, с. 314–315].

По мнению К. Чагина, Закон о закупках предъясвляет к заказчику единственное требование в отношении закупок у единственного поставщика – наличие закрытого перечня оснований для проведения такой закупки, что представляется резонным при условии их обоснованности условиями хозяйственного оборота конкретного заказчика [11, с. 40].

А.К. Шереметьева и В.Д. Галиева отмечают, что предоставленная заказчиком свобода выбора оснований осуществления закупочной деятельности у единственного поставщика «идет в разрез с общими принципами данной деятельности», и только установление единых оснований и порядка их применения по аналогии с Законом о контрактной системе приведет к большей эффективности закупочной деятельности [12, с. 174].

Исходя из изложенного, представляется, что правовые основы регулирования осуществления закупки у единственного поставщика не в полной мере раскрыты нормативно. Следствием этого является противоречивое восприятие закупки у единственного поставщика, с одной стороны, скорее как исключения из правила осуществления закупки конкурентным способом, что создает вероятность того, что поведение заказчика может быть расценено как уклонение от конкурентных процедур и злоупотребление правом, с другой стороны, как практически неограниченной свободы по выбору единственного поставщика. Таким образом, в большинстве случаев для заказчика закупка у единственного поставщика должна оставаться строго регламентированным правом.

3. Заключение договора с единственным поставщиком

Среди специфических оснований, следствием которых является заключение заказчиком договора с единственным поставщиком, можно выделить:

обеспечения у его разработчика в качестве единственного поставщика (исполнителя, подрядчика)» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Письмо Минфина России № 24-00-07/22259, Минцифры России № СК-П11-22106, ФАС России № ПИ/20386/24 от 13 марта 2024 г. «Об осуществлении отдельными видами юридических лиц закупки российского программного

1. *Малые закупки у единственного поставщика, созданные путем дробления единой закупки в целях избежания необходимости организации конкурентной процедуры*, что содержит в себе негативные последствия, связанные как с ограничением конкуренции, так и недостижением того экономического эффекта, на который заказчик мог рассчитывать при единой закупке [13, с. 221]. Определенным регулятором средством борьбы с указанным явлением стало введение перечня одноименных товаров и установление объема закупки по ним в пределах квартала.

2. *Заключение договора с единственным участником конкурентной закупки как с единственным поставщиком*. Конституционный Суд РФ указал на недопустимость произвольного решения заказчика в отношении судьбы закупки с единственным участником, по общему правилу установил обязанность заказчика заключить такой договор, а в случае, если положение о закупочной деятельности заказчика содержит обязанность произвести повторную закупку, – совершить указанное действие⁹. По мнению А.И. Фролова, заключение договора с единственным участником торгов представляется юридически гуманным с точки зрения защиты «слабой стороны правоотношений» [14, с. 38–39]. Так как для заказчика данная закупка может не дать желаемый экономический эффект, справедливой для обеих сторон будет ситуация, при которой участник закупки будет изначально ознакомлен с «правилами игры».

3. *Пролонгация договора* путем заключения дополнительного соглашения к договору или заключение договора с единственным поставщиком только по причине пролонгации договора создает ситуацию, при которой нарушаются основные цели Закона о закупках, ограничиваются любые возможности участия иных потенциальных поставщиков товаров, работ, услуг¹⁰.

Е.В. Баланцев обращает внимание на различие в заключении договора по итогам конкурентной закупки и закупки у единственного поставщика. В случае с неконкурентной закупкой оферта может исходить как от поставщика (исполнителя), так и от заказчика, что недопустимо для конкурентных закупок [15, с. 35].

А.В. Дёмкина указывает на особое значение преддоговорных переговорных отношений на торгах в целях формирования предмета закупки, иных условий договора наилучшим образом [16, с. 204]. Указанный подход можно применить и в отношении осуществления закупки у единственного поставщика, так как для заказчика критически важно изучить имеющийся рынок и запросить возможные предложения исполнения обязательства.

Поддерживая обсуждение В.А. Беловым проблемы наличия или отсутствия воли в действиях стороны договора и ее нацеленности на конечный правовой результат договорных отношений [17, с. 254–260], можно охарактеризовать отношения заказчика и единственного поставщика как нацеленные на достижение экономического эффекта, но с неопределенным набором правовых средств для этого.

В контексте вступления в договорные отношения заказчика с единственным поставщиком представляет особый интерес тот факт, что поставщик может не обладать информацией о том, что он является не просто контрагентом заказчика по договору, но и единственным поставщиком в рамках его закупочной процедуры. Первоначальный объем информации, необходимый заказчику в виде согласия исполнить определенное обязательство за определенную цену, зачастую является для заказчика достаточным для его выбора в качестве единственного поставщика и формирования протокола закупочной комиссии. При этом указанный протокол и впоследствии направленный в адрес поставщика договор могут не иметь обязывающего эффекта для потенциального единственного поставщика в силу отсутствия должного урегулирования, что создает определенную коллизию, связанную с «информационной закрытостью» неконкурентных закупок для конкурентного рынка. Фактически, протокол закупочной комиссии выражает волю заказчика, но указанной воле не корреспондирует обязательство потенциального единственного поставщика заключить договор на предложенных заказчиком условиях.

Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «между содержанием воли и ее внешним выражением должно быть полное соответствие» [18, с. 160]. О.С. Иоффе рассматривал обращение, которое не содержало в

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 2022 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 432, пункта 1 статьи 438, пункта 4 статьи 445, пункта 5 статьи 447 и пункта 4 статьи 448 Граждан-

ского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 6 июня 2022 г. № Ф02-2371/2022 по делу № А33-10536/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

себе существенных условий договора, «вызовом на offerту, который ни к чему не обязывает того, кто его сделал» [19, с. 27]. В случае, если положением о закупочной деятельности заказчика не установлен порядок заключения договора с единственным поставщиком, первоначальные действия заказчика по выстраиванию отношений с потенциальным единственным поставщиком можно рассматривать как «вызов на offerту» и нельзя считать направлением offerты в правовом смысле.

В то время как победитель конкурентной закупки заключает договор на сформированных заказчиком условиях, будучи с ним ознакомленным, присоединяется к договору, хотя напрямую и не участвует в формировании условий такого договора, единственный поставщик может оказаться в ситуации, при которой он узнаёт о выборе его заказчиком в качестве единственного поставщика и одновременно получает проект договора.

Д.И. Мейер считал, что если лицо «определяет свою волю в настоящем, а юридические последствия ее пока неизвестны, то такая сделка заключается условно» [20, с. 231].

Нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой обе стороны должны быть наделены правом вступления в договорные отношения и действовать в нем совместно независимо от последовательности действий [21, р. 285].

При этом остается открытым вопрос: может ли быть истолкован в качестве заключенного с единственным поставщиком любой договор заказчика, действующего в рамках Закона о закупках, в отсутствие конкурентной закупки, только по причине того, что он не соответствует характеристикам конкурентной закупки?

Учитывая, что инициатива формирования договорных отношений с единственным поставщиком может исходить как от заказчика, так и от потенциального единственного поставщика, слабой стороной договора может быть признана сторона, которая находится в неравных возможностях по отстаиванию своего права на установление «симметричных» прав и обязанностей. В указанных условиях заключение договора на невыгодных условиях сталкивается с принципом свободы договора¹¹.

Согласно позиции, высказанной А.А. Волосом и Е.П. Волос, в силу сложности и специфичности складывающихся между сторонами отношений не всегда объективно удается установить, кто из сторон является слабой стороной. Также авторы признают, что в таких ситуациях концепция слабой стороны должна уступить механизму равной защиты интересов обеих сторон [22, с. 135; 23, с. 96, 98]. Применительно к закупочной деятельности заказчика, учитывая, с одной стороны, исключительный характер его потребности в необходимых товарах, работах и услугах, высокую степень его заинтересованности в целом, отсутствие прямой общей возможности понудить потенциального единственного поставщика заключить договор в отсутствие его желания, а с другой стороны – неопределенность в положении единственного поставщика, наделение его статусом, с которым он может быть не согласен, можно также говорить об отсутствии четкого определения слабой стороны в складывающихся отношениях.

Особое значение для понимания сути отношений, складывающихся между заказчиком и единственным поставщиком в ходе реализации закупки, имеет выработанная на основе судебной практики позиция, о том, что любое нарушение со стороны заказчика процедуры закупки у единственного поставщика не должно сказываться на исполнении обязательств по оплате выполненных работ¹². Указанное является подтверждением изложенной ранее позиции о защите интересов обеих сторон.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение вопроса, связанного с возможностью заказчика или единственного поставщика отказаться от заключения договора. В.В. Саркисян, характеризуя преддоговорный этап отношений сторон при проведении торгов, в составе элементов выделяет, в том числе, прекращение переговоров [24, с. 34]. С.О. Поставалова, рассуждая о возможности отказа заказчика от заключения договора в рамках неконкурентных способов закупки, справедливо допускает такой отказ при условии, если это не противоречит требованиям положения о закупках заказчика [25, с. 9]. При этом, в развитие высказанной ранее идеи о недостаточной информированности потенциального единственного поставщика как с положением о закупках заказ-

¹¹ Статьи 421, 428 Гражданского кодекса РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301).

¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 308-

ЭС19-13774 по делу № А32-28627/2015 // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 27 января 2021 г. № Ф01-15682/2020 по делу № А17-2176/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

чика, так и со своим статусом единственного поставщика, не разрешен в действующем законодательстве и судебной практике вопрос оценки действий потенциального единственного поставщика, уклоняющегося от заключения договора по итогам его выбора закупочной комиссией заказчика.

Особого нормативного регулирования в Законе о контрактной системе, Законе о закупках и Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (п. 3 ст. 26.1)¹³ заслужило право заказчика на период введения особых мер осуществлять закупки у единственного поставщика для исполнения государственного оборонного заказа и формирования соответствующих резервов, а также корреспондирующая обязанность всех без исключения юридических лиц выступать в качестве единственного поставщика в отсутствие права на отказ. Складывающаяся практика антимонопольных органов по вопросу обжалования выбора заказчиком неконкурентного способа закупки, подтвердила реальность и императивность действия указанных выше норм и справедливость выбора именно закупки у единственного поставщика¹⁴.

Таким образом, помимо случаев, когда участие лица в неконкурентной закупке строго формализовано, и участник обладает всей полнотой информации о последствиях вступления в преддоговорные отношения с заказчиком в целях в дальнейшем заключить договор, еще одним основанием для возможного понуждения лица к заключению договора с заказчиком будет его привлечение в качестве единственного поставщика для исполнения обязательств заказчика по государственному оборонному заказу.

Исходя из анализа положений о закупках некоторых заказчиков, можно сделать вывод, что основное значение в них уделяется вопросам определения оснований для проведения закупки у единственного поставщика, а не порядку заключения с ним договора, ознакомлению его с условиями договора и документации (при ее наличии) или возможности влиять на условия закупки. Например, Положение о закупке Госкорпорации «Роскосмос» не описывает процесс заключения договора с единственным по-

ставщиком, а к условиям, подлежащим корректировке в проекте договора, относит идентификацию единственного поставщика, поставляемого товара, работы, услуги или определение тех условий, которые улучшают положение заказчика¹⁵.

Единый отраслевой стандарт закупок Госкорпорации «Росатом» помимо открытой процедуры размещения информации о планируемом к заключению договоре, извещении и справке-обосновании содержит порядок определения условий договора, заключаемого с единственным поставщиком, что представляет из себя консолидирование потребностей заказчика, выраженных в условиях, предложенных единственным поставщиком, итогов переговоров и иных форм взаимодействия (ст. 9.2, 4.2.2)¹⁶. Данный стандарт, с одной стороны, накладывает на заказчика высокие обязательства по его исполнению, но, с другой стороны, создает требуемую степень открытости и прозрачности проведения закупки у единственного поставщика.

4. Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что в целях эффективности закупочной деятельности заказчику необходимо применять обоснованный подход к выбору способа закупки, в том числе исходя из принципа исключительности закупки у единственного поставщика против конкурентных способов закупки, а также выстраивать отношения с потенциальным единственным поставщиком таким образом, чтобы у него не возникало сомнений в своем статусе. Причиной неопределенности правоотношений, складывающихся в ходе закупки у единственного поставщика, является предоставленная заказчику регулятивная свобода, которой он зачастую злоупотребляет. Отсутствие единого подхода к осуществлению закупок такого рода, определенного состава документов, которыми будет обладать потенциальный единственный поставщик до заключения договора, снижает правовую определенность статуса поставщика. В числе таких документов извещение (документация) о закупке, содержащее, в том числе, требования к единственному поставщику и проект договора, порядок направления ему предложений о за-

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 23. Ст. 2750.

¹⁴ Решение Санкт-Петербургского УФАС России от 19 марта 2024 г. № 078/10/18.1-183/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Положение о закупке товаров, работ, услуг Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» (утв. наблюдательным советом Госкорпорации

«Роскосмос», Протокол от 25 августа 2020 г. № 38-НС) (ред. от 26 декабря 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Единый отраслевой стандарт закупок (положение о закупке) Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» (утв. решением наблюдательного совета Госкорпорации «Росатом» от 7 февраля 2012 г. № 37 от 13 февраля 2024 г. № 189). URL: <https://www.rosatom.ru/vendors/>.

ключении договора, предусматривающий учет мнения единственного поставщика. Единообразие в указанных аспектах в совокупности позволит сторонам

избежать правовой неопределенности в отношениях и нивелировать имеющиеся разногласия в правовом статусе единственного поставщика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций / Н. А. Власенко. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Росс. Федерации : ИНФРА-М, 2015. – 176 с.
2. Белицина Е. В. К вопросу обеспечения конкуренции в ходе проведения закрытых закупочных процедур в рамках законодательства о закупках отдельными видами юридических лиц / Е. В. Белицина, Ю. Н. Белова, Я. М. Цандер // Защита конкуренции в условиях глобальных экономических и социальных изменений. – М. : Юрист, 2023. – С. 209–217.
3. Беляева О. А. Корпоративные закупки: проблемы правового регулирования : науч.-практ. пособие / О. А. Беляева. – М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Юриспруденция, 2018. – 312 с.
4. Беляева О. А. Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»: рамки применения в договорных отношениях / О. А. Беляева // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 25–31. – DOI: 10.12737/5273.
5. Ермакова А. В. Произвольный перечень «единственных источников» в положениях о закупке – обзор практики ФАС России и судов / А. В. Ермакова // Корпоративные закупки – 2017: Практика применения Федерального закона № 223-ФЗ : сб. докл. V Всерос. практ. конф.-семинара. – М. : ПРИНТ ИНТАЙМ, 2017. – С. 15–27.
6. Тасалов Ф. А. Закупки. От технического задания к исполнению контракта : моногр. / Ф. А. Тасалов. – М. : Проспект, 2018. – 256 с.
7. Зайцева Н. В. Воплощение концепции реляционных контрактов в современной практике / Н. В. Зайцева // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 2. – С. 56–72. – DOI: 10.12737/jrl.2021.019.
8. Lichter A. Conventionalism and contingency in promissory powers / A. Lichter // Philosophical Studies. – 2023. – Vol. 180, iss. 5–6. – P. 1769–1792. – DOI: 10.1007/s11098-023-01948-0.
9. Казанцев Д. А. Конкурентные закупки. Методология и нормативное регулирование : моногр. / Д. А. Казанцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 324 с.
10. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : моногр. / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2019. – 376 с.
11. Чагин К. Закупки у единственного поставщика по Закону № 223-ФЗ / К. Чагин // Прогосзаказ.рф. – 2019. – № 11. – С. 40–49.
12. Шереметьева А. К. Исключительность неконкурентных процедур как форма защиты публичных интересов / А. К. Шереметьева, В. Д. Галиева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2 (218). – С. 172–174. – DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_172.
13. Тарасов М. Ю. Закупка у единственного поставщика: вопросы правоприменительной практики и совершенствования законодательства / М. Ю. Тарасов, Е. В. Ступаченко // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 10 (226). – С. 220–224.
14. Фролов А. И. Правовые последствия несостоявшихся торгов / А. И. Фролов // Хозяйство и право. – 2023. – № 5. – С. 34–44.
15. Баланцев Е. В. Корпоративные закупки : путеводитель для поставщиков / Е. В. Баланцев. – М. : Право Достапа, 2019. – 45 с.
16. Демкина А. В. Преддоговорное правоотношение-обязательство: основы теории : моногр. / А. В. Демкина. – М. : Проспект, 2021. – 272 с.
17. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Белова. – 2-е изд., стер. – М. : Юрайт, 2015. – Т. 1. – 484 с.
18. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 851 с.

19. Иоффе О. С. Обязательственное право : учеб. / О. С. Иоффе. – М. : Юридическая литература, 1975. – 880 с.
20. Мейер Д. И. Избр. тр. : в 3 т. / Д. И. Мейер. – М. : Статут 2022. – Т. 1. – 848 с.
21. Sakharova I. The Power to Contract and the Offer-and-Acceptance Analysis of Contract Formation / I. Sakharova // Canadian Journal of Law & Jurisprudence. – 2024. – Vol. 37, iss. 1. – P. 261–285. – DOI: 10.1017/cjlj.2023.19.
22. Волос А. А. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование : моногр. / А. А. Волос, Е. П. Волос ; под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. В. Вавилина. – М. : Проспект, 2019. – 184 с.
23. Волос Е. П. Признаки слабой стороны в гражданском правоотношении в современных экономико-правовых условиях / Е. П. Волос // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, № 9. – С. 94–101. – DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.094-101.
24. Саркисян В. В. Проблема применения преддоговорной ответственности к процедуре заключения договора на торгах / В. В. Саркисян // Конкурентное право. – 2022. – № 1. – С. 31–34.
25. Постовалова С. О. Отказ от заключения договора при осуществлении закупок по Закону № 223-ФЗ / С. О. Постовалова // Вестник Института госзакупок. – 2020. – № 8. – С. 8–9.

REFERENCES

1. Vlasenko N.A. *Problems of legal uncertainty*, Course of lectures. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., INFRA-M Publ., 2015. 176 p. (In Russ.).
2. Belitsina E.V., Belova Yu.N., Tsander Ya.M. On the issue of ensuring competition in the course of conducting closed procurement procedures within the framework of procurement legislation by certain types of legal entities, in: *Zashchita konkurentsii v usloviyakh global'nykh ekonomicheskikh i sotsial'nykh izmenenii*, Moscow, Yurist Publ., 2023, pp. 209–217. (In Russ.).
3. Belyaeva O.A. *Corporate procurement: problems of legal regulation*, Scientific and practical guide. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., Yurisprudentsiya Publ., 2018. 312 p. (In Russ.).
4. Belyaeva O.A. The Federal law "On procurement of goods, works and services by particular types of legal persons": scope of application in contractual relations. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 8, pp. 25–31. DOI: 10.12737/5273. (In Russ.).
5. Ermakova A.V. An arbitrary list of "sole sources" in the procurement regulations - an overview of the practice of the FAS of Russia and the courts, in: *Korporativnye zakupki - 2017: Praktika primeneniya Federal'nogo zakona № 223-FZ*, collection of reports of the V All-Russian practical conference-seminar, Moscow, PRINT INTAIM Publ., 2017, pp. 15–27. (In Russ.).
6. Tasalov F.A. *Procurement. From the terms of reference to the execution of the contract*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 256 p. (In Russ.).
7. Zaytseva N.V. The Concept of Relational Contracts in Modern Practice. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 56–72. DOI: 10.12737/jrl.2021.019. (In Russ.).
8. Lichter A. Conventionalism and contingency in promissory powers. *Philosophical Studies*, 2023, vol. 180, iss. 5–6, pp. 1739–1792. DOI: 10.1007/s11098-023-01948-0.
9. Kazantsev D.A. *Competitive procurement. Methodology and regulatory regulation*, Monograph. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2022. 324 p. (In Russ.).
10. Vaipan V.A., Egorova M.A. (eds.). *Legal regulation of economic relations in modern conditions of the digital economy*, Monograph. Moscow, Yustitsinform Publ., 2019. 376 p. (In Russ.).
11. Chagin K. Purchases from a single supplier under Law no. 223-FZ. *Progoszakaz.rf*, 2019, no. 11, pp. 40–49. (In Russ.).
12. Sheremetyeva A.K., Galieva V.D. Exclusivity of non-competitive procedures as a form of protection of public interests. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2023, no. 2 (218), pp. 172–174. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_2_172. (In Russ.).

13. Tarasov M.Yu., Stupachenko E.V. Purchasing from a single supplier: issues of law enforcement practice and improvement of legislation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*, 2023, no. 10 (226), pp. 220–224. (In Russ.).
14. Frolov A.I. Legal consequences of the failed bidding. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2023, no. 5, pp. 34–44. (In Russ.).
15. Balantsev E.V. *Corporate purchases, A guide for suppliers*. Moscow, Pravo Dostupa Publ., 2019. 45 p. (In Russ.).
16. Demkina A.V. *Pre-contractual legal relationship-obligation: fundamentals of theory*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 272 p. (In Russ.).
17. Belov V.A. (ed.). *Civil law. Actual problems of theory and practice*, in 2 volumes, 2nd ed. Moscow, Yurait Publ., 2015. Vol. 1. 484 p. (In Russ.).
18. Shershenevich G.F. *Textbook of Russian civil law*. Moscow, Bashmakov Brothers Publ., 1911. 851 p. (In Russ.).
19. Ioffe O.S. *The law of obligations*, Textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975. 880 p. (In Russ.).
20. Meier D.I. *Selected works*, in 3 volumes. Moscow, Statut Publ., 2022. Vol. 1. 848 p. (In Russ.).
21. Sakharova I. The Power to Contract and the Offer-and-Acceptance Analysis of Contract Formation. *Canadian Journal of Law & Jurisprudence*, 2024, vol. 37, iss. 1, pp. 361–285. DOI: 10.1017/cjlj.2023.19.
22. Volos A.A., Volos E.P. *The weak side in civil law relations: comparative legal research*, Monograph, ed. by E.V. Vavilin. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 184 p. (In Russ.).
23. Volos E.P. Features of a Weaker Party in a Civil Law Relationship in Modern Economic and Legal Conditions. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 9, pp. 94–101. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.142.9.094-101. (In Russ.).
24. Sarkisyan V.V. The problem of the application of pre-contractual liability to the procedure of agreement conclusion at auctions. *Konkurentnoe pravo = Competition law*, 2022, no. 1, pp. 31–34. (In Russ.).
25. Postovalova S.O. Refusal to conclude a contract when making purchases under Law No. 223-FZ. *Vestnik Instituta goszakupok*, 2020, no. 8, pp. 8–9. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белова Юлия Николаевна – аспирант
Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: 1042210391@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-9609-3616
ResearcherID: GLQ-5257-2022
SPIN-код РИНЦ: 9848-6960

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Julia N. Belova – PhD student
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
6, Miklukho-Maklaya ul., Moscow, 117198, Russia
E-mail: 1042210391@pfur.ru
ORCID: 0000-0001-9609-3616
ResearcherID: GLQ-5257-2022
RSCI SPIN-code: 9848-6960

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Белова Ю.Н. Правовые механизмы осуществления закупки у единственного поставщика отдельными видами юридических лиц: основания, особенности признания и заключения договора / Ю.Н. Белова // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 130–139. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).130-139.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Belova Ju.N. Legal mechanisms for purchasing from a sole supplier by certain types of legal entities: grounds, features of recognition and conclusion of a contract. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 130–139. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).130-139. (In Russ.).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ НА ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ю.А. Кондюрина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

04 октября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Цивилистический процесс,
цифровизация, процессуальная
форма, принципы
цивилистического процесса,
новые технологии,
искусственный интеллект,
онлайн-коммуникация

Обосновывается необходимость анализа внедрения новых технологий в цивилистический процесс с позиции эффективности в достижении цели правосудия и оценки того, как такое внедрение влияет на соблюдение процессуальной формы. Исследуется влияние технологий онлайн-коммуникаций, применяемых в цивилистическом процессе, на его процессуальную форму. Делается вывод о том, что в условиях цифровизации цивилистического процесса дистанционные формы участия в судебном заседании изменяют процессуальную форму, упрощая и оптимизируя ее, что в большей степени носит технический характер, обеспечивая прозрачность и доступность правосудия.

THE IMPACT OF THE DIGITALIZATION OF THE PROCEDURAL FORM ON THE CIVIL PROCESS

Yulia A. Kondyurina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2024 October 04

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Civil process, digitalization,
procedural form, principle of the
civil process, new technologies,
artificial intelligence, online
communication

The subject. The impact of online communication technologies used in the civil process on its procedural form is analyzed.

The purpose of the study is to assess whether the introduction of digital tools corresponds to the basic principles of the civil process, its principles, and how this may affect compliance with the civil procedural form.

Methodology. The author uses systemic approach to interpretation former legal studies concerning issues of digitalization of civil procedure. Formal legal analysis of Russian legal acts is applied also.

Main results. The author substantiates of the necessity of analyzing the introduction of new technologies into the civil process from the standpoint of the effectiveness of achieving the purpose of justice. Modern technologies provide a huge or even endless range of possibilities, and not all digital tools are necessary for the civil process. The possibility of fully remote participation in court proceedings entails some "dying out" of procedural rituals, which simplifies the civil procedural form. Any implementation of digital tools should be evaluated in terms of the effectiveness of achieving the goal of justice, which is to protect a violated subjective right or legally protected interest.

Conclusions. In the context of the digitalization of the civil process, remote forms of participation in court hearings transform the procedural framework, simplifying and optimizing it. These changes are enhancing the transparency and accessibility of justice, being largely technical in nature. These changes do not affect the achievement of the main goal of justice – the protection of violated or disputed rights, freedoms and legitimate interests.

1. Введение

Построение в России информационного общества повлекло усложнение структуры общественных отношений.

Проникновение информационных и цифровых технологий во все сферы общественных отношений как отражение реалий цифровой экономики требует новую основу для развития системы государственного управления и всего общества в целом [1, с. 4].

Данные процессы, изменяющие общественные отношения, не могут не влиять на реализацию конституционного права на судебную защиту, на права поведения, обеспечивающие его реализацию.

Применение новых технологий в цивилистическом процессе «существенно разгрузило делопроизводство в российских судах, структурировало информацию о судебных делах, позволило оперативно вести статистический учет и реагировать на возникающие в деятельности судов вопросы» [2, с. 6].

Среди преимуществ внедрения новых технологий в цивилистический процесс называют скорость, удобство, экономию площади служебных помещений, снижение финансовых затрат, безопасность, открытость для общества, экологичность [3, с. 37].

С одной стороны, применение информационных технологий в цивилистическом процессе обеспечивает транспарентность и доступность правосудия, а с другой стороны, «задачи и функции судов остаются прежними; технологическая составляющая процессуальной деятельности не изменяет сущности правосудия» [4, с. 4].

Сегодня государство вынуждено успевать за развитием новых технологий и их постоянным внедрением.

Прорывное развитие цифровых технологий приводит к появлению новых видов нематериальных активов и трансформации традиционных материальных активов, образованию важных прямых и обратных зависимостей между объектами виртуального мира (киберпространства) и реального мира [5, с. 6].

По мере развития технологий расширяются и возможности человека. Ранее компьютеры применяли для выполнения шаблонных математических вычислений, затем появилась возможность программировать компьютеры, т. е. давать им точные пошаговые инструкции (алгоритмы) для выполнения какой-либо задачи. Сегодня разработчики программного обеспечения стремятся к тому, чтобы «запрограммированное “железо” стало умнее их самих – иначе говоря, чтобы машина научилась рассуждать на одном уровне с человеком и стала, таким обра-

зом, искусственным интеллектом» [6, с. 66]. Развитие нейронных сетей достигло такого уровня, что машинное зрение, распознавание речи и другие вещи, которые некогда считались невозможными, сейчас во многих областях осуществляются на уровне, сравнимым с человеческим.

Современный уровень технологий позволяет говорить о развитии искусственного интеллекта, который способен самообучаться и действовать автономно в определенном контексте.

Широкое использование таких систем имеет неоспоримые преимущества. В частности, человек освобождается от необходимости выполнения рутинных задач, и тем самым создаются благоприятные условия для его творческого развития [7].

Вместе с тем преимуществам использования систем искусственного интеллекта корреспондируют определенные риски. Например, «неподконтрольное применение систем искусственного интеллекта может приводить к нарушению неприкосновенности частной жизни, дискриминации при принятии такими системами решений, причинению вреда здоровью и имуществу человека, манипулированию поведением посредством использования рекомендательных алгоритмов» [8, с. 4], распространение ложных утверждений под видом проверенной информации вследствие отсутствия валидации сторонним лицом.

Современные технологии предоставляют огромный или даже бесконечный спектр возможностей, далеко не все цифровые инструменты необходимы цивилистическому процессу.

Любое внедрение цифровых инструментов должно быть оценено с точки зрения эффективности в достижении цели правосудия, которая состоит в защите нарушенного субъективного права или охраняемого законом интереса. Соответствует ли такое внедрение базовым началам цивилистического процесса, его принципам и как это может отразиться на соблюдении цивилистической процессуальной формы? Именно цель осуществления правосудия, принципы цивилистического процесса и цивилистическая процессуальная форма должны выступать индикатором необходимости внедрения новых технологий в сферу гражданского и арбитражного судопроизводства.

2. Цивилистическая процессуальная форма как индикатор внедрения новых технологий в цивилистический процесс

Процесс есть упорядоченное нормами процессуального права движение гражданского дела от одной стадии к другой, направленное на достижение

конечной цели – восстановление права или защиту охраняемого законом интереса [9, с. 20]

Движение цивилистического процесса и развитие процессуальных отношений происходят по определенному алгоритму, имеющему свои начало и окончание. Таким алгоритмом, системой установленных процессуальным законодательством правил, регламентирующих порядок осуществления правосудия по гражданским делам, а также порядок деятельности каждого участника цивилистического процесса, осуществляемой в целях защиты прав и законных интересов, является процессуальная форма. Правосудие осуществляется исключительно в процессуальной форме. Так, «гражданская процессуальная форма обеспечивает максимум гарантий судебной защиты и характерна только для правосудия» [10, с. 64].

Сущность цивилистической процессуальной формы заключается «в детальной и жесткой регламентации процессуального поведения суда и иных участников процесса, во-первых, с точки зрения конкретного содержания этого поведения, во-вторых, с точки зрения логической последовательности процессуальных действий или бездействия, в-третьих, с точки зрения места и времени их совершения или несовершения» [11, с. 105–106].

Вместе с тем цивилистическая процессуальная форма не является некой простой совокупностью правил, устанавливающих требования к деятельности по осуществлению правосудия. Цивилистическая процессуальная форма представляет собой «систему *гарантий*, призванную обезопасить как от возможного произвола со стороны тяжущихся, так и со стороны суда. Именно четкость и необходимая последовательность действий с наибольшей степенью вероятности гарантирует то, что правосудие действительно осуществилось» [12, с. 50].

Цивилистическая процессуальная форма определяет не только содержание процессуального поведения, но и его логику – последовательность совершения (несовершения) процессуальных действий.

С одной стороны, цивилистическая процессуальная форма характеризуется нормативностью, системностью, формальной определенностью и стабильностью, с другой, ее отличает динамизм.

Несмотря на стабильность цивилистической процессуальной формы, определенная ее оптимизация периодически происходит, например введение упрощенных процедур в цивилистический процесс, исключение мотивировочной части судебного решения в предусмотренных законом случаях и пр.

Как известно, цивилистическая процессуальная форма обладает свойством изменчивости [13, с. 13], и применение новых технологий в цивилистическом процессе не может не влиять на процессуальную форму.

Традиционная гражданская процессуальная форма носит устный и письменный характер [14, с. 62]. В то же время, как справедливо отмечает А.В. Незнамов, «появление новых способов и средств передачи информации во многом ставит под вопрос актуальность данной концепции. Механизмы обращения в суд в электронной форме, электронные судебные извещения, видео-конференц-связи и веб-конференции, первоначально возникшие в качестве альтернативы традиционным формам процессуальной коммуникации, к настоящему моменту существенно потеснили, а местами полностью вытеснили их. Так, существенная часть процессуальной коммуникации теперь происходит вне традиционной устно-письменной формы» [15, с. 218].

По мнению Ю.Н. Зипунниковой, «в зависимости от способа фиксации и передачи информации можно выделить устную, письменную и электронную цивилистическую процессуальную форму» [16, с. 54].

В этой связи интересен подход Ю.А. Лукониной, которая полагает, что «основой для трансформации цивилистического процессуального права может стать создание цифровой цивилистической формы, обусловившей эффективное функционирование так называемого прообраза “цифрового правосудия” в России» [17, с. 4]. По мнению данного автора, «цифровая процессуальная форма представляет собой внешнее нормативно-правовое выражение порядка рассмотрения и разрешения судами гражданских, административных дел и экономических споров с применением цифровых технологий фиксации, обработки и передачи информации, имеющей юридическое значение» [18, с. 46].

Вышеизложенное свидетельствует о существенном влиянии процессов цифровизации на цивилистическую процессуальную форму.

Вместе с тем, говоря о влиянии цифровизации на процессуальную форму и преимущества внедрения новых технологий в цивилистический процесс, следует помнить, что «недооценка гражданской процессуальной формы, игнорирование ее строгих принципов и правил весьма опасны как для правосудия, так и для общества в целом» [11, с. 109]. «Процессуальные нормы, процессуальный закон дают не только права участникам процесса, но и ставят дея-

тельность суда в определенные законом рамки, упорядочивая тем самым его властные функции, властные полномочия» [19, с. 53]. «Закон без ритуала, без процедуры его действия приводит власть – к произволу, а гражданина – к беззаконию» [20, с. 29].

3. Технологии онлайн-коммуникации и цивилистическая процессуальная форма

Наиболее ярким примером влияния цифровизации на цивилистическую процессуальную форму является применение в цивилистическом процессе технологий онлайн-коммуникаций.

Участие в судебном заседании с помощью системы видеоконференцсвязи применяется в арбитражном и гражданском судопроизводстве достаточно давно. Такой способ участия в судебном заседании предусматривает явку в суд по месту нахождения участника процесса. Суд, обеспечивающий участие посредством применения системы видеоконференцсвязи, устанавливает личность участника процесса. В условиях пандемии COVID-19 в 2020–2022 гг. такой способ участия в судебных заседаниях показал свою неэффективность в виду того, что доступ ко всем судам был ограничен. В данных чрезвычайных условиях в арбитражном процессе получила развития такая технология дистанционной судебной коммуникации, как участие в судебном заседании путем использования веб-конференции (онлайн-заседания). Данный способ участия в судебном заседании предполагает подачу в арбитражный суд соответствующего ходатайства, установление личности участника процесса осуществляется через систему «Госуслуги». Данный способ участия в судебном заседании не требует присутствия в суде, участник может находиться в любой точке земного шара, он не связан разницей в часовых поясах. Таким образом, пространственные и временные границы стираются.

Отмечая несомненные положительные аспекты применения в цивилистическом процессе технологии онлайн-коммуникаций, следует поставить вопрос об изменении цивилистической процессуальной формы, возможной ее трансформации.

Представляется, что при применении системы видеоконференцсвязи регламент проведения судебного заседания полностью выдерживается, соответственно, существенной трансформации процессуальной формы в данном случае не происходит.

Между тем участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции в некотором роде упрощает, оптимизирует процессуальную форму. С одной стороны, сокращаются временные затраты, не требуется ждать, пока участники вой-

дут в зал судебного заседания, достаточно быстро подключить участника процесса и быстро провести судебное заседание, а с другой стороны, у лиц, участвующих в деле, утрачивается психологический аспект присутствия в суде, у суда отсутствует возможность очного восприятия при изложении участником судебного процесса своей позиции по делу.

Применение технологий дистанционной судебной коммуникации в цивилистическом процессе имеет и положительные, и отрицательные стороны.

Зарубежные авторы среди негативных аспектов онлайн-слушаний называют неспособность участника процесса в полной мере участвовать в судебном разбирательстве и то обстоятельство, что некоторые «нюансы и язык тела» свидетелей могут остаться незамеченными [21]. «К положительным аспектам относятся снижение психологической нагрузки на участников, так как пугать может даже здание суда, не то что сам суд, стороне может быть неприятно физически лицезреть оппонента» [22, с. 140].

В научной литературе отмечается, что при проведении онлайн-заседаний «стороны выступают компактнее, меньше по времени, в целом речь более формальна. Этот эффект может быть объяснен через феномен самонаблюдения. В данном случае самонаблюдение еще и визуализируется. Выступающее в судебном заседании лицо видит себя на экране компьютера, непосредственно воспринимая собственные переживания, ему трудно как будто со стороны наблюдать свои же эмоции, следствием чего является стремление говорить без эмоциональной окраски» [22, с. 150].

Указанный психологический эффект имеет как плюсы, так и минусы. Положительный аспект заключается в концентрации участника процесса на существенных моментах своей правовой позиции. Минус состоит том, что суду сложнее выявить ложь в объяснениях.

Помимо отмеченного психологического эффекта онлайн-заседания также дисциплинируют участников процесса в том смысле, что участники процесса не могут перебивать друг друга в виду технических особенностей онлайн-заседаний. В частности, одновременно два и более голоса в онлайн-трансляции воспринимаются намного хуже, чем в реальной жизни, соответственно, лица, участвующие в деле, вынуждены избирать другие коммуникативные стратегии поведения в судебном заседании. «В определенной мере этот дисциплинирующий эффект позволяет минимизировать деструктивные речевые поступки типа агрессии, обмена колкостями, использо-

вания тактики дискредитации своего противника, манипулирования собеседником» [22, с. 150].

При проведении судебного заседания при использовании веб-конференции препятствия для соблюдения установленного процессуальным законом регламента отсутствуют. В начале судебного заседания суд устанавливает явку сторон. Участник процесса представляется, его данные уже есть в системе «Мойарбитр», в которой идентификация осуществлена через систему «Госуслуги». Далее судебное заседание проводится в стандартной процедуре.

Особенности онлайн-заседания, так же как участие посредством применения систем видеоконференцсвязи, состоят в исследовании доказательств.

Вещественные доказательства не исследуются при удаленных формах участия и должны быть предоставлены в суд, рассматривающий дело, до судебного заседания.

Письменные доказательства предоставляются в суд до судебного заседания, поскольку функционал системы «Мойарбитр» не предусматривает возможность предоставления письменных доказательств в ходе онлайн-заседания.

Объяснения участников процесса заслушиваются в том же порядке, что и при очном судебном заседании.

В случае, когда в судебном заседании посредством веб-конференции участвуют свидетели, эксперты, переводчики, арбитражный суд, рассматривающий дело, берет подписку у таких участников процесса о разъяснении им прав и обязанностей и предупреждении об ответственности за их нарушение, которая представляется в арбитражный суд в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью.

При использовании системы веб-конференции составляется протокол и ведется видеозапись судебного заседания. Материальный носитель видеозаписи судебного заседания приобщается к протоколу судебного заседания.

В научной литературе (см., напр.: [23]) распространено мнение, что в условиях цифровизации цивилистический процесс развивается под воздействием деритуализации и дематериализации.

Действительно, возможность полностью дистанционного участия в судебном разбирательстве

влечет некоторое «отмирание» процессуальных ритуалов, что упрощает цивилистическую процессуальную форму.

В частности, примером такой деритуализации цивилистической процессуальной формы является следующая ситуация.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ в ст. 154 регламентирует, что при входе судей в зал судебного заседания все присутствующие в зале встают. Решение арбитражного суда все находящиеся в зале судебного заседания лица выслушивают стоя. Свои объяснения и показания суду, вопросы другим лицам, участвующим в деле, ответы на вопросы они дают стоя. Отступление от этого правила может быть допущено только с разрешения суда.

При использовании системы веб-конференции данное правило вызывает некоторые сомнения относительно поведения участника процесса. В случае, когда участник использует мобильный телефон для подключения к онлайн-заседанию, особых проблем в соблюдении данного правила нет. В случае, если используется персональный компьютер, возникает вопрос, следует ли такому участнику приподнимать монитор, если нет, то что будет видеть суд на экране. Безусловно, это скорее технический вопрос, но он имеет место и создает на практике негативные моменты. Кроме того, на практике объяснения и показания суду, вопросы другим лицам, участвующим в деле, ответы на вопросы участники процесса дают сидя при проведении онлайн-заседаний. Возможно, это правило следует частично изменить.

4. Заключение

Анализ корреляции такого проявления цифровизации цивилистического процесса, как дистанционная форма участия в судебном заседании, и цивилистической процессуальной формы позволяет утверждать, что в цивилистической процессуальной форме происходят изменения. Данные изменения выражены в оптимизации и упрощении цивилистической процессуальной формы. Однако данные изменения носят скорее технический характер, обеспечивая транспарентность и доступность правосудия, не влияя на достижение главной цели правосудия – защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и законных интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Электронное правосудие как фактор трансформации процессуальных отраслей права : моногр. / под ред. Д. Х. Валеева, А. Г. Нуриева. – М. : Проспект, 2025. – 80 с.

2. Лаптев В. А. Цифровое правосудие. Цифровой документ : моногр. / В. А. Лаптев, Н. И. Соловяненко. – М.: Проспект, 2022. – 248 с.
3. Информатизация судебной системы России: генезис, содержание и будущее : моногр. / под ред. Р. А. Шарифуллина. – М. : Проспект, 2023. – 272 с.
4. Кондюрина Ю. А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Кондюрина. – Саратов, 2020. – 196 с.
5. Риски цифровизации: виды, характеристика, уголовно-правовая оценка : моногр. / отв. ред. Ю. В. Грачева. – М. : Проспект, 2022. – 272 с.
6. Макафи Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее / Э. Макафи, Э. Бриньолфсон ; пер. с англ. А. Поникарова. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 320 с.
7. Broecke S. Artificial intelligence and employment: new evidence from occupations most exposed to AI / S. Broecke. – Paris : OECD, 2021. – 6 p.
8. Кутейников Д. Л. Искусственный интеллект и право: от фундаментальных проблем к прикладным задачам : моногр. / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев. – М. : Проспект, 2025. – 104 с.
9. Гражданский процесс : учеб. / под ред. М. К. Треушников. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Городец, 2018. – 832 с.
10. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2014. – 784 с.
11. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учеб. / Г. Л. Осокина. – 3-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 704 с.
12. Гражданское процессуальное право России : учеб. для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. – М. : Юрайт, 2013. – 879 с.
13. Папулова З. А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. А. Папулова. – Екатеринбург, 2013. – 26 с.
14. Рассохатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : учеб. пособие / Н. А. Рассохатская. – Саратов : СГАП, 1998. – 88 с.
15. Незнамов А. В. Тенденции развития гражданской процессуальной формы в условиях цифровизации гражданского процесса / А. В. Незнамов // Вестник гражданского процесса. – 2024. – Т. 14, № 3. – С. 213–221.
16. Зипунникова Ю. Н. Некоторые вопросы классификации цивилистической процессуальной формы / Ю. Н. Зипунникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 8. – С. 53–57.
17. Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая форма: теоретико-прикладные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Луконина. – Саратов, 2023. – 26 с.
18. Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая форма: теоретико-прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. А. Луконина. – Саратов, 2023. – 239 с.
19. Алексеев С. С. Правовое государство – судьба социализма : науч.-публицист. очерк / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1988. – 176 с.
20. Феофанов Ю. Почему суд не становится «Третьей властью» / Ю. Феофанов // Вестник Верховного Суда СССР. – 1991. – № 1. – С. 29.
21. Tashea J. The legal and technical danger in moving criminal courts online / J. Tashea // The Brookings Institution. – August 6, 2020. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-legal-and-technical-danger-in-moving-criminal-courts-online/>.
22. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е. Г. Стрельцова. – М. : Инфотропик Медиа, 2022. – 336 с.
23. Ярков В. В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия / В. В. Ярков // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 11. – С. 3–6. – DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-3-6.

REFERENCES

1. Valeev D.Kh., Nuriev A.G. (eds.). *Electronic justice as a factor in the transformation of procedural branches of law*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 80 p. (In Russ.).

2. Laptev V.A., Solovyachenko N.I. *Digital justice. Digital document*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 248 p. (In Russ.).
3. Sharifullin R.A. (ed.). *Informatization of the judicial system of Russia: genesis, content and future*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 272 p. (In Russ.).
4. Kondyurina Yu.A. *Principles of the civilistic process in the electronic justice system*, Cand. Diss. Saratov, 2020. 196 p. (In Russ.).
5. Gracheva Yu.V. (ed.). *Risks of digitalization: types, characteristics, criminal-legal assessment*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 272 p. (In Russ.).
6. McAfee E., Brynjolfsson E. *Machine, platform, crowd. Our digital future*, transl. from English by A. Ponikarov. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2019. 320 p. (In Russ.).
7. Broecke S. *Artificial intelligence and employment: new evidence from occupations most exposed to AI*. Paris, OECD Publ., 2021. 6 p.
8. Kuteinikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. *Artificial Intelligence and Law: from Fundamental Problems to Applied Tasks*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2025. 104 p. (In Russ.).
9. Treushnikov M.K. (ed.) *Civil Procedure*, Textbook, 6th ed. Moscow, Gorodets Publ., 2018. 832 p. (In Russ.).
10. Sakhnova T.V. *Course of civil procedure*, 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2014. 784 p. (In Russ.).
11. Osokina G.L. *Civil procedure. General part*, Textbook, 3rd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2013. 704 p. (In Russ.).
12. Afanas'ev S.F. (ed.). *Civil procedural law of Russia*, Textbook for universities. Moscow, Yurait Publ., 2013. 879 p. (In Russ.).
13. Papulova Z.A. *Accelerated forms of consideration of cases in civil procedure*, Cand. Diss. Thesis. Yekaterinburg, 2013. 26 p. (In Russ.).
14. Rassakhatskaya N.A. *Civil procedural form*, Teaching aid. Saratov, Saratov State Academy of Law Publ., 1998. 88 p. (In Russ.).
15. Neznamov A.V. Trends of development of the civil procedural form in the context of digitalization of civil procedure. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2024, vol. 14, no. 3, pp. 213–221. (In Russ.).
16. Zipunnikova Yu.N. Some issues of classification of the civilistic procedural form. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2013, no. 8, pp. 53–57. (In Russ.).
17. Lukonina Yu.A. *Digital civilistic form: theoretical and applied aspects*, Cand. Diss. Thesis. Saratov, 2023. 26 p. (In Russ.).
18. Lukonina Yu.A. *Digital civilistic form: theoretical and applied aspects*, Cand. Diss. Saratov, 2023. 239 p. (In Russ.).
19. Alekseev S.S. *The rule of law is the fate of socialism*, Scientific and journalistic essay. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988. 176 p. (In Russ.).
20. Feofanov Yu. Why the court does not become the “Third Estate”. *Vestnik Verkhovnogo Suda SSSR*, 1991, no. 1, p. 29. (In Russ.).
21. Tashea J. The legal and technical danger in moving criminal courts online. *The Brookings Institution*, August 6, 2020, available at: <https://www.brookings.edu/articles/the-legal-and-technical-danger-in-moving-criminal-courts-online/>.
22. Strel'tsova E.G. (ed.). *Digital technologies in civil and administrative proceedings: practice, analytics, prospects*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2022. 336 p. (In Russ.).
23. Yarkov V.V. Principles of civil procedure law in the conditions of deritualization and dematerialization of justice. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2020, no. 11, pp. 3–6. DOI: 10.18572/1812-383X-2020-11-3-6. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кондюрина Юлия Алексеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Yulia A. Kondyurina – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil and Arbitration Procedure
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: kondyurina@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 9410-5909

E-mail: kondyurina@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 9410-5909

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кондюрина Ю.А. Влияние цифровизации процессуальной формы на цивилистический процесс / Ю.А. Кондюрина // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 140–147. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).140-147.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kondyurina Yu.A. The impact of the digitalization of the procedural form on the civil process. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 140–147. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).140-147. (In Russ.).

АКТУАЛЬНОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ РАБОТНИКА КАК ЭЛЕМЕНТА КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ РАБОТОДАТЕЛЯ*

О.В. Щербакова

*Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
01 июля 2024 г.
Дата принятия в печать –
20 марта 2025 г.
Дата онлайн-размещения –
20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Цифровой профиль,
метакомпетенции, управление
персоналом, цифровизация,
персональные данные
работников, частная жизнь
работников

Исследование внедрения программ цифрового профиля работника проводится с позиций Стратегии национальной безопасности РФ, а также угрозы массового сокращения рабочих мест в условиях цифровой трансформации промышленности. Программы могут анализировать профили социальных сетей работников, выявляя их навыки, предпочтения и способности к освоению новых компетенций, а затем предлагать работодателю индивидуальные образовательные траектории работников без высвобождения рабочей силы. Отмечается, что использование программ в современном виде как аналогов западных разработок без интеграции в национальное законодательство может не только принести пользу работодателю, но и нарушить гарантии прав работников, что недопустимо в условиях необходимой социальной стабильности и деглобализации современного общества. Игнорирование проблемы отсутствия разработанной на нормативном уровне методики функционирования информационных систем у конкретного работодателя может привести к негативным последствиям в области распространения персональных данных.

THE RELEVANCE OF IMPLEMENTING THE EMPLOYEE DIGITAL PROFILE AS AN ELEMENT OF THE EMPLOYER'S HR POLICY**

Olesya V. Shcherbakova

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Article info

Received –
2024 July 01
Accepted –
2025 March 20
Available online –
2025 June 20

Keywords

Digital profile, meta-
competencies, personnel
management, digitalization,
personal data of employees,
private life of employees

The subject. Economic, technological and geopolitical changes are leading to the digitalization of virtually all structures of the labor market: from the process of production and human resources management to the organization of the workplace. The use of new digital technologies makes it possible to give up routine human labor, contribute to improving the quality of working life of employees and employers, and increase industrial production, which means economic growth of the state. Thus, in accordance with the National Security Strategy, approved by the Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400, the situation in the production industry is one of the key criteria of Russia's competitiveness and contributes to the strengthening of the state's defense capability. Ensuring Russia's independence and competitiveness was also announced to be the main goal of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation, approved by Presidential Decree No. 642 dated December 1, 2016. On the other hand, the use of new technologies may have time-delayed risks. The most important risk today is the increasing release of labor force and mass cuts of jobs requiring average qualifications, as well as dismissal of employees due to failure to pass tests because of the lack of skills in digital tools.

The purpose of the study was to substantiate the urgent character of the implementation of digital profile programs as a part of the employer's personnel policy to achieve the objectives set in the National Security Strategy of the Russian Federation dated 2021.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта научной группы № 0402/2023.

** The study was carried out with the financial support of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev as part of the project of the scientific group No. 0402/2023.

The methodology of comprehensive research, including methods of document analysis, comparative analysis, secondary use of sociological and economic data were used.

Main results. The study shows that the use of the employee digital profile programs will allow the employer to identify weaknesses in any of the employee's skills well in advance, and to pave individual learning pathway, based on his/her preferences, hobbies and intentions, in order to upgrade the skills. It is deemed that the competence of employees is a factor for transfer of any business to digitalization. This policy of the employer will allow to cover for low-quality job cut and give personnel the minimum knowledge that makes it possible to acquire information on modern information technologies, be able to use it to solve the set problems and have necessary skills and technology, which will facilitate solution of the problems. Ultimately, these are tools to achieve the tasks set by the state in the framework of the state's defensive capability and competitiveness. At the same time, the lack of normative methodologies for the creation and operation of employee digital profiles and comprehensive scientific research predetermine increasing risks of violation of personal data of employees, privacy of employees, as well as discrimination in making legally significant decisions. Today there are no normative standards of data processing and system interaction, which leads to the diminution of guarantees of employees' rights in terms of respect for personal data and other data in terms of classified information.

1. Введение

Цифровая трансформация, автоматизация, внедрение новых цифровых технологий во все сферы экономики – всё это естественным образом обуславливает повышение производительности труда, нивелирование рутинного труда, улучшение качества трудовой жизни в целом. Так, Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400) провозгласила необходимость наращивания обороноспособного потенциала страны в условиях перехода на новый технологический уклад общества. К сожалению, обратной стороной происходящих процессов является неизбежное сокращение рабочих мест, требующих низкую квалификацию, а также необходимость в формировании нового профиля компетенций работника, владеющего не только профессиональными навыками и цифровой грамотностью, но и навыками критического мышления, эмоционального интеллекта, творческими компетенциями и умением работать в команде технически сложных профессий. Указанные навыки получили название трансверсальных, связанных с творческим, предпринимательским, гибким и непредубежденным мышлением. На важность формирования человеческого потенциала в целях достижения технологического лидерства также обращается внимание в Стратегии национальной безопасности.

В целях решения указанных проблем особое внимание следует уделить фундаментальным исследованиям междисциплинарного характера, позволяющим внедрять новую систему цифрового менеджмента. Цифровой менеджмент персонала

представляет собой новую платформу для улучшения работы персонала. Например, использование знаний на стыке экономики и цифрового управления персоналом позволяет говорить о феномене мультипликатора занятости высокотехнологичных отраслей экономики – о возможности создания новых низко-технологичных рабочих мест, носящих комплементарный характер. Ключевым элементом системы цифрового менеджмента является цифровой профиль работника, представляющий собой цифрового двойника работника и содержащий набор аналитических интерфейсов, позволяющих предсказывать треки его развития и управлять ими. Использование программ цифрового профиля работника позволит работодателю заблаговременно выявлять недостаток в любой из компетенций у работника и, исходя из его предпочтений, увлечений и намерений, формировать индивидуальную образовательную траекторию с целью повышения квалификации.

2. Обзор литературы

Влияние цифровизации экономики на социально-трудовые отношения вызывает активный интерес ученых и практиков на протяжении более 10 лет. Вместе с тем все исследования по вектору влияния на правовое регулирование социально-трудовых отношений можно условно объединить в три группы. Первая группа исследований посвящена выявлению лучших практик использования цифровых технологий при регулировании труда и занятости населения. Так, в работах А.В. Серовой, О.В. Щербаковой выявляются лучшие практики использования цифровых технологий при трудоустройстве у данного работодателя, а также правовые проблемы их

использования в контексте надлежащего нормативного регулирования [1; 2]. С.Ю. Головиной, Л.В. Зайцевой изучались результаты эксперимента по введению в некоторых субъектах Российской Федерации системы электронного кадрового документооборота, в результате чего был сделан вывод о положительной динамике внедрения указанной системы в практику регулирования трудовых отношений при условии установления на федеральном уровне общих правил взаимодействия работодателя и работника в цифровой среде, легализации обмена электронными документами как способа управления трудом и исполнения трудовой функции работником [3]. Отечественными и зарубежными учеными изучались возможности использования цифровых технологий в динамике улучшения качества трудовой жизни работников, в том числе посредством улучшения охраны труда: внедрение специальных «умных» приборов и технологий, обеспечивающих непрерывное наблюдение за отклонением состояния здоровья работника на ранних стадиях [4; 5].

Вторая группа исследований посвящена рискам, которым подвергается сфера социально-трудовых отношений под влиянием цифровизации: обостряются изменения форм занятости в условиях формирования сектора «гиг-экономики» [6], акцентируется внимание на угрозах конфиденциальности частной жизни работников в условиях возможности слежения за работниками посредством внедрения «умных» технологий и камер видеонаблюдения [7; 8]; изучается трансформация рабочего места в контексте неполной занятости населения [9; 10]; констатируется появление новых профессиональных рисков, связанных с технострессом [11], необходимостью изучать новые технологии, ростом эмоционального напряжения [12] и т. д.

Наконец, третья группа исследований посвящена рискам отложенного действия. С экономической точки зрения внедрение новых цифровых технологий снижает затраты компании. Это увеличивает производство, эффективность и производительность. Вместе с тем это влечет два важных и необратимых по своему содержанию последствия.

Первое – возникает необходимость обретения работниками новых знаний и навыков, постоянного повышения квалификации, получения новых знаний на протяжении всей жизни, умения использовать новое программное обеспечение, новые автоматизированные, роботизированные и технологические процессы [13, с. 200]. При этом бремя указанных рисков лежит на обеих сторонах трудовых отношений,

так как возлагает на работодателей затраты по обучению персонала, и проявляется как в индивидуальных, так и в коллективных трудовых отношениях [14, с. 400].

Технологические изменения уже позволяют увидеть, что некоторые работники на рынке обладают необходимыми навыками и могут легче адаптироваться к рынку труда. Напротив, другим не хватает необходимых навыков [15]. Приобретенные знания, умения и качества позволяют людям успешно и систематически выполнять поставленные задачи или реализовывать виды деятельности [16]. Навыки и их развитие особенно важны для того, чтобы страна и ее народ могли адаптироваться и успешно функционировать в постоянно меняющемся мире и на рынке труда. Те, кто приобретает сильные, необходимые навыки, более инновационны, эффективны, уверены в себе и имеют более высокое качество жизни.

Второе важное последствие растущей цифровизации – спрос на новые профессии и навыки (метакомпетенции) и отсутствие необходимости в рутинном человеческом труде [17; 18]. Кроме того, автоматизация значительной части работы сотрудников создает проблему, поскольку компаниям не хватает квалифицированных сотрудников, обладающих соответствующими навыками для внедрения и поддержания новейших технологий в организации. С ростом популярности и развития искусственного интеллекта компании всё чаще выбирают и используют этот инструмент в своем бизнесе, а это означает, что появляется всё больше новых рабочих мест в сфере ИТ, робототехники и промышленности.

В научной литературе встречаются исследования о барьерах для управления рабочей силой, занимающейся приобретением знаний и расширением границ [19]. Тем не менее в литературе не проясняется, как будущие сотрудники могут подготовиться к решению проблем, связанных с необходимостью освоения новых компетенций. Например, исследование E. Enkel [20, р. 1170] описывает различные возможности и процессы на уровне работодателей для внедрения инновационных технологий; их исследование не предлагает, как развивать возможности непосредственно самих работников. W. Vanhaverbeke и M. Cloudt [21, р. 260] указали на ограниченность исследований управленческих практик как основы для развития предпринимательского образования.

Прогнозируется, что в ближайшем будущем цифровизация будет только возрастать, а это озна-

чает, что также будут возрастать проблемы. Например, по данным статистики США и некоторых стран Европы, прогнозируется, что в ближайшие десятилетия около 40 % рабочих мест будут автоматизированы [22, р. 190; 23, р. 210; 24, р. 260; 25].

3. Обсуждение

В качестве решения проблемы эскалации профессиональных компетенций работников в условиях технологического перехода к цифровым инструментам в научной литературе была высказана мысль о формировании цифрового профиля работника как способа автоматизированной обработки информации о нем: его должности, показателях эффективности, обучении, карьерном развитии, вознаграждениях, рабочих коммуникациях, увлечениях, заинтересованности в задачах, загруженности планировщика задач, часто посещаемых страницах на корпоративных ресурсах, социальных контактах и т. д. [26].

Вообще, идея создания цифрового профиля работника не является инновационной. Концепция «цифрового двойника» начала использоваться в промышленности в строго определенных и понятных целях. Цифровой двойник – это виртуальное представление физического продукта, которое используется в качестве эталона для оценки, диагностики, оптимизации и контроля эксплуатационных характеристик продуктов, прежде чем приступить к их серийному производству в соответствии с мировыми стандартами. Современные исследования по данному вопросу изучают природу безопасности, в том числе правовой, данных цифровых двойников не в последнюю очередь по причине того, что высказывается предположение о необходимости первичной разработки цифрового двойника, а только потом его физического аналога [27].

Ключевыми критериями сбора информации о работнике могут служить, в том числе:

- оценка роли внутренней коммуникации присутствующего персонала, которая связана с взаимодействием сотрудников посредством социальных медиатехнологий в условиях цифровой экономики [28];

- информация, содержащаяся в сети в социальных профилях потенциальных членов рабочего коллектива [28];

- критерии эффективности сотрудника по определенным маркерам [29, с. 265].

Использование программ цифрового профиля в сфере управления персоналом способно нивелировать риски цифровой трансформации современного общества, носящие отложенный характер.

Наиболее важным риском на сегодняшний день является набирающее обороты высвобождение рабочей силы и массовое сокращение количества рабочих мест, требующих среднюю квалификацию, а также увольнение работников в связи с непрохождением аттестации по причине отсутствия умений использования цифровых инструментов. Очевидно, что переход к новому технологическому укладу требует изменения компетенций, умений и навыков работников и естественным образом обуславливает формирование нового профиля компетенций. Образование, обучение, переподготовка и повышение квалификации работников всех сфер экономики является одной из наиболее неотложных проблем, которую следует решить при адаптации отраслей к цифровой информации, особенно в тех отраслях, где человеческий ресурс и взаимоотношения компьютера и человека имеют первостепенное значение. Тенденция ближайших лет – чтобы люди и машины сотрудничали и развивались, используя сильные стороны друг друга, для развития промышленной экосистемы, которая была бы более эффективной, продуктивной и устойчивой.

Презюмируется, что компетентность работников является фактором перехода любого субъекта предпринимательства к цифровизации. Однако цифровая трансформация не должна ограничиваться появлением у работников только навыков применения цифровых инструментов. Она должна обуславливать появление у работников новых метакомпетенций: как минимум, к ним относятся навыки критического мышления, эмоционального интеллекта, творческие компетенции и умение работать в команде технически сложных профессий, т. е. более трансверсальные навыки, связанные с творческим, предпринимательским, гибким и непредубежденным мышлением. Таким образом, можно говорить не просто о наборе новых компетенций, а о целой системе профиля компетенций, основанной на необходимости достижения государством технологического лидерства.

Решение проблемы формирования нового профиля компетенций у работников следует рассматривать в парадигме Стратегии национальной безопасности РФ. Основываясь на данной стратегии, можно определить высокое качество человеческого потенциала как один из основных факторов поддержания лидерства государства на мировой арене. Предполагается, что в основании формирования перечня метакомпетенций должна находиться концепция достижения технологического лидерства государства с целью перехода на новый технологический уклад

общества. Новые компетенции, навыки и знания работников должны обладать признаками целостной системы, построенной и функционирующей по строго определенным и понятным принципам. Вместе с тем важен факт персонализированного подхода к формированию образовательной траектории работника с учетом его физического и эмоционального интеллекта, его заинтересованности и мотивации. Это связано, в первую очередь, с необходимостью реализации новой парадигмы компетенций работников без отклонения от конституционного порядка защиты основных прав.

Таким образом, возможность использования цифрового профиля определяет важные управленческие и политические последствия. На основе разработанных программ цифровых профилей работодателя могут выявлять и поддерживать сотрудников, подвергающихся значительному риску потери работы ввиду отсутствия необходимых компетенций, отслеживая их навыки в системе, т. е. исследуя цифровых двойников сотрудников с точки зрения навыков, умений и знаний, а затем предлагая заблаговременно проходить необходимое обучение.

Очевидны и другие преимущества использования программ цифрового профиля для управления персоналом: автоматизированные процессы позволяют развивать и обучать работника внутри работодателя без включения службы занятости и без поиска новой работы; экономить финансовые ресурсы государства на повышение или изменения квалификации соискателей на бирже труда; выявлять предпочтения и склонности работника к той или иной сфере своих трудовых обязанностей и направлять на развитие именно этих компетенций в более творческом формате; экономить временные и финансовые ресурсы работодателя на обучение всех работников конкретным навыкам и знаниям без учета физического и эмоционального интеллекта работников, способствуя поиску талантов и новых умений и склонностей работников, о которых работодателю было неизвестно в ходе исполнения обычной трудовой деятельности; получать от работников быструю обратную связь и предложения по производственным и управленческим вопросам; освобождать работников отдела кадров от рутинной работы по сбору сведений о каждом работнике, просматривая их социальную активность и профили, и т. д.

Анализ лучших практик структуры цифрового профиля работника в различных отраслях представлен в рамках научных исследований. Например, в системе Федеральной таможенной службы особое

внимание уделяется контуру компетенций сотрудника как инструмента оценки эффективности деятельности кадров и соответствия эталонным параметрам назначаемых должностей: количественным (количество выявленных правонарушений на одного сотрудника, количество поданных таможенных деклараций на сотрудника или пост и пр.) и качественным показателям [30, с. 30].

Разработку и применение системы цифрового менеджмента можно рассматривать и в более широком смысле – как инструмент государственной политики в сфере обеспечения занятости и трудоустройства граждан. Так, ведение цифрового профиля начиная с периода учебы в школе или вузе может представлять собой не что иное, как четкое и алгоритмичное заполнение базы достижений человека, обусловленных внутренними и внешними факторами, направленное на выстраивание персонализированной траектории его профессионального развития в будущем [31, с. 180]. Данное портфолио, по мнению исследователей, позволит продемонстрировать не только профессиональные компетенции, но и способность к самоорганизации, коммуникативные и мыслительные навыки человека. Таким образом, цифровое портфолио должно стать элементом единой стратегии образования, позволяющим соединять имеющиеся компетенции, знания и умения человека в раннем возрасте с проводимой государством кадровой политикой.

Например, очевидно, что цифровизация сфер промышленности естественным образом обуславливает долгосрочный рост занятости в сфере высоких технологий. Однако в некоторых регионах страны, вне городов-мегаполисов, данная ситуация может приводить к нехватке квалифицированных сотрудников, обладающих соответствующими навыками для внедрения и поддержания новейших технологий в организации. Наблюдается рост спроса на новых квалифицированных специалистов по кибербезопасности и анализу данных как в центральных, так и в отдаленных регионах нашей большой страны. С ростом популярности и развития искусственного интеллекта компании всё чаще выбирают и используют этот инструмент в своем бизнесе, а это означает, что появляется всё больше новых рабочих мест в сфере ИТ, робототехники и промышленности. Становится более актуальной проблема занятости и привлечения молодых специалистов в отдаленные регионы и сельские местности.

Вместе с тем система цифрового менеджмента предлагает рассматривать данную проблему в кон-

тексте мультипликатора занятости высокотехнологичных рабочих мест. Исследования последних лет дают возможность утверждать, что появление одного высокотехнологичного рабочего места приводит к появлению дополнительных пяти низкотехнологичных рабочих мест. Мультипликатор занятости – это коэффициент, показывающий, во сколько раз совокупная занятость превысит прирост первичной занятости в отраслях, где был осуществлен прирост объемов инвестиций. Большое расширение совокупной занятости по сравнению с инвестиционными отраслями основано на том, что дополнительные работники, чьи рабочие места появились под влиянием дополнительных инвестиций, получают доход. Таким образом, существует конвергентная связь между изучаемыми переменными: высококвалифицированными специалистами и рабочими.

Исходя из данной информации, можно сделать вывод о востребованности в долгосрочной перспективе как высокотехнологичных, так и низкотехнологичных рабочих мест в сфере ИТ, робототехники и промышленности, особенно в отдаленных территориях и сельской местности, что может повлиять на выбор учебного заведения или территории проживания после получения образования. Эффективное применение мультипликатора занятости, а также формирование новой системы компетенций, навыков и знаний работников становится возможным только при условии применения нового подхода к управлению персоналом – внедрения так называемого цифрового менеджмента персонала.

На сегодняшний день программы цифрового профиля представлены несколькими иностранными и отечественными компаниями-разработчиками и функционируют у крупных работодателей нашего государства в том или ином сокращенном варианте. Однако на уровне законодательства не установлены общие принципы сбора и обработки данных, не описаны операционные модели управления данными и взаимодействия систем, не определены правовые основы жизнедеятельности указанных программ: не решен вопрос законности сбора персональных данных работников, вопрос определения места хранения большого объема данных, не определены источники сбора информации о работах, не изучен вопрос разграничения частной и рабочей жизни работников, не установлены пределы вмешательства в частную жизнь работников, не сформулированы принципы работы, которые могли бы защитить работников от дискриминации по признакам убеждений, пола, вероисповедания и т. д. Всё вышесказанное зна-

чительно увеличивает риски нарушения конституционных прав и свобод человека. Другими словами, отрицательный эффект, выразившийся в дискриминации работников и нарушении права на защиту частной жизни и персональных данных, может нивелировать ценность цифровых профилей в будущем.

Отсутствие нормативных методик создания и функционирования цифровых профилей работников и комплексного научного исследования создает предпосылки возрастания рисков нарушения персональных данных работников, частной жизни работников, а также дискриминации при принятии юридически значимых решений. На сегодняшний день отсутствуют какие-либо нормативно разработанные стандарты обработки данных и взаимодействия систем, что приводит к умалению гарантий прав работников в части соблюдения персональных и иных данных ограниченного распространения. Вышесказанное подтверждается тем, что современный уровень развития и применения цифровых технологий работодателями ставит задачу формирования у персонала необходимого минимума знаний, позволяющего воспринимать информацию о современных информационных технологиях, уметь воспользоваться ею для решения поставленных задач и владеть необходимыми навыками и технологиями, применение которых будет упрощать решение поставленных задач, но при этом будет обеспечивать законодательно закрепленный уровень прав и гарантий работников.

Таким образом, разработке профиля компетенций, востребованных в современном обществе, неизбежно должна сопутствовать деятельность по разработке методических рекомендаций по управлению данными на локальном уровне посредством описания основных принципов обработки данных, определения основных участников, их прав и обязанностей при взаимодействии информационных систем. Представляется, что методические рекомендации должны описывать универсальные схемы и методы взаимодействия систем с учетом действующего трудового законодательства, позволяя работодателям на локальном уровне учитывать особенности, условия и характер своей деятельности.

Вместе с тем разработка инновационных программных продуктов в контексте цифрового менеджмента в условиях деглобализации современных обществ должна обеспечиваться преимущественно государственными инвестициями с субсидиарным применением частного капитала. Следовательно, направления государственной политики в области управления человеческим потенциалом

должны учитывать важность разработки и нормативного закрепления фундаментальных принципов формирования цифрового профиля работника, а также очерчивания контуров государственного регулирования данного вопроса.

4. Выводы

В дополнение к преимуществам цифровой трансформации экономики, т. е. повышению производительности труда, улучшению качества жизни, отказу от рутинного труда, становятся очевидными и негативные последствия: сокращение рабочих мест, требующих низкую квалификацию. Становятся востребованными новые профили компетенций сотрудников – навыки цифровой грамотности, коммуникации, критического мышления, эмоционального интеллекта, умение работать в междисциплинарных командах и т. д. Внедрение новой системы управления персоналом, основанной на междисциплинарных исследованиях, является одним из эффективных инструментов решения обозначенных выше проблем. Центральным элементом новой системы управления персоналом должен стать цифровой профиль сотрудника, т. е. персонализированный электронный ресурс, содержащий информацию о сотруднике. Анализ таких данных должен помочь работодателю сформировать индивидуальные траектории развития сотрудника. Ключевыми критериями сбора информации о работнике могут служить, в том числе: оценка роли внутренней коммуникации присутствующего персонала, которая связана с взаимодействием сотрудников посредством социальных медиатехнологий в условиях цифровой экономики; информация, содержащаяся в сети в социальных профилях потенциальных членов рабочего коллектива; критерии эффективности сотрудника по определенным маркерам.

Использование программ цифрового профиля в сфере управления персоналом способно нивелировать риски цифровой трансформации современного общества, носящие отложенный характер: высвобождение рабочей силы и массовое сокращение количества рабочих мест, требующих среднюю квалификацию, а также увольнение работников в связи с непрохождением аттестации по причине отсутствия умений использования цифровых инструментов.

Решение проблемы формирования нового профиля компетенций у работников следует рассматривать в парадигме Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Основываясь на данной стратегии, можно определить высокое качество человеческого потенциала как один из основных факторов поддержания лидерства государства на мировой арене. Возможность использования цифрового профиля определяет важные управленческие и политические последствия. На основе разработанных программ цифровых профилей работодатели могут выявлять и поддерживать сотрудников, подвергающихся значительному риску потери работы ввиду отсутствия необходимых компетенций, отслеживая их навыки в системе, т. е. исследуя цифровых двойников сотрудников с точки зрения навыков, умений и знаний, а затем предлагая заблаговременно проходить необходимое обучение. Очевидны и другие преимущества использования программ цифрового профиля для управления персоналом: автоматизированные процессы позволяют развивать и обучать работника внутри работодателя без включения службы занятости и без поиска новой работы и т. д.

Отсутствие нормативных методик создания и функционирования цифровых профилей работников и комплексного научного исследования создает предпосылки возрастания рисков нарушения персональных данных работников, частной жизни работников, а также дискриминации при принятии юридически значимых решений.

Разработке профиля компетенций, востребованных в современном обществе, неизбежно должна сопутствовать деятельность по разработке методических рекомендаций по управлению данными на локальном уровне посредством описания основных принципов обработки данных, определения основных участников, их прав и обязанностей при взаимодействии информационных систем. Вместе с тем разработка инновационных программных продуктов в контексте цифрового менеджмента в условиях деглобализации современных обществ должна обеспечиваться преимущественно государственными инвестициями с субсидиарным применением частного капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Серова А. В. Внедрение цифровых технологий в практику взаимодействия субъектов отношений по трудоустройству у данного работодателя / А. В. Серова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 5. – С. 65–71.

2. Щербакова О. В. Использование программ искусственного интеллекта при найме работников / О. В. Щербакова // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2021. – № 3. – С. 72–76.
3. Головина С. Ю. Электронный кадровый документооборот: от правового эксперимента к практике / С. Ю. Головина, Л. В. Зайцева // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 2. – С. 241–256. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).241-256.
4. Головина С. Ю. Новая эра в охране труда работников: безопасная и здоровая среда как одна из целей устойчивого развития / С. Ю. Головина, О. В. Щербакова // Медицина труда и промышленная экология. – 2022. – Т. 62, № 5. – С. 344–352. – DOI: 10.31089/1026-9428-2022-62-5-344-352.
5. Saleem F. Technostress, Quality of Work Life, and Job Performance: A Moderated Mediation Model / F. Saleem, M. I. Malik // Behavioral Sciences. – 2023. – Vol. 13, iss. 12. – Art. 1014. – DOI: 10.3390/bs13121014.
6. Дохолян С. В. Трансформация социально-трудовых отношений под влиянием цифровизации экономики / С. В. Дохолян // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 4. – С. 123–132. – DOI: 10.19181/population.2023.26.4.11.
7. Избиенова Т. А. Мониторинг социальных сетей работника: частная жизнь или работа? / Т. А. Избиенова // Кадровик. – 2023. – № 11. – С. 64–71.
8. Шуралева С. В. Право дистанционного работника на неприкосновенность частной жизни / С. В. Шуралева // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 4. – С. 32–34.
9. Riaz M. Enhancing Workplace Safety: PPE_Swin—A Robust Swin Transformer Approach for Automated Personal Protective Equipment Detection / M. Riaz, J. He, K. Xie, H. S. Alsagri, S. A. Moqurrab, H. A. A. Alhakbani, W. J. Obidallah // Electronics. – 2023. – Vol. 12, iss. 22. – Art. 4675. – DOI: 10.3390/electronics12224675.
10. Joia L. A. The COVID-19 Pandemic and the Digital Transformation of Workplace: The Social Representation of Home-Office / L. A. Joia, L. F. Leonardo // Sustainability. – 2023. – Vol. 15, iss. 20. – Art. 14987. – DOI: 10.3390/su152014987.
11. Consiglio C. Techno-Stress Creators, Burnout and Psychological Health among Remote Workers during the Pandemic: The Moderating Role of E-Work Self-Efficacy / C. Consiglio, N. Massa, V. Sommovigo, L. Fusco // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2023. – Vol. 20, iss. 22. – Art. 7051. – DOI: 10.3390/ijerph20227051.
12. Rey-Merchán M. del C. Management of Technostress in Teachers as Occupational Risk in the Context of COVID-19 / M. del C. Rey-Merchán, A. López-Arquillos // Medical Sciences Forum. – 2021. – Vol. 4, iss. 1. – Art. 5. – DOI: 10.3390/ECERPH-3-08999.
13. Компетенции в цифровой экономике: современный кадровый вызов : моногр. / Д. А. Андреев, И. В. Андреева, И. В. Булгакова, М. В. Васильева, С. Е. Демидова, Т. Н. Дорошенко, О. Е. Калпинская, Е. А. Макарова, Л. В. Мотайленко, Е. Н. Наумова, О. С. Петрова, А. Ю. Рожкова, О. А. Серова, О. А. Соболева, Л. М. Шляхтова. – М. : РУСАЙНС, 2020. – 216 с.
14. Томашевский К. Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) / К. Л. Томашевский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, вып. 2. – С. 398–413. – DOI: 10.21638/spbu14.2020.210.
15. Arntz M. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis / M. Arntz, T. Gregory, U. Zierahn. – Paris : OECD Publishing, 2016. – 34 p. – (OECD Social, Employment and Migration Working Papers; No. 189). – DOI: 10.1787/5jlz9h56dvq7-en.
16. OECD Skills Studies OECD Skills Strategy Lithuania: Assessment and Recommendations / OECD. – Paris : OECD, 2021. – 260 p. – DOI: 10.1787/14deb088-en.
17. Bacher J. The Corona Generation: (Not) Finding Employment during the Pandemic / J. Bacher, D. Tamesberger // CESifo Forum. – 2021. – Vol. 22, No. 4. – P. 3–7.
18. Lukauskas M. Enhancing Skills Demand Understanding through Job Ad Segmentation Using NLP and Clustering Techniques / M. Lukauskas, V. Šarkauskaitė, V. Pilinkienė, A. Stundžienė, A. Grybauskas, J. Bruneckienė // Applied Sciences. – 2023. – Vol. 13, iss. 10. – Art. 6119. – DOI: 10.3390/app13106119.
19. Skills for the Future of Manufacturing : 2019 World Manufacturing Forum Report / World Manufacturing Forum. – 2019. – 107 p. – URL: https://c00e521c-fc35-464f-8eef-9356e02fbfb5.filesusr.com/ugd/c56fe3_d617f7333fd347b0b2bb4a739ba72993.pdf (дата обращения: 03.12.2023).

20. Enkel E. Open innovation maturity framework / E. Enkel, J. Bell, H. Hogenkamp // *International Journal of Innovation Management*. – 2011. – Vol. 15. – P. 1161–1189.
21. Vanhaverbeke W. Theories of the Firm and Open Innovation / W. Vanhaverbeke, M. Cloudt // *New Frontiers in Open Innovation* / eds. H. Chesbrough, W. Vanhaverbeke, J. West. – Oxford, UK : Oxford University Press, 2014. – P. 256–278. – DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199682461.003.0014.
22. Nielsen P. Work policy and automation in the fourth industrial revolution / P. Nielsen, J. R. Holm, E. Lorenz // *Globalisation, New and Emerging Technologies, and Sustainable Development: The Danish Innovation System in Transition* / eds. J. L. Christensen, B. Gregersen, J. R. Holm, E. Lorenz. – Abingdon, UK : Routledge, 2020. – P. 189–207. – DOI: 10.4324/9781003037750-14.
23. Lloyd C. Rethinking country effects: Robotics, AI and work futures in Norway and the UK / C. Lloyd, J. Payne // *New Technology, Work and Employment*. – 2019. – Vol. 34, iss. 3. – P. 208–225. – DOI: 10.1111/ntwe.12149.
24. Frey C. B. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? / C. B. Frey, M. A. Osborne // *Technological Forecasting and Social Change*. – 2017. – Vol. 114. – P. 254–280. – DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
25. Nedelkoska L. Automation, skills use and training / L. Nedelkoska, G. Quintini. – Paris : OECD, 2018. – 124 p. – (OECD Social, Employment and Migration Working Papers; No. 202). – DOI: 10.1787/2e2f4eea-en.
26. Рожкова А. Ю. Правовой статус работника: цифровой профиль и цифровые доходы / А. Ю. Рожкова // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. – 2021. – Т. 38, № 2. – С. 99–107. – DOI: 10.21779/2224-0241-2021-38-2-99-107.
27. Nureni A. A. Digital Twin Technology: A Review of Its Applications and Prominent Challenges / A. A. Nureni, O. A. Oghenerunor // *Covenant Journal of Informatics and Communication Technology*. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – URL: <https://journals.covenantuniversity.edu.ng/index.php/cjict/article/view/2995>.
28. Barykin S. Personnel Management Digital Model Based on the Social Profiles' Analysis / S. Barykin, O. Kalinina, I. Aleksandrov, E. Konnikov, V. Yadikan, M. Draganov // *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*. – 2020. – Vol. 6, iss. 4. – Art. 152. – DOI: 10.3390/joitmc6040152.
29. Тренина М. А. Разработка модели HR-менеджмента на основе цифрового профиля сотрудника / М. А. Тренина // *Информационные технологии в моделировании и управлении: подходы, методы, решения : материалы VI Всерос. науч. конф. с междунар. участием*. – Тольятти, 2023. – С. 263–270.
30. Трунин Г. А. Цифровые двойники профилей сотрудников ФТС как элемент системы развития персонала / Г. А. Трунин // *Таможенное дело*. – 2023. – № 3. – С. 28–31.
31. Тобиен М. А. Цифровой профиль как ключевой элемент информационной инфраструктуры цифровой экономики / М. А. Тобиен, М. М. Мархайчук, О. А. Косарева // *Проблемы теории и практики управления*. – 2021. – № 11. – С. 177–192.

REFERENCES

1. Serova A. Introduction of digital technologies in the interaction of subjects of employment relations with a given employer. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu» = Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*, 2019, no. 5, pp. 65–71 (In Russ.).
2. Shcherbakova O. The use of artificial intelligence programs when recruiting employees. *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu» = Electronic supplement to "Russian Juridical Journal"*, 2021, no. 3, pp. 72–76. (In Russ.).
3. Golovina S.Yu., Zaytseva L.V. Electronic personnel document management: from legal experiment to practice. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 2, pp. 241–256. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).241-256.
4. Golovina S.Yu., Shcherbakova O.V. A new era in the labor protection of workers: safe and healthy environment as one of the goals of sustainable development. *Meditcina truda i promyshlennaya ekologiya = Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology*, 2022, vol. 62, no. 5, pp. 344–352. DOI: 10.31089/1026-9428-2022-62-5-344-352. (In Russ.).
5. Saleem F., Malik M.I. Technostress, Quality of Work Life, and Job Performance: A Moderated Mediation Model. *Behavioral Sciences*, 2023, vol. 13, iss. 12, art. 1014. DOI: 10.3390/bs13121014.

6. Dokholyan S.V. Transformation of social-labor relations under the influence of digitalization of the economy. *Narodonaselenie = Population*, 2023, vol. 26, no. 4, pp. 123–132. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.11. (In Russ.).
7. Izbienova T.A. Monitoring of social networks of an employee: private life or work. *Kadrovik = HR Manager*, 2023, no. 11, pp. 64–71. (In Russ.).
8. Shuraleva S.V. The right to privacy of a remote employee. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*, 2021, no. 4, pp. 32–34. (In Russ.).
9. Riaz M., He J., Xie K., Alsagri H.S., Moqurrah S.A., Alhakhani H.A.A., Obidallah W.J. Enhancing Workplace Safety: PPE_Swin—A Robust Swin Transformer Approach for Automated Personal Protective Equipment Detection. *Electronics*, 2023, vol. 12, iss. 22, art. 4675. DOI: 10.3390/electronics12224675.
10. Joia L.A., Leonardo L.F. The COVID-19 Pandemic and the Digital Transformation of Workplace: The Social Representation of Home-Office. *Sustainability*, 2023, vol. 15, iss. 20, art. 14987. DOI: 10.3390/su152014987.
11. Consiglio C., Massa N., Sommovigo V., Fusco L. Techno-Stress Creators, Burnout and Psychological Health among Remote Workers during the Pandemic: The Moderating Role of E-Work Self-Efficacy. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023, vol. 20, iss. 22, art. 7051. DOI: 10.3390/ijerph20227051.
12. Rey-Merchán M. del C., López-Arquillos A. Management of Technostress in Teachers as Occupational Risk in the Context of COVID-19. *Medical Sciences Forum*, 2021, vol. 4, iss. 1, art. 5. DOI: 10.3390/ECERPH-3-08999.
13. Andreev D.A., Andreyanova I.V., Bulgakova I.V., Vasil'eva M.V., Demidova S.E., Doroshenko T.N., Kalpinskaya O.E., Makarova E.A., Motailenko L.V., Naumova E.N., Petrova O.S., Rozhkova A.YU., Serova O.A., Soboleva O.A., Shlyakhtova L.M. *Competencies in the digital economy: modern personnel challenge*, Monograph. Moscow, RUSAINS Publ., 2020. 216 p. (In Russ.).
14. Tomashevski K.L. Digitalization and its impact on the labour market and employment relations (theoretical and comparative legal aspects). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2020, vol. 11, iss. 2, pp. 398–413. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210. (In Russ.).
15. Arntz M., Gregory T., Zierahn U. *The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis*, OECD Social, Employment and Migration Working Papers; No. 189. Paris, OECD Publ., 2016. 34 p. DOI: 10.1787/5jlz9h56dvq7-en.
16. OECD. *OECD Skills Studies OECD Skills Strategy Lithuania: Assessment and Recommendations*. Paris, OECD Publ., 2021. 260 p. DOI: 10.1787/14deb088-en.
17. Bacher J., Tamesberger D. The Corona Generation: (Not) Finding Employment during the Pandemic. *CESifo Forum*, 2021, vol. 22, no. 4, pp. 3–7.
18. Lukauskas M., Šarkauskaitė V., Pilinkienė V., Stundžienė A., Grybauskas A., Bruneckienė J. Enhancing Skills Demand Understanding through Job Ad Segmentation Using NLP and Clustering Techniques. *Applied Sciences*, 2023, vol. 13, iss. 10, art. 6119. DOI: 10.3390/app13106119.
19. World Manufacturing Forum. *Skills for the Future of Manufacturing*, 2019 World Manufacturing Forum Report. 2019. 107 p. Available at: https://c00e521c-fc35-464f-8eef-9356e02fbfb5.filesusr.com/ugd/c56fe3_d617f7333fd347b0b2bb4a739ba72993.pdf (accessed: December 3, 2023).
20. Enkel E., Bell J., Hogenkamp H. Open innovation maturity framework. *International Journal of Innovation Management*, 2011, vol. 15, pp. 1161–1189.
21. Vanhaverbeke W., Cloodt M. Theories of the Firm and Open Innovation, in: Chesbrough H., Vanhaverbeke W., West J. (eds.). *New Frontiers in Open Innovation*, Oxford, UK, Oxford University Press, 2014, pp. 256–278. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199682461.003.0014.
22. Nielsen P., Holm J.R., Lorenz E. Work policy and automation in the fourth industrial revolution, in: Christensen J.L., Gregersen B., Holm J.R., Lorenz E. (eds.). *Globalisation, New and Emerging Technologies, and Sustainable Development: The Danish Innovation System in Transition*, Abingdon, UK, Routledge Publ., 2020, pp. 189–207. DOI: 10.4324/9781003037750-14.
23. Lloyd C., Payne J. Rethinking country effects: Robotics, AI and work futures in Norway and the UK. *New Technology, Work and Employment*, 2019, vol. 34, iss. 3, pp. 208–225. DOI: 10.1111/ntwe.12149.
24. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation?. *Technological Forecasting and Social Change*, 2017, vol. 114, pp. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
25. Nedelkoska L., Quintini G. *Automation, skills use and training*, OECD Social, Employment and Migration Working Papers; No. 202. Paris, OECD Publ., 2018. 124 p. DOI: 10.1787/2e2f4eea-en.

26. Rozhkova A.Yu. Legal status of an employee: digital profile and digital income. *Yuridicheskii Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law herald of Dagestan state university*, 2021, vol. 38, no. 2, pp. 99–107. DOI: 10.21779/2224-0241-2021-38-2-99-107. (In Russ.).

27. Nureni A.A., Oghenerunor O.A. Digital Twin Technology: A Review of Its Applications and Prominent Challenges. *Covenant Journal of Informatics and Communication Technology*, 2022, vol. 10, no. 2, available at: <https://journals.covenantuniversity.edu.ng/index.php/cjict/article/view/2995>.

28. Barykin S., Kalinina O., Aleksandrov I., Konnikov E., Yadikin V., Draganov M. Personnel Management Digital Model Based on the Social Profiles' Analysis. *Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity*, 2020, vol. 6, iss. 4, art. 152. DOI: 10.3390/joitmc6040152.

29. Trenina M.A. Development of an HR management model based on an employee's digital profile, in: *Informatsionnye tekhnologii v modelirovanii i upravlenii: podkhody, metody, resheniya*, Proceedings of the VI All-Russian scientific conference with international participation, Tolyatti, 2023, pp. 263–270. (In Russ.).

30. Trunin G.A. Digital twins of the profiles of employees of the Federal Customs Service as a personnel development system element. *Tamozhennoe delo = Customs affairs*, 2023, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.).

31. Tobien M.A., Markhaichuk M.M., Kosareva O.A. Digital profile as an essential element of the information infrastructure of the digital economy. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2021, no. 11, pp. 177–192. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щербакова Олеся Васильевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
620137, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21
E-mail: sm-light@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3111-257X
ResearcherID: AAS-1653-2020
SPIN-код РИНЦ: 9132-1715; AuthorID: 974365

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Olesya V. Shcherbakova – PhD in Law, Associate Professor, Department of Labor Law
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia
E-mail: sm-light@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3111-257X
ResearcherID: AAS-1653-2020
RSCI SPIN-code: 9132-1715; AuthorID: 974365

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Щербакова О.В. Актуальность внедрения цифрового профиля работника как элемента кадровой политики работодателя / О.В. Щербакова // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 148–158. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).148-158.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shcherbakova O.V. The relevance of implementing the employee digital profile as an element of the employer's HR policy. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 148–158. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).148-158. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

УДК 341.6

DOI 10.52468/2542-1514.2025.9(2).159-168

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЫЧАЕВ В ПРАКТИКЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА

С.Д. Пименова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

05 сентября 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 марта 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 июня 2025 г.

Ключевые слова

Право международных обычаев, международные инвестиционные соглашения, инвестиции, инвестиционный арбитраж, споры между иностранным инвестором и государством, международное разрешение споров, Комиссия международного права ООН, Статьи об ответственности государства за международно-противоправные деяния

Представлен анализ практики арбитражных трибуналов по вопросам толкования и применения международных обычаев при разрешении инвестиционных споров. Делается вывод, что арбитры не склонны анализировать вопросы наличия или отсутствия устойчивой практики государств или *opinio juris* как элементов формирования обычая. Они опираются на выводы о наличии обычной нормы, сделанные ранее другими международными судами и трибуналами или исследователями. Арбитры руководствуются Статьями об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (Статьи), рассматривая их как документ, содержащий положения, идентичные существующим международным обычаям. Однако применение положений Статей отличается непоследовательностью, особенно в чувствительных для государств вопросах, связанных с выплатой компенсации инвесторам. В будущем высока вероятность возникновения инвестиционных споров, основанных исключительно на нормах международного обычного права.

APPLICATION OF THE RULES OF CUSTOMARY INTERNATIONAL LAW IN THE PRACTICE OF INVESTOR–STATE ARBITRAL TRIBUNALS

Sofia D. Pimenova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2024 September 05

Accepted –

2025 March 20

Available online –

2025 June 20

Keywords

Customary international law, international investment agreements, investments, investment arbitration, investor–state arbitral tribunals, international dispute resolution,

The subject. At the beginning of the 21st century the growing interest of the parties to the dispute and the arbitral tribunals in the rules of customary international law became apparent. This has raised doctrinal and practical questions about the relationship between treaty norms and rules of customary international law in the field of foreign investment protection. The most discussed of them were the issues of filling the gaps in international treaties through the application of the rules of customary international law and the establishment by the arbitral tribunals of the content of the customs they need to apply during dispute resolution.

Materials and methods. This research carried out a scientific analysis of the practice of investor–state arbitral tribunals regarding the interpretation and application of the rules of customary international law in settlement of investment disputes.

Discussion. Numerous investor–state arbitration awards show that arbitration tribunals constantly use the rules of customary international law in dispute resolution. Moreover, arbitrators often refer to the rules of customary international law as a separate legal basis for their conclusions. As modern practice shows, in most cases arbitrators are not inclined

the International Law Commission, ARSIWA

to consider the existence or the absence of State practice or *opinio juris*, instead relying on the conclusions about the existence of a customary rule made earlier by the ICJ, the PCIJ and other arbitration tribunals, as well as international treaties, reports of the International Law Commission and doctrine.

The main results and conclusions. The rules of customary international law are applied by the arbitral tribunals when considering a wide range of issues (jurisdiction, organization of arbitration, applicable substantive law and liability issues). A vivid example of the use of the rules of customary international law in the settlement of investment disputes to fill the gaps in international treaties was a reference by arbitral tribunals to the Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts adopted by the International Law Commission as a codification of existing rules of customary international law in this area. However, the peculiarity of the use of the Articles by the arbitral tribunals is that the arbitrators consider it as a document containing formulations identical in content to existing rules of customary international law. This leads to the “automatic” application by the arbitrators of the provisions of the Articles to the facts of the case without analysing State practice. Moreover, application of the provisions of the Articles by the arbitral tribunals seems inconsistent, especially in such sensitive issues for the States as the amount of compensation awarded to an investor and contributory fault by an investor. In addition, the high creativity of investors suggests the emergence of claims based solely on the rules of customary international law, and not the provisions of international investment agreements.

1. Введение

Как отмечают исследователи, вплоть до середины XX в. основным источником международного инвестиционного права был международный обычай, поскольку отдельные положения в международных договорах о защите собственности иностранных граждан встречались редко и носили расплывчатый характер [1, р. 159]. Все предпринятые попытки разработать универсальное многостороннее соглашение о защите иностранных инвестиций закончились неудачей из-за конфликта позиций развитых и развивающихся государств, которые имели зачастую диаметрально противоположные мнения по ключевым вопросам [2, р. 1049–1050]. На этом фоне неожиданным стал бурный рост числа заключаемых государствами двусторонних соглашений о поощрении и взаимной защите капиталовложений¹ – одно из наиболее заметных событий международного права конца XX в. [1, р. 157].

Сегодня правовая защита иностранных инвесторов в основном обеспечивается нормами двусторонних международных договоров, которые являлись применимым правом для арбитражных трибуналов при разрешении подавляющего большинства

инвестиционных споров [3, р. 10]. Такое доминирование договорных норм привело к некоторому забвению норм международного обычного права, которые отошли на второй план [4, р. 261; 5, р. 157]. Однако в начале XXI в. государства, международные суды и трибуналы, а также академическое сообщество столкнулись с ростом интереса к международным обычаям для целей разрешения международных споров (включая споры между государствами и инвесторами) [6, с. 78], что применительно к инвестиционным спорам породило множество доктринальных и практических вопросов о взаимоотношении договорных и обычных норм в сфере защиты иностранных инвестиций. Пожалуй, наиболее обсуждаемыми проблемами стали заполнение пробелов в международных договорах за счет применения обычных норм и установление арбитражными трибуналами содержания международных обычаев. К сожалению, пока эти дискуссии не нашли должного отражения в отечественной литературе, за исключением ряда публикаций (см., напр.: [7]).

Как отметили арбитры Трибунала по урегулированию взаимных претензий Ирана и США (*Iran-US Claims Tribunal*) в деле *Amoco*, нормы обычного меж-

¹ Согласно статистическим данным, на 1 июля 2024 г. заключено 2 835 двусторонних инвестиционных договоров, из них 2 222 вступили в силу. Кроме того, заключено 462 региональных торговых соглашения с инвестиционными главами, из них 388 вступили в силу. Таким образом, на се-

годня существует почти 3 300 международных инвестиционных соглашений. См.: International Investment Agreements Navigator. URL: <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements>.

дународного права могут быть полезны для заполнения пробелов в международном договоре, для выяснения значения недостаточно четко определенных в тексте договора терминов, а также как вспомогательное средство для толкования и применения договорных положений². Кроме того, обычные нормы могут применяться в тех случаях, когда ссылка на них есть в применимом международном договоре, и, теоретически, если обычная норма, возникшая после заключения международного договора, заменила собой соответствующую договорную норму (до настоящего времени ни один арбитражный трибунал не заявил о подобном случае) [8, р. 309].

Проведенные исследования показывают, что арбитражные трибуналы при рассмотрении инвестиционных споров довольно часто используют нормы обычного международного права (как правило, по инициативе сторон спора), зачастую применяя их в качестве отдельного правового основания для своих выводов. Нормы обычного международного права применяются трибуналами при рассмотрении широкого круга вопросов (юрисдикция, организация арбитражного разбирательства, применимое материальное право и вопросы ответственности) [8, р. 310].

В настоящей статье будут рассмотрены основные проблемы использования арбитражными трибуналами норм обычного международного права при разрешении инвестиционных споров.

2. Заполнение пробелов

Наглядным примером использования обычных норм для устранения пробелов в применимых международных договорах стали частые ссылки арбитражных трибуналов на разработанные Комиссией международного права ООН (далее – Комиссия) Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. (*Articles on Responsibility of States for Internationally Wrongful Acts, ARSIWA*; далее – Статьи об ответственности, Статьи). Арбитрам предстояло объяснить причину, по которой они решили использовать именно этот документ, принимая во внимание, что Статьи не яв-

ляются международным договором, вступившим в силу и являющимся потому обязательным, и по замыслу Комиссии предназначался для использования в отношениях между государствами, а не в спорах между государствами и частными лицами [9, р. 287].

Что касается первого аспекта, арбитры, как правило, ограничивались указаниями на то, что Статьи «отражают», «кодифицируют», «устанавливают», «подтверждают», «формулируют», «артикулируют», «представляют» или «декларируют» нормы международного обычного права [10, р. 101]. Так, в деле *Noble Ventures Inc. v. Romania* арбитражный трибунал отметил, что несмотря на то, что Статьи не имеют обязательной силы, они широко рассматриваются как кодификация существующих обычных норм об ответственности государств³.

Не составило труда арбитрам обосновать и применение Статей в спорах между государствами и частными лицами. Так, в решении по делу *Salini v. Argentina* арбитражный трибунал заключил, что несмотря на то что Статьи об ответственности касаются только межгосударственных требований, сходные принципы применяются к требованиям частных лиц в международном праве⁴. Таким же образом трибунал в деле *Vestey Group v. Venezuela* указал, что вопреки тому, что Статьи регулируют вопросы ответственности между государствами, общепринято, что их ключевые положения могут быть применены в спорах между государством и инвестором⁵.

В результате такой «нормативно неожиданной, но примечательно непротиворечивой практики» [11, р. 620] сложилась ситуация, при которой арбитражные трибуналы регулярно ссылаются на Статьи как на комплекс норм международного права, применимый к спорам между инвестором и государством, которые возникают на основе межгосударственных инвестиционных договоров [12, р. 381].

Регулярные доклады Генерального секретаря ООН об использовании Статей международными судами и трибуналами красноречиво показывают, что сейчас именно арбитражные трибуналы по рассмотрению инвестиционных споров наиболее активны в этом отношении по сравнению с другими междуна-

² Iran–United States Claims Tribunal (IUSCT). *Amoco International Finance Corporation v. The Government of the Islamic Republic of Iran, National Iranian Oil Company, National Petrochemical Company and Kharg Chemical Company Limited*. Partial Award No. 310 of 14 July 1987. P. 48. § 112.

³ *Noble Ventures, Inc. v. Romania*. ICSID Case No. ARB/01/11. Award of 12 October 2005. § 69.

⁴ *Webuild (formerly Salini Impregilo) v. Argentina*. ICSID Case No. ARB/15/39. Decision on Jurisdiction and Admissibility dated 23 February 2018. § 87.

⁵ *Vestey Group Ltd v. Bolivarian Republic of Venezuela*. ICSID Case No ARB/06/4. Award of 15 April 2016. § 326.

родными судами⁶. По подсчетам исследователей, доля решений инвестиционного арбитража достигает 70 % от общего числа приведенных в докладе решений [10, р. 94]. Только в исключительных случаях арбитражные трибуналы отказываются применять Статьи, полагая что они касаются только отношений между государствами⁷.

Однако такое широкое использование арбитражными трибуналами Статей об ответственности имеет свои особенности. Во-первых, арбитры рассматривают Статьи как документ, содержащий формулировки, материально идентичные существующим обычным нормам международного права, а не как рекомендации Комиссии [10, р. 107–108]. Иначе говоря, арбитры в своих рассуждениях исходят из того, что Комиссия уже проделала за них соответствующую работу, а их задачей является применение положений Статей как документа, обладающего обязательной силой и не нуждающегося в дополнительном анализе соответствующей практики государств и их *opinio juris*. Кроме того, арбитры относятся к Статьям как к тексту международного договора и применяют к нему соответствующие правила толкования, фокусируясь на объекте и целях международного договора, пробелы которого требуется устранить [10, р. 110]. Такой подход позволяет арбитрам при толковании положений Статей придавать им смысл, который может значительно отличаться от изначальных намерений Комиссии.

Например, в силу того, что международные соглашения о защите иностранных инвестиций обычно не содержат положений об ответственности государств за нарушения ими обязательств, вытекающих из таких договоров, арбитражные трибуналы применяют соответствующие положения Статей. Так, современные инвестиционные соглашения достаточно подробно регулируют вопросы расчета и выплаты компенсации при экспроприации (национализации), проведение которой считается правомерным действием государств. Однако сегодня значительная часть инвестиционных споров не связана с правомерной экспроприацией иностранной собственности и выплатой соответствующей компенса-

ции. Напротив, наиболее часто инвесторы оспаривают действия государств, являющиеся нарушениями других обязательств, вытекающих из межгосударственных договоров о защите иностранных инвестиций. При этом, как правило, порядок расчета и выплаты компенсации государством, принимающим инвестиции, за такого рода неправомерные действия (см., напр.: [13, р. 725–726]), оказывается не предусмотренным в этих договорах. Для того чтобы закрыть этот пробел, трибуналы оказались перед необходимостью найти соответствующие международные обычаи, видя в них ценный источник применимых правовых норм [14, р. 71]. Как отметил трибунал в деле *British Caribbean Bank Limited v. Belize*, в отсутствие положений в тексте самого договора (речь в споре шла о нарушении государством-ответчиком договора между Белизом и Великобританией 1982 г. о защите и поощрении инвестиций), которые бы устанавливали стандарты компенсации в качестве *lex specialis*, применимым стандартом компенсации будут являться соответствующие нормы обычного международного права⁸. Такие стандарты были найдены трибуналом в решении Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) по делу о фабрике в Хожуве и в ст. 31, 34, 35 Статей об ответственности⁹.

Арбитражные трибуналы используют Статьи об ответственности, чтобы решить, в частности, вопросы о присвоении поведения государству-ответчику, об обстоятельствах, исключающих ответственность, и о сопутствующей вине инвестора (*contributory fault*). Однако при этом применение трибуналами ряда ключевых положений Статей спорно и далеко от единообразия, особенно в таких чувствительных для государств вопросах, как методика расчета присуждаемой инвестору компенсации [15, р. 224] (альтернативную точку зрения см., напр.: [16, р. 252]) и необходимость учета при расчете суммы компенсации сопутствующей вины инвестора [17, р. 905].

Например, Комиссия в Статьях обошла молчанием вопрос о том, какими принципами должен руководствоваться суд или трибунал в том случае, если он посчитает, что в убытках, понесенных инвесто-

⁶ См., напр.: Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Подборка решений международных судов, трибуналов и других органов: докл. Генерального секретаря: A/77/74 от 29 апр. 2022 г. // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/334/92/pdf/n2233492.pdf>.

⁷ *Wintershall Aktiengesellschaft v. Argentine Republic*. ICSID Case No. ARB/04/14. Award of 8 December 2008. § 113.

⁸ *British Caribbean Bank Limited v. Government of Belize (I)*. PCA Case No. 2010-18. Award of 19 December 2014. § 288.

⁹ *Ibid.* § 288–291.

ром, есть также вина самого инвестора. Фактически, решение этого вопроса было отдано на откуп международным судам и трибуналам. Комиссия в ст. 39 Статей ограничилась лишь общими формулировками, что при определении возмещения должно учитываться усугубление вреда намеренным или небрежным действием или бездействием потерпевшего государства. Практические результаты применения инвестиционными трибуналами этого широко сформулированного положения Статей оказались совершенно непредсказуемы и противоречивы. Так, в деле *MTD v. Chile* арбитраж уменьшил сумму компенсации вдвое, поскольку инвестор произвел полную предоплату за земельный участок, что было расценено арбитрами как отсутствие у него должной осмотрительности¹⁰. Еще одним примером может служить скандальное дело акционеров компании ЮКОС, в котором установленная арбитрами сумма первоначальной компенсации в размере 66,6 млрд долларов США была уменьшена на 25 % – до 50 млрд (именно эта сумма фигурировала в последующих исках и вошла в историю международного правосудия как крупнейшая присужденная компенсация)¹¹. Основанием для снижения суммы компенсации стал вывод трибунала о нечистоплотности самого истца¹².

Подобная непоследовательная практика инвестиционных трибуналов в отношении сопутствующей вины инвестора вызвала критику со стороны представителей доктрины, которые в качестве решения этой проблемы предложили как можно более детально раскрывать эти вопросы при заключении новых соглашений о защите иностранных инвестиций или внесении изменений в действующие договоры [17, р. 901]. При появлении таких обстоятельно проработанных договорных норм трибуналы будут вынуждены применять именно их как *lex specialis*, а не нормы международного обычного права, представленные нечеткими формулировками Статей об ответственности [12, р. 390].

3. Установление содержания применимых обычных норм международного права

С точки зрения Международного Суда (далее – МС) ООН, сторона, основывающая свои требования

на международном обычае, должна в первую очередь доказать его существование¹³. При этом наличие обоих элементов международного обычая, каковыми являются всеобщность практики и наличие *opinio juris* [18, с. 33], может быть установлено в ходе судебного разбирательства. Однако до момента вынесения судебного решения эти элементы являются не более чем фактами, наличие которых необходимо доказать заинтересованной стороне [19, р. 33]. Как отмечал в своем особом мнении один из судей МС ООН, «решение о том, существуют ли эти два фактора (практика и *opinio juris*. – С. П.) в процессе формирования нормы обычного права или нет, является деликатным и сложным вопросом. Повторение, число примеров государственной практики, продолжительность времени, необходимого для формирования обычного права, нельзя определить математически и единообразно. Каждый факт требует сравнительной оценки в соответствии с различными случаями и обстоятельствами»¹⁴.

Главная проблема, с которой сталкиваются арбитры при применении норм обычного международного права в рассматриваемом ими споре, состоит в установлении точного содержания обычая. В доктрине отмечается сложившийся консенсус в том, что процесс создания и эволюции обычных норм в международном инвестиционном праве ничем не отличается от других отраслей международного права [20, р. 691]. При этом, как показывает современная практика арбитражных трибуналов, в подавляющем большинстве случаев арбитры не склонны анализировать вопросы наличия или отсутствия устойчивой практики государств как первого необходимого элемента формирования обычая [3, р. 20]. Вместо этого они, скорее, опираются на выводы о наличии обычной нормы, сделанные ранее другими международными судами и трибуналами или исследователями [3, р. 20]. Свои рассуждения о наличии той или иной обычной нормы, а также о ее содержании арбитры обычно основывают на решениях МС ООН, ПМП и других арбитражных трибуналов, а также снабжают ссылками на международные договоры, документы Комиссии и на позиции ученых

¹⁰ MTD Equity Sdn. Bhd. and MTD Chile S.A. v. Republic of Chile. ICSID Case No. ARB/01/7. Award of 25 May 2004. § 242, 243.

¹¹ Yukos Universal Limited (Isle of Man) v. The Russian Federation. PCA Case No. 2005-04/AA227. Award of 18 July 2014. § 1827.

¹² Ibid. § 1809.

¹³ ICJ. Asylum (Colombia/Peru). Judgment of 20 November 1950 // I.C.J. Reports 1950. P. 276.

¹⁴ ICJ. North Sea Continental Shelf (Federal Republic of Germany/Netherlands). Judgment of 20 February 1969. Dissenting Opinion of Judge Tanaka // I.C.J. Reports 1969. P. 175.

[8, р. 311]. В ряде случаев арбитры, заявляя о существовании обычной нормы, совсем не приводят свидетельств существования соответствующей практики¹⁵, хотя именно практика остается необходимым условием для установления наличия обычной нормы и определения ее содержания [21, р. 46].

В качестве красноречивого примера в этом отношении можно привести упомянутое ранее вынесенное ППМП решение по делу о фабрике в Хожуве, где был сформулирован принцип полного возмещения вреда за противоправное деяние¹⁶. Это решение по-прежнему сохраняет свою актуальность в доктрине (см., напр., [22]), воспринимается многими инвестиционными трибуналами как своеобразная текстуализация соответствующей обычно-правовой нормы и является, пожалуй, наиболее цитируемым арбитражными трибуналами из всех решений ППМП и МС ООН. Так, еще в 1987 г. Трибунал по урегулированию взаимных претензий Ирана и США отметил, что несмотря на то, что с момента принятия этого решения прошло 60 лет, оно расценивается государствами как наиболее авторитетное формулирование принципа полного возмещения вреда за противоправное деяние. Однако, по оценкам исследователей, арбитражные трибуналы зачастую избирают кратчайшую дорогу и сразу переходят к расчету компенсации, указывая, что процесс расчета осуществляется в соответствии с принципами, установленными в решении по делу о фабрике в Хожуве [9, р. 288].

4. Нерешенные доктринальные проблемы

4.1. Вопросы приоритета и взаимодействия договорных и обычных норм международного инвестиционного права

В отношении взаимодействия положений применимого международного договора и норм обычного международного права арбитражный трибунал в деле *Enron* при оценке им термина «необходимость» (*necessity*) отметил: «Договор, специально рассматривающий этот вопрос, будет иметь приоритет перед более общими нормами международного обычного права, поэтому трибунал должен начать свой анализ с соответствующих положений договора и прибегать к тексту Статей об ответственности только как к вспомогательному средству для толко-

вания договорных норм. Однако проблема в том, что сам по себе договор не содержит элементов этого понятия (“необходимость”. – С. П.), что делает нормы договора неотъемлемой частью содержащегося в обычном международном праве стандарта по отношению к состоянию необходимости»¹⁷.

Иными словами, положения международного инвестиционного договора всегда рассматриваются как *lex specialis* и должны иметь приоритет над более общими нормами обычного международного права.

В начале XXI в. была выдвинута теория о том, что материальные положения многочисленных двусторонних и многосторонних соглашений о защите иностранных инвестиций, участниками которых стали почти все государства мира, представляют собой нормы обычного международного права, обязательные даже для не участвующих в этих договорах государств [23, р. 77]. Эта концепция подверглась критике в доктрине (см., напр.: [24, р. 701]) и окончательно была снята с повестки дня решением МС ООН по делу *Diallo*. Как отметил в этом решении МС ООН, «наличие различных международных соглашений о защите и поощрении иностранных инвестиций и Вашингтонской конвенции 1965 г. недостаточно для того, чтобы доказать наличие изменений в обычном международном праве»¹⁸.

4.2. Возможность заявления инвесторами исковых требований, основанных только на нормах обычного международного права

Раньше возможность для инвесторов заявить исковые требования, основанные только на нормах обычного международного права, казалась сугубо доктринальной. Однако теоретически существуют случаи, при которых заявление таких требований возможно. Например, если в рамках применимого межгосударственного договора гарантии, предоставляемые инвестору, оказываются более узкими, чем предлагаемые обычным международным правом, либо полностью отсутствуют [25, р. 435]. Кроме того, если предлагаемая инвестору межгосударственным договором правовая защита начинает действовать с момента вступления этого договора в силу, то инвестор может попытаться разрешить свой спор с принимающим государством на основе норм

¹⁵ Bernardus Henricus Funnekotter and others v. Republic of Zimbabwe. ICSID Case No. ARB/05/6. Award of 22 April 2009. § 115.

¹⁶ PCIJ. Case Concerning the Factory at Chorzów (Germany v. Poland). Judgment of 13 September 1928 // PCIJ Series A. No. 17. P. 27.

¹⁷ Enron Corporation and Ponderosa Assets, L.P. v. Argentine Republic. ICSID Case No. ARB/01/3. Award of 22 May 2007. § 334.

¹⁸ ICJ. Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo). Judgment of 24 May 2007 // I.C.J. Reports 2007. P. 615. § 90.

международного обычного права, если этот спор возник до вступления договора в силу. Наконец, обычное международное право может использоваться инвестором в случае полного отсутствия применимых к его спору договорных норм [25, р. 436].

Так, в нескольких спорах, рассмотренных арбитражными трибуналами Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (*International Centre for Settlement of Investment Disputes, ICSID*), инвесторы заявляли, помимо требований, основанных на международных договорах или инвестиционных контрактах, еще и требования, основанные на нормах обычного международного права¹⁹. К сожалению, во всех трех делах спор был прекращен на стадии установления трибуналами своей юрисдикции, и арбитры не дошли до стадии анализа и применения обычных норм международного права к существу спора. Однако, как отмечается в литературе, подобный подход инвесторов к формулированию исковых требований дает основания предположить появление в скором времени исков, которые будут основаны только на нормах обычного международного права, в том числе на обычаях, находящихся далеко за пределами международного инвестиционного права [25, р. 456].

5. Заключение

Несмотря на то что именно нормы международных инвестиционных соглашений являются основным применимым правом при разрешении большинства инвестиционных споров, в начале XXI в. стал очевиден рост интереса сторон спора и самих арбитражных трибуналов к международным обычаям. Это породило доктринальные и практические вопросы о взаимоотношении договорных и обычных норм в сфере защиты иностранных инвестиций. Наиболее обсуждаемыми из них стали вопросы заполнения за счет применения обычных норм пробелов в международных договорах и установления трибуналами содержания применяемых ими обычаев.

Практика рассмотрения инвестиционных споров показывает, что арбитражные трибуналы постоянно используют нормы международного обычного права при разрешении споров, при этом арбитры часто применяют нормы обычного международного права как отдельное правовое основание для своих выводов.

Как показывает современная практика, в большинстве случаев арбитры не склонны рассматривать вопросы наличия или отсутствия практики государств или *opinio juris*, вместо этого полагаясь на выводы о наличии обычной нормы, сделанные ранее МС ООН, ПМП и другими арбитражными трибуналами, а также на международные договоры, документы Комиссии и на доктрину.

Наглядным примером использования при разрешении инвестиционных споров обычных норм для устранения пробелов в применимых международных договорах стали ссылки арбитражных трибуналов на разработанные Комиссией Статьи об ответственности государств как на кодификацию существующих обычных норм в этой области. Однако особенностью использования арбитражными трибуналами Статей является то, что арбитры рассматривают их как документ, содержащий формулировки, по своему содержанию идентичные существующим нормам обычного международного права. Это приводит к «автоматическому» применению арбитражными трибуналами положений Статей к фактам рассматриваемого ими дела без анализа практики государств. Однако применение арбитражными трибуналами положений Статей представляется непоследовательным, особенно в таких чувствительных для государств вопросах, как расчет компенсации, присуждаемой инвестору, и учет сопутствующей вины инвестора при расчете суммы компенсации.

Кроме того, изобретательность инвесторов дает основания предположить появление исков, основанных исключительно на нормах обычного международного права, а не положениях межгосударственных соглашений о защите иностранных инвестиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vandevelde K. J. A Brief History of International Investment Agreements / K. J. Vandevelde // U.C. Davis Journal of International Law & Policy. – 2005. – Vol. 12, No. 1. – P. 157–194.

¹⁹ Cambodia Power Company v. Kingdom of Cambodia. ICSID Case No. ARB/09/18. Decision on Jurisdiction of 22 March 2011; Accession Mezzanine Capital L.P. and Danubius Kereskedőház Vagyonkezelő Zrt. v. Hungary. ICSID Case No. ARB/12/3. Decision on Respondent's Objection under

Arbitration Rule 41(5) of 16 January 2013; Emmis International Holding, B.V., Emmis Radio Operating, B.V., MEM Magyar Electronic Media Kereskedelmi és Szolgáltató Kft. v. The Republic of Hungary. ICSID Case No. ARB/12/2. Award of 16 April 2014.

2. Muchlinski P. T. The Rise and Fall of the Multilateral Agreement on Investment: Where Now / P. T. Muchlinski // *The International Lawyer*. – 2000. – Vol. 34, No. 3. – P. 1033–1053.
3. Hirsch M. Sources of International Investment Law / M. Hirsch // *International Investment Law and Soft Law* / eds. A. Bjorklund, A. Reinisch. – Edward Elgar, 2012. – P. 9–38.
4. McLachlan C. Is There an Evolving Customary International Law on Investment? / C. McLachlan // *ICSID Review-Foreign Investment Law Journal*. – 2016. – Vol. 31, iss. 2. – P. 257–269. – DOI: 10.1093/icsidreview/siw015.
5. Salacuse J. W. The Treatification of International Investment Law / J. W. Salacuse // *Law and Business Review of Americas*. – 2007. – Vol. 13, No. 1. – P. 155–166.
6. Исполинов А. Риски современного международного обычая и пути их минимизации / А. Исполинов // *Международное правосудие*. – 2023. – № 2 (46). – С. 70–91. – DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-70-91.
7. Исполинов А. Локальные (партикулярные) обычаи, Международный суд ООН и проблема согласия государств / А. Исполинов // *Закон*. – 2024. – № 8. – С. 122–132. – DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-8-122-132.
8. Fauchald O. K. The Legal Reasoning of ICSID Tribunals – An Empirical Analysis / O. K. Fauchald // *European Journal of International Law*. – 2008. – Vol. 19, iss. 2. – P. 301–364. – DOI: 10.1093/ejil/chn011.
9. Balcerzak F. The Role of Customary International Law in International Investment Law Remedies: The Curious Case of Natural Resources / F. Balcerzak // *Custom and its Interpretation in International Investment Law* / eds. P. Merkouris, A. Kulick, J. M. Álvarez-Zarate, M. Żenkiewicz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 284–306. – DOI: 10.1017/9781009255462.016.
10. Lekkas S.-I. Uses of the Work of International Law Commission on State Responsibility in International Investment Arbitration / S.-I. Lekkas // *Custom and its Interpretation in International Investment Law* / eds. P. Merkouris, A. Kulick, J. M. Álvarez-Zarate, M. Żenkiewicz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 93–122. – DOI: 10.1017/9781009255462.008.
11. Paparinskis M. Investment Treaty Arbitration and the (New) Law of State Responsibility / M. Paparinskis // *European Journal of International Law*. – 2013. – Vol. 24, iss. 2. – P. 617–647. – DOI: 10.1093/ejil/cht025.
12. Shirlow E. The ILC Articles on State Responsibility in Investment Treaty Arbitration / E. Shirlow, K. Duggal // *ICSID Review-Foreign Investment Law Journal*. – 2022. – Vol. 37, iss. 1–2. – P. 378–542. – DOI: 10.1093/icsidreview/siac008.
13. Marboe I. Compensation and Damages in International Law: The Limits of “Fair Market Value” / I. Marboe // *The Journal of World Investment & Trade*. – 2006. – Vol. 7, iss. 5. – P. 723–759. – DOI: 10.1163/221190006X00379.
14. Álvarez-Zarate J. M. Assessing Damages in Customary International Law: The Chorzów’s Tale / J. M. Álvarez-Zarate // *Custom and its Interpretation in International Investment Law* / eds. P. Merkouris, A. Kulick, J. M. Álvarez-Zarate, M. Żenkiewicz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 71–90. – DOI: 10.1017/9781009255462.006.
15. Bonnitcha J. Damages and ISDS Reform: Between Procedure and Substance / J. Bonnitcha, M. Langford, J. M. Alvarez-Zarate, D. Behn // *Journal of International Dispute Settlement*. – 2023. – Vol. 14, iss. 2. – P. 213–241. – DOI: 10.1093/jnlids/idab034.
16. Marzal T. Quantum (In)Justice: Rethinking the Calculation of Compensation and Damages in ISDS / T. Marzal // *The Journal of World Investment & Trade*. – 2021. – Vol. 22, iss. 2. – P. 249–312. – DOI: 10.1163/22119000-12340209.
17. Marcoux J.-M. Foreign Investors’ Responsibilities and Contributory Fault in Investment Arbitration / J.-M. Marcoux, A. K. Bjorklund // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2020. – Vol. 69, iss. 4. – P. 877–905. – DOI: 10.1017/S0020589320000354.
18. Ромашев Ю. С. К вопросу о понятии международного обычая / Ю. С. Ромашев // *Московский журнал международного права*. – 2022. – № 1. – С. 27–37.
19. Boudouhi S. E. Recourse to Legal Experts for the Establishment and Interpretation of Customary Norms in Investment Law / S. E. Boudouhi // *Custom and its Interpretation in International Investment Law* / eds. P. Merkouris, A. Kulick, J. M. Álvarez-Zarate, M. Żenkiewicz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 23–45. – DOI: 10.1017/9781009255462.004.
20. Gazzini T. The Role of Customary International Law in the Field of Foreign Investment / T. Gazzini // *The Journal of World Investment & Trade*. – 2007. – Vol. 8, iss. 5. – P. 691–715. – DOI: 10.1163/221190007X00143.

21. Mejía-Lemos D. The Identification of Customary International Law, and International Investment Law and Arbitration: State Practice in Connection with Investor-State Proceedings / D. Mejía-Lemos // *Custom and its Interpretation in International Investment Law* / eds. P. Merkouris, A. Kulick, J. M. Álvarez-Zarate, M. Żenkiewicz. – Cambridge : Cambridge University Press, 2024. – P. 46–70. – DOI: 10.1017/9781009255462.005.

22. Torres F. E. Revisiting the *Chorzów Factory* Standard of Reparation – Its Relevance in Contemporary International Law and Practice / F. E. Torres // *Nordic Journal of International Law*. – 2021. – Vol. 90, iss. 2. – P. 190–227. – DOI: 10.1163/15718107-bja10023.

23. Alvarez J. E. A BIT on Custom / J. E. Alvarez // *New York University Journal of International Law & Politics*. – 2009. – Vol. 42. – P. 17–80.

24. Dumberry P. Are BITs Representing the “New” Customary International Law in International Investment Law? / P. Dumberry // *Penn State International Law Review*. – 2010. – Vol. 28, No. 4. – P. 675–701.

25. Parlett K. Claims under Customary International Law in ICSID Arbitration / K. Parlett // *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*. – 2016. – Vol. 31, iss. 2. – P. 434–456. – DOI: 10.1093/icsidreview/siw009.

REFERENCES

1. Vandevelde K.J. A Brief History of International Investment Agreements. *U.C. Davis Journal of International Law & Policy*, 2005, vol. 12, no. 1, pp. 157–194.

2. Muchlinski P.T. The Rise and Fall of the Multilateral Agreement on Investment: Where Now. *The International Lawyer*, 2000, vol. 34, no. 3, pp. 1033–1053.

3. Hirsch M. Sources of International Investment Law, in: Bjorklund A., Reinisch A. (eds.). *International Investment Law and Soft Law*, Edward Elgar Publ., 2012, pp. 9–38.

4. McLachlan C. Is There an Evolving Customary International Law on Investment?. *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*, 2016, vol. 31, iss. 2, pp. 257–269. DOI: 10.1093/icsidreview/siw015.

5. Salacuse J.W. The Treatification of International Investment Law. *Law and Business Review of Americas*, 2007, vol. 13, no. 1, pp. 155–166.

6. Ispolinov A. Risks of modern customary international law and ways of minimizing them. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International Justice*, 2023, no. 2 (46), pp. 70–90. DOI: 10.21128/2226-2059-2023-2-70-91. (In Russ.).

7. Ispolinov A. Local (Particular) Customs, International Court of Justice and the Problem of State Consent. *Zakon*, 2024, no. 8, pp. 122–132. DOI: 10.37239/0869-4400-2024-21-8-122-132. (In Russ.).

8. Fauchald O.K. The Legal Reasoning of ICSID Tribunals – An Empirical Analysis. *European Journal of International Law*, 2008, vol. 19, iss. 2, pp. 301–364. DOI: 10.1093/ejil/chn011.

9. Balcerzak F. The Role of Customary International Law in International Investment Law Remedies: The Curious Case of Natural Resources, in: Merkouris P., Kulick A., Álvarez-Zarate J.M., Żenkiewicz M. (eds.). *Custom and its Interpretation in International Investment Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2024, pp. 284–306. DOI: 10.1017/9781009255462.016.

10. Lekkas S.-I. Uses of the Work of International Law Commission on State Responsibility in International Investment Arbitration, in: Merkouris P., Kulick A., Álvarez-Zarate J.M., Żenkiewicz M. (eds.). *Custom and its Interpretation in International Investment Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2024, pp. 93–122. DOI: 10.1017/9781009255462.008.

11. Paparinskis M. Investment Treaty Arbitration and the (New) Law of State Responsibility. *European Journal of International Law*, 2013, vol. 24, iss. 2, pp. 617–647. DOI: 10.1093/ejil/cht025.

12. Shirlow E., Duggal K. The ILC Articles on State Responsibility in Investment Treaty Arbitration. *ICSID Review – Foreign Investment Law Journal*, 2022, vol. 37, iss. 1–2, pp. 378–542. DOI: 10.1093/icsidreview/siac008.

13. Marboe I. Compensation and Damages in International Law: The Limits of “Fair Market Value”. *The Journal of World Investment & Trade*, 2006, vol. 7, iss. 5, pp. 723–759. DOI: 10.1163/221190006X00379.

14. Álvarez-Zarate J.M. Assessing Damages in Customary International Law: The Chorzów’s Tale, in: Merkouris P., Kulick A., Álvarez-Zarate J.M., Żenkiewicz M. (eds.). *Custom and its Interpretation in International Investment Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2024, pp. 71–90. DOI: 10.1017/9781009255462.006.

15. Bonnitcha J., Langford M., Alvarez-Zarate J.M., Behn D. Damages and ISDS Reform: Between Procedure and Substance. *Journal of International Dispute Settlement*, 2023, vol. 14, iss. 2, pp. 213–241. DOI: 10.1093/jnlids/idab034.

16. Marzal T. Quantum (In)Justice: Rethinking the Calculation of Compensation and Damages in ISDS. *The Journal of World Investment & Trade*, 2021, vol. 22, iss. 2, pp. 249–312. DOI: 10.1163/22119000-12340209.

17. Marcoux J.-M., Bjorklund A.K. Foreign Investors' Responsibilities and Contributory Fault in Investment Arbitration. *International and Comparative Law Quarterly*, 2020, vol. 69, iss. 4, pp. 877–905. DOI: 10.1017/S0020589320000354.

18. Romashev Yu.S. To the Question of the Concept of International Custom. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2022, no. 1, pp. 27–37. (In Russ.).

19. Boudouhi S.E. Recourse to Legal Experts for the Establishment and Interpretation of Customary Norms in Investment Law, in: Merkouris P., Kulick A., Álvarez-Zarate J.M., Żenkiewicz M. (eds.). *Custom and its Interpretation in International Investment Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2024, pp. 23–45. DOI: 10.1017/9781009255462.004.

20. Gazzini T. The Role of Customary International Law in the Field of Foreign Investment. *The Journal of World Investment & Trade*, 2007, vol. 8, iss. 5, pp. 691–715. DOI: 10.1163/221190007X00143.

21. Mejía-Lemos D. The Identification of Customary International Law, and International Investment Law and Arbitration: State Practice in Connection with Investor-State Proceedings, in: Merkouris P., Kulick A., Álvarez-Zarate J.M., Żenkiewicz M. (eds.). *Custom and its Interpretation in International Investment Law*, Cambridge, Cambridge University Press, 2024, pp. 46–70. DOI: 10.1017/9781009255462.005.

22. Torres F.E. Revisiting the *Chorzów Factory* Standard of Reparation – Its Relevance in Contemporary International Law and Practice. *Nordic Journal of International Law*, 2021, vol. 90, iss. 2, pp. 190–227. DOI: 10.1163/15718107-bja10023.

23. Alvarez J.E. A BIT on Custom. *New York University Journal of International Law & Politics*, 2009, vol. 42, no. 1, pp. 17–80.

24. Dumberry P. Are BITs Representing the "New" Customary International Law in International Investment Law?. *Penn State International Law Review*, 2010, vol. 28, no. 4, pp. 675–701.

25. Parlett K. Claims under Customary International Law in ICSID Arbitration. *ICSID Review - Foreign Investment Law Journal*, 2016, vol. 31, iss. 2, pp. 434–456. DOI: 10.1093/icsidreview/siw009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пименова Софья Дмитриевна – кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1
E-mail: s_pimenova@law.msu.ru
ORCID: 0000-0002-3924-0170
SPIN-код РИНЦ: 2885-0379

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sofia D. Pimenova — PhD in Law, Assistant,
Department of International Law
Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia
E-mail: s_pimenova@law.msu.ru
ORCID: 0000-0002-3924-0170
RSCI SPIN-code: 2885-0379

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пименова С.Д. Особенности применения международных обычаев в практике инвестиционного арбитража / С.Д. Пименова // *Правоприменение*. – 2025. – Т. 9, № 2. – С. 159–168. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).159-168.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pimenova S.D. Application of the rules of customary international law in the practice of investor–state arbitral tribunals. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 2, pp. 159–168. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(2).159-168. (In Russ.).